

СЕМЬЯ И ШКОЛА

6/1970

ЖУРНАЛ ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ

НЕЛЬЗЯ
НЕЛЬЗЯ
НЕЛЬЗЯ
НЕЛЬЗЯ
НЕЛЬЗЯ

Если б всякий раз,
когда произносится
звонил колокол, никто не смог бы
вынести такого шума.
Беда, если мы употребляем
«нельзя!», лишь выражая свое
нетерпение, а не из желания
предостеречь ребенка.

Так интересно — жить...

Идут, шагают
по зеленым просторам
девчонки и мальчишки...

Родина дарит им
цветочные ковры,
тенистые шатры лесов,
голубые чаши
озер, рек и морей.

Когда хорошо детям —
хорошо и нам.

Они — наша радость,
наша надежда.

В Международный день
защиты детей
мы желаем
всем ребятишкам,
живущим на земле,
чистого неба,
здоровья и счастья!

содержание

приглашаем на родительское собрание с. езерский ● кем быть? каким быть!	2
<i>родителям новичков</i>	
и. гаркунова, е. мишарева ● до школы — для школы	6
о. досева ● не тяжело ли было малышам?	8
а. фролов ● дневник отца	10
письма. ответы. комментарии	14
конкурс „расскажите о своей жизни“	17
и. кон ● возраст и общество	18
консультации „семья и школы“	22
<i>из педагогического наследия</i>	
джон локк ● мысли о воспитании	24
в. померанцев ● встречи	30
а. фромм ● нельзя!	33
<i>путь и профессии</i>	
дамский мастер	34
гворят дети	35
<i>природа</i>	
и. петрянов ● воздух	36
о. седов ● мама, привези скальпель!	39
п. смолин ● в июне	40
ф. батлер ● в каменном омуте	42
<i>ниги</i>	
с. каневская, н. амирджанова ● школа дошкольника; л. панте- леев ● образ поэта; е. аксенова ● миссионеры или органи- заторы?; л. лазарев ● „братства людского гранит“; в. шат- чинин ● похвала мудрости; в. щербаков ● генетика для начинающих; и. любимов ● плутон находит работу; недавно выпущено...	45
<i>театр</i>	
в. андрушиевич ● и чувство и мысль	53
<i>музыка</i>	
е. зайцева ● слушая глинку	55
<i>радио</i>	
м. константиновский ● коапп. „репортаж о событиях неве- роятных“	57
раз, два — и в дамки!	61
с. глязер ● игры и забавы на воде	62
<i>история одной картины</i>	
л. осипова ● сквозь толщу столетий	64
на 2-й странице обложки и 1-й странице вкладки фото п. дозгодьно, г. нонданова, г. меньшинова, л. янубовой; на 2-й странице вкладки фото б. раскина; на 4-й стра- нице вкладки и 3-й странице обложки фоторепортаж вл. михайлова.	

семья и школа

ежемесячный журнал для родителей
Академии педагогических наук СССР
июнь 1970 года № 6 25-й год издания

приглашаем
на
родительское
собрание

кем
быть
?
каким
быть
!

Это собрание состоялось в ленинградской школе № 30. Руководитель выпускного класса С. Н. Езерский по нашей просьбе передал нам запись своего выступления перед родителями учеников.

Уважаемые папы и мамы!

Тему беседы, которую мне поручено провести, можно определить так: чем вы, родители, можете помочь своим детям в выборе жизненного пути.

Если говорить откровенно, я принял поручение выступить перед вами не без внутреннего сопротивления.

Сфера действий учителя — дети. Здесь учителю не то чтобы все легко и просто, но все-таки знакомо и привычно. Я знаю детей, они знают меня. Какой бы ни был учитель, но он в глазах детей — специалист, авторитет — хотя бы в силу одного своего служебного положения. Другое дело — вы. Среди вас есть люди, которые, возможно, старше меня по возрасту, богаче по жизненному опыту, руководящие коллективами куда большими и куда более сложными, чем, скажем, я как классный руководитель.

И если я все-таки согласился выступать, то потому, что не собираюсь читать лекцию. Просто буду излагать вам свои взгляды на эту проблему. Согласны вы будете с ними или нет, но это взгляды, которыми я руководжусь как учитель. Мои ученики — это ваши дети. Следовательно, я даже обязан отчитаться перед вами. Надеюсь, что поэтому и вам небезынтересно, в каком направлении я воздействую на ваших детей.

Итак, это не доклад, не лекция. Я хочу поделиться с вами своими наблюдениями, раздумьями, тревогами, может быть, высказать свои претензии к вам. А уж ваше дело, как к ним отнестись: согласиться и учесть, отвергнуть или пренебречь.

Чем определяется научный подход к проблеме выбора профессии?

Я представляю себе его сущность так: каждая профессия требует от человека определенных способностей, свойств, качеств, склада ума, особенностей натуры или характера. И вот, исходя из этого, ученые, специалисты и дают свои заключения или рекомендации — соответствует ли человек этим требованиям.

Вероятно, такому подходу принадлежит будущее. Но будущее довольно отдаленное, потому что научные основы такого подхода еще недостаточно разработаны. Потом, рекомендации эти, даже если они и будут научно обоснованы, не могут иметь обязательного характера. С ними один может посчитаться, другой вправе ими пренебречь.

Исходя из того, что дети многие профессии представляют себе очень смутно, а о многих даже и вовсе не имеют представления, школы организуют экскурсии учащихся на фабрики и заводы, приглашают к себе представителей разных профессий.

Профориентация — дело, безусловно, нужное, полезное. Но и у нее, как мне кажется, есть свои слабые места. Мне не раз доводилось слушать выступления мастеров своей профессии перед детьми. Люди это были замечательные. О своем деле они говорили влюбленно. Послушаешь один рассказ, и кажется, что нет ничего лучшего, чем быть, скажем, сталеваром, а послушаешь другой рассказ — машинистом электроваза, а третий — строителем. Мне все это понятно, близко. Но мне кажется все-таки, что такие встречи и такие рассказы не достигают своей цели, когда превращаются в панегирик своей профессии. Ребятам, как мне представляется, надо больше говорить не только об особенностях труда, но и о сущности человеческого удовлетворения от труда. Надо приближать детей к пониманию того, что в труде важна не только его специфика, но его главный смысл — польза, которую он приносит обществу. А ведь именно это чаще всего ускользает от детей.

Человек, глядящий на жизнь потребительски, будет и к выбору профессии относиться потребительски: он будет думать, что она ему даст, какие выгоды и какие перспективы сулит, что он, так сказать, затратит и что получит. Конечно, мы все люди, и мы не сбрасываем со счетов практические соображения при выборе профессии. Я часто даже жалею, что дети наши, к сожалению, не всегда обладают этим разумным практицизмом. Иной раз ложная романтика, ложно понятая экзотика влечет молодых к профессиям, для которых у них нет данных, и как тут важна была бы трезвость, а порой и житейский расчет, который оберег бы их.

Сколько, помню, разговаривал я с одной из своих учениц, убеждая ее не идти в геологи. И не по одному только, что здоровье у нее было слабое и что была она одна у матери, женщины, нуждавшейся в уходе. Но и потому, пусть это прозвучит старомодно, консервативно, даже ретроградно, что есть, по-моему, профессии не женские. И девушки должны это понимать и принимать во внимание, когда думают о будущем.

приглашаем
на
родительское
собрание

Как-то на уроке, рассказывая о первых пятилетках, я привел такую деталь: в те годы проводились мобилизации — партийные, комсомольские, профсоюзные — на учебу. По призыву партии тысячи людей становились строителями, металлургами, энергетиками, химиками и т. д. Видимо, я говорил об этом не протокольно, а с каким-то вызовом, потому что после уроков меня обступили ученики и разгорелся то ли спор, то ли разговор, который для меня, порой, дороже самого урока.

О чем же мы говорили или спорили?

Что касается меня, то мне хотелось донести до ребят одну очень дорогую для меня мысль. А именно ту, что подавляющее большинство людей, мобилизованных на учебу, потом никогда не тяготились своей профессией, полученной, так сказать, по долгу. И мало того — сколько таких людей стали выдающимися специалистами. Словом, я хотел сказать ребятам, что профессию можно рассматривать и как способ служения революции, Родине.

О, я совсем не за то, чтобы вернуться к мобилизациям. Ведь это была мера вынужденная, продиктованная временем.

Ни одного своего ученика, если он хочет стать инженером, ученым, я не буду уговаривать пойти на завод, стать токарем или слесарем, потому что токари и слесари сейчас нужнее государству. Но если бы из окончивших школу, в том числе нашу — математическую, кто-либо из юношей или девушек выразил желание пойти на завод или в сферу обслуживания — я бы не стал уважать их меньше, чем тех, кто поступает в университет. И не потому, что я смотрел бы на них как на героев, но потому, что в человеке мне дорого не кто он, а каков он как человек, как личность.

В этой связи мне хотелось бы рассказать одну историю.

Год назад нашу школу окончил юноша. Назовем его Димой. Славный паренек, что и говорить. Знаете, бывают такие: и молодые, и в то же время вдумчивые, серьезные, ответственные. Вот и Дима был таким. На выпускном вечере он трижды подходил к столу, получая грамоты за успехи в математике, физике и общественном воспитании.

Дима учился в классе, где я не преподаю. Но мы как-то познакомились.

Не я, а Дима стал все чаще заводить разговор об учительской работе. И не в том плане, как часто бывает с учениками, расстающимися со школой, так сказать, благодарно и элегически. Нет, Дима интересовался всеми сторонами педагогической деятельности. Он говорил об учительской работе с глубоким пониманием ее общественного значения, я бы сказал — гражданственно, то есть отдавая себе отчет, как важна она для страны.

По многим признакам догадывался я, что его серьезно занимает перспектива стать учителем.

Что скрывать, я радовался этому.

Нет, это была не только радость профессиональная, что вот, мол, нашего полку прибыло. Я радовался и по-другому — за ребят, у которых будет такой молодой, знающий, эрудированный, интеллигентный, даже внешне красивый учитель. Я радовался за Диму, представляя, как его будут любить ученики.

Но Дима не пошел в педагогический институт, как я этого ждал.

Что ж, это было его право. И формально я ни в чем не могу его упрекнуть. Более того, я уверен, что он станет дельным инженером. Но какое-то недоумение у меня осталось. И, видимо, сам Дима тоже ощущает неловкость. Встречаемся мы теперь редко и без прежней теплоты.

Мне нечего скрывать — я смотрю на Диму уже не по-прежнему. Я не могу теперь уважать его, как раньше. Он много потерял в моих глазах. Не потому, конечно, что не стал учителем. А потому, что испугался стать им. Побоялся трудностей. Забыл, что сам говорил о детях, которым так нужны хорошие учителя.

О, я вовсе не призываю молодежь к самопожертвованию, к самоотречению, к подвижничеству. Да и с каких это пор учительская работа — подвиг, самоотречение? Конечно, учительская деятельность нелегка. Что тут говорить!.. Но она знает свои удовлетворения, свои радости, может быть, и более высокие, чем дает профессия инженера.

Теперь о родительском подходе к проблеме выбора профессии.

Прежде всего, можно ли вообще говорить о каком-то общем для всех родителей подходе? Родители ведь очень отличаются друг от друга. Но при всем этом им присуще одно общее — они отцы и матери своих детей. И чувство материнства и отцовства, как мы увидим, более властно определяет их отношение к проблеме, чем различия в возрасте, образовании, общественном положении. Любовь к детям — одно из самых благородных, возвышенных чувств. Но оно неизбежно таит в себе противоречия.

«Два желания, часто противоположные, борются в душе каждого отца и каждой матери; они желали бы видеть в детях своих все нравственные совершенства, но в то же время желают им таких успехов в жизни, из которых некоторые не всегда ладят с нравственными совершенствами».

приглашаем
на
родительское
собрание

кем
быть
?
каким
быть
!

Так еще сто лет назад характеризовал причину противоречивости отцовских и материнских чувств великий русский педагог К. Д. Ушинский. Уже тогда он предупреждал о вытекающем отсюда зле — эгоизме, предостерегал от опасности семейного эгоизма.

Что же такое семейный эгоизм? Неужели он в том, что каждый отец и мать хотят своим детям успеха в жизни? Нет же, конечно, не в этом. Само по себе такое желание прекрасно, естественно. Страшно другое — то именно, что во имя этого родители готовы на все, не останавливаются ни перед чем. Семейные дела и сейчас остаются той областью, где люди, самые принципиальные и честные, проявляющие в другом отношении образец высочайшей щепетильности, забывают порой об элементарной порядочности. Да что уж!.. Есть ли какая-либо преграда, которая могла бы остановить любящую мать или любящего отца, когда дело идет о судьбе, о счастье их детей?

Вы, вероятно, читали в газетах отчет о судебном процессе над работниками Московского полиграфического института, бравшими с родителей взятки за устройство их детей в вуз. Не сами взяточники поразили меня; их падение можно объяснить жадой обогащения. Но вот о ком я думал долго и тревожно: о матерях, дававших взятки. Они, конечно, тоже совершили преступление, предлагая взятку. Но преступники ли они, во всем подобные тем, кто взятки вымогал и принимал? Любой скажет, что между ними нельзя ставить знак равенства. Матери совершили преступление, движимые любовью, а не корыстью. Я могу даже поверить, что матери эти во всех других сферах жизни были, вероятно, честными, порядочными людьми. Но тем страшней, тем общественно опасней такая слепая любовь!

Мне не хотелось бы фиксировать ваше внимание на фактах именно такого рода. Все это все-таки факты исключительные. Важнее, по моему, осознать, что в той или иной форме все мы не свободны от родительского эгоизма. В свое время и мне как отцу пришлось немало пережить похожего, когда мой сын окончил среднюю школу. Дело не в том, чтобы заклеить эгоизм, а в том, чтобы превозмочь его, вытравить, сколько это возможно.

В этой связи мне хочется рассказать вам об одном случае, на первый взгляд мелком, малозначительном, но очень наглядно показывающем, что мы порой сами не замечаем неприглядности своих позиций, когда речь идет о наших детях.

Недавно, с неделю назад, ко мне обратилась мать одной из моих учениц: ее беспокоило, что у дочери по истории тройка...

Я был польщен. Если говорить правду, то к учителям истории по такому поводу родители обращаются редко. Иное дело, к учителю математики или физики. Вот, думал, как это хорошо, что маму огорчает тройка, полученная дочерью по истории, предмету, который, как я верю, имеет такое большое значение для духовного развития учащихся. Оказывается, не всем, подумал я, это безразлично. Тем более что мама даже упомянула, что это обидно отцу девушки — историку.

Но как я ошибся! Мама сказала мне буквально:

— Знаете, теперь при поступлении в вуз обращают внимание и на отметки по истории и обществоведению, хотелось бы, чтобы у дочки была хоть четверка!..

Вот так!

Невольно вспоминаешь слова того же Ушинского: «...мать, приготавливая сына к жизни... думает нередко только о его счастье, а не о его нравственном достоинстве и часто желает ему счастья, во что бы ни обошлось оно государству, человечеству и собственному нравственному достоинству ее сына».

Я не могу не сказать и о том, что к родительскому эгоизму нередко присоединяется еще и родительское властолюбие, тщеславие, особенного рода хвастовство своими детьми. Разве редки случаи, когда родители выбирают за детей их будущую профессию и, опираясь на свой авторитет, а чаще на свою власть, настаивают на своем выборе, ломая слабое сопротивление своих детей?

Недавно я разговаривал с одной из своих учениц — милой, скромной, очень сдержанной, даже стеснительной. Не по душе мне любовные вопросы: куда пойдешь после школы? Но тут само собой получилось, что я об этом заговорил.

— Мама хочет, чтобы я стала инженером.

— А ты сама?

— Я не знаю...

Я не осмелюсь говорить ее матери, что дочери ее лучше бы пойти в гуманитарный вуз. Но стоит ли так опекать 17-летнюю девушку, предвещая ее судьбу?

Впрочем, я знаю мать этой ученицы. Я знаю, что здесь все-таки нет диктата. Но сколько я знаю других случаев, когда такой диктат существует!

Что страшного в этом диктате?

Для меня самое страшное — это то, что он ведет к разрушению личности. Он убивает светлые и чистые порывы, столь свойственные молодости. О, я не обобщаю, не забываю, что есть родители, которые мудры и в отношениях с детьми избегают такого грубого давления. Но я не боюсь повторить вслед за Ушинским:

«Да, мы смело показываем, что семейный эгоизм наш отравляет в самом корне наше общественное воспитание, — это его глубочайшая язва, из которой, по нашему мнению, происходят все болезни...»

приглашаем
на
родительское
собрание

Желание видеть своих детей счастливыми — не только эгоистично, но оно и естественно. И было бы поэтому глупо не видеть и не понимать, как во многом счастье детей зависит от родителей. И как много могут они сделать для действительного счастья своих детей.

Нет человека, который мог бы точно сказать, что такое счастье, выразить его точной математической формулой. Но зато все знают, что формула эта предполагает несколько членов. Работа, как бы ни было велико ее значение, только один из членов формулы. Но возможно ли полное счастье без любви? Без радостей супружества, без радостей материнства и отцовства? Без радостей эстетических?

Все вы, наверно, видели фильм «Доживем до понедельника». Помните, есть там такой эпизод: учительница литературы, прочитав сочинение десятиклассницы, приходит в ужас: девушка мечтает выйти замуж, стать матерью четырех детей...

В этом месте зрители обычно громко смеются. Смеются, конечно, не над девушкой, а над учительницей, обескураженной, шокированной, даже испуганной такой будничной, с ее точки зрения, мечтой.

Но давайте представим себе, что эта девушка — ваша дочь. Какова была бы ваша реакция на такую ее мечту? Не оказались бы вы в положении учительницы? Может быть, вы проявили бы больше выдержки, рассудительности, спокойствия. Но разве вы не сказали бы ей:

— Милая Таня (Наташа, Лида, Люда...)... Семейное счастье, конечно, очень важно. Но, дочь наша, прежде, чем думать о нем, надо кончить институт или хотя бы техникум, получить профессию.

Словом, как в популярной старой песне:

Первым делом, первым делом самолеты.

Ну, а девушки? А девушки потом!..

Я тоже не за то, чтобы девушки выходили замуж прямо со школьной скамьи. Но я за то, чтобы мы воспитывали в своих детях большее уважение к любви, к семейному счастью, чтобы они не считали их чем-то, что приложится само собой, что носит характер, так сказать, подсобный, второстепенный, не главный.

Был у меня такой ученик Гера. Очень способный и очень увлекавшийся математикой. Так произошло, что однажды он загляделся на ученицу из другого класса — Ниночку. Я знал обоих, пользовался их доверием. Назревал роман. Я не то чтобы радовался этому, но всегда думаю, что юность обеднена, если она не прошла через такие увлечения. Но роман не состоялся. Встречи быстро оборвались. Гера, которого я как-то спросил, откровенно ответил:

— Знаете, это отнимает столько времени...

Вот вы смеетесь. А мне было грустно.

Такой поворот в моей беседе может вызвать вопрос: а какое отношение к выбору профессии имеет любовь? По-моему, имеет самое прямое и непосредственное. Труд — главное условие счастья, но им не исчерпывается то, что мы называем жизнью. Труд — один из главных компонентов счастья, но не единственный. И я убежден, что люди, осознавшие это, иначе относятся к выбору профессии. Умея видеть жизнь в целом, они трезво оценивают и свои возможности. Нет, нет, не в том смысле, что принижают значение труда, что смотрят на него утилитарно, практично или отказываются от творческих радостей труда. Нет, они просто понимают, что счастье не зависит от должностей, степеней и званий.

Вот вы — люди, в большинстве своем прошедшие уже половину своего жизненного пути, скажите, когда и почему вы были по-настоящему счастливы? Что делало вас счастливыми? В трудные минуты жизни в чем черпали вы силу? Кто поддерживал вас, когда на вашу долю падало испытание? Скажите же своим детям, скажите открыто, честно, что в жизни важно не кто ты, а каков ты — добрый или злой, черствый или великодушный, благородный или подлый, верный или неверный.

Как мало, как редко, как робко, как тускло говорим мы детям о значении нравственных качеств, об их непреходящей ценности для любого труда, для подлинно счастливой и достойной жизни.

Я уже говорил и снова повторяю — выбор профессии зависит и от нравственного облика юноши и девушки, от его мировоззрения, от его понимания своего общественного долга, наконец от его представлений о счастье. Помочь своим детям в выборе профессии — это, по-моему, значит не только рассказать им об особенностях того или иного труда, но, прежде всего, помочь им выработать правильный, серьезный, трезвый взгляд на труд в целом, на цель и смысл жизни человеческой. И если мы именно так будем воспитывать детей, то проблема выбора профессии во многом потеряет свою сложность, свою нынешнюю противоречивость, в стране будут и токари, и слесари, и портные, а главное — будет все больше и больше счастливых людей!..

ДО ШКОЛЫ- ДЛЯ ШКОЛЫ

Однажды нам пришлось быть невольными свидетельницами такой сцены. Двое малышей лет шести играли в сквере. Один сказал: «Бежим! А там, у третьей скамейки, заходи слева!» Другой растерянно оглядывался по сторонам. Он, бедняга, не знал, где третья скамейка и что значит заходить слева.

Скоро эти ребята придут в первый класс. С самого начала они встретятся с известными трудностями. Подготовить ребенка к ним — важная задача детского сада и семьи.

В детском саду такая подготовка ведется в старших группах. Что же рекомендовать родителям, чьи дети не ходят в детский сад?

Поступая в школу, ребята обычно уже умеют считать в пределах 10. Многие успешно справляются с заданием пересчитать группу определенных предметов, например яблоки на тарелке, кубики в коробке и т. д. Но попросите, скажем, принести пять шариков — ребенок испытывает затруднение и может принести больше или меньше пяти. Дело в том, что он не в состоянии еще правильно соотнести названное число с количеством предметов, которое оно обозначает. Поэтому после пересчитывания предметов (скажем, чашек на столе) полезно спросить: «Сколько же чашек стоит на столе?» Дети должны усвоить: последнее число, названное при счете, и отвечает на вопрос «Сколько?» Так, если при пересчете чашек последним числом было названо число 6, значит, на столе стоит шесть чашек.

Пересчитывание предметов помогает детям твердо запомнить числа натурального ряда и правильно соотносить названное число с соответствующим количеством предметов. Вместе

с обычным счетом полезно знакомить детей с порядковым счетом. Закреплять его можно с помощью игры. Скажем, дети становятся в круг, а в середине стоит ведущий. Бросая мяч кому-либо из играющих, он называет при этом какое-нибудь порядковое число, например «второй». Поймавший мяч отвечает: «третий» и т. д. Побеждает тот, кто ни разу не ошибется.

Помогите детям практически осваивать такие понятия, как слева, справа, сзади, спереди, вверх, вниз, вперед, за, между. Это тоже можно делать на основе игровых упражнений. Так, читая детям сказку К. И. Чуковского «Тараканище», обратите внимание на иллюстрацию. Помните: «Ехали медведи на велосипеде. А за ними кот задом наперед. А за ним комарики на воздушном шарике. А за ними раки на хромой собаке» и т. д. Разбирая рисунок, спросите: кто ехал за медведями? После комариков? Перед раками? Между медведями и комариками? Кто ехал первым? Третьим? Последним?

Понятия слева, справа очень удобно разъяснять на окружающих предметах. Прежде всего, пусть ребенок хорошо усвоит, какая рука у него левая, какая правая. Затем можно спрашивать, где находится дверь — слева или справа? А окно? А буфет? И т. д. На прогулке познакомьте ребенка с правосторонним и левосторонним движением, а также с правилами перехода улицы — сначала смотрим налево, а потом направо. При ходьбе по тротуару придерживаемся правой стороны.

В первом классе учащиеся узнают о единицах измерения длины, веса, объема. Хорошо заранее научить ребенка измерять длину с помощью условно выбран-

ной мерки (отрезка ленты, бумажной полоски, куска веревки, шагов). Попутно обратите его внимание на то, что измерять длину пути, например, веревкой, лучше, чем шагами, так как длина шага у разных людей различная. Одновременно уточняются понятия: длиннее — короче, уже — шире. Ребенок сравнивает две ленты (бумажные полоски) и определяет, какая длиннее и какая короче. Предварительно покажите ему способ сравнения: меньшая лента накладывается на большую так, чтобы начала их совпали. Тогда конец меньшей ленты не достигнет конца большей.

С измерением объема дети тоже знакомятся практически. Они могут определять объем кастрюли, бидона, графина, наполняя их водой с помощью условно выбранной «мерки» (например, стакана или банки). Измерения длины и объема всегда связываются со счетом, в ходе таких упражнений он повторяется и закрепляется.

Понятия больше, меньше, равно полезно формировать, сравнивая не только размеры отдельных предметов, но и разные их количества. Например, вы даете ребенку три карандаша, просите его сосчитать и сказать, сколько их у него. Затем он считает и называет число карандашей, которые держите вы. Пусть их будет четыре. Вы спрашиваете: «У кого карандашей больше?», «У кого меньше?», «Какое же число больше — три или четыре?», «А какое меньше?» Затем уберите из своей руки один карандаш и спросите: «Больше у меня осталось или меньше, чем было?» Попросите посчитать, сколько теперь у вас карандашей, затем опять спросите: «А у кого сейчас карандашей больше, у тебя

или у меня?», «У кого меньше?» Ребенок ответит: карандашей поровну. Спросите, как он понимает это слово и как можно сказать по-другому (одинаковое количество, равное, столько же).

Постепенно дети усвоят, что большее количество предметов обозначается большим числом, а равное количество — одним и тем же числом, и это не зависит ни от размера, ни от цвета и формы предметов. Они также поймут, что если мы прибавляем — становится больше, если отнимаем — становится меньше.

Начните формировать у ребят представление о простейших геометрических фигурах: треугольнике, четырехугольнике, круге. Объяснять их особенности не нужно, достаточно, если ребенок научится отличать их по внешнему виду и изображать на клетчатой бумаге.

Рисование геометрических фигур полезно связать со счетом и закреплением прежде усвоенных понятий. Например — «Нарисуй на первой строчке еще два треугольника», «Ниже нарисуй еще пять», «Слева нарисуй один кружок, справа еще три». Возможны и более сложные задания: «Нарисуй столько же кружков, сколько у меня в руке цветов» и т. п.

Младшие дети очень любят игру «в магазин». Ее можно обогатить, включив простейшие расчеты за «покупки». В ходе игры ребята познакомятся с монетами разного достоинства и научатся набирать определенную сумму разными монетами (1 коп., 2 коп., 3 коп., 5 коп.). Это поможет им усвоить состав чисел в пределах 5. Вместо настоящих монет в игре лучше использовать их увеличенные бумажные изображения.

Теперь несколько советов по развитию речи

будущих школьников. Старшие дошкольники обладают уже определенным запасом слов, знают стихи, сказки, охотно слушают чтение взрослых. Многие родители считают, что перед школой главное — научить сына или дочь читать. Конечно, такое умение облегчит ребенку первые шаги в школе, но оно, само по себе, не устраняет возможных трудностей учения.

Самое важное сейчас — развивать речь детей, расширять их представления и знания об окружающем мире, формировать простейшие навыки учебной деятельности. Что же можно рекомендовать родителям для таких бесед с детьми?

Известно, сколько радости несет ребенку хорошая книга. С удовольствием дети слушают чтение рассказов из серии «Мои первые книжки». Сюда входят русская классика и лучшие произведения советской литературы. Слушание, однако, не должно быть пассивным.

Прочитав небольшой рассказ, спросите у ребенка, о чем он, про кого. Его ответ покажет, насколько правильно понято содержание рассказа. Вместе с тем это даст толчок его творческому воображению. Дети очень любят представлять и разыгрывать все услышанное, внося в сюжет новые детали, придумывая новые реплики. Изображая героев произведения, они невольно дают оценку их действиям, выражают собственное отношение к происходящему. Сам пересказ помогает им овладеть литературной речью. Рассказы Пришвина, Чуковского, Бианки и других писателей вводят детей в многообразный мир природы, будят добрые чувства, расширяют кругозор.

Важно всемерно использовать познавательное содержание произведений. Например, родители читают рассказ «Кто чем поет?» Рассказ очень занимателен, но в нем встречается много новых слов, в частности названий птиц. Мало пользы, если просто сказать: это птицы. Такое объяснение ничего ребенку не несет. Гораздо полезнее, используя иллюстрации в книге, побеседовать с детьми о каждой птице: какой она величины и какие у нее ноги, клюв, хвост, как она прячется от врагов и чем питается.

Узнавая что-то новое, ребята стремятся поделиться этим с товарищами, поговорить, поспорить. Такая практика расширяет их словарь, учит отбирать из многих признаков предмета явления наиболее существенные и характерные. Например, рассказывая о моркови, ребята выделяют ее особенности: длинная, красная, с хвостиком, хрустит, сладкая. Или, говоря о воробье, употребляют слова: серенький, пестрый, как комочек, пушистый, прыгает как мяч, чирикает, боится людей.

Развитию речи хорошо содействуют упражнения, которые учат узнавать и называть предметы, сравнивать их, группировать по сходным признакам. Для таких игр-занятий можно использовать различные картинки, детское лото («Ботаническое», «Зоологическое» и т. д.). Такие упражнения надо проводить ненавязчиво — во время прогулки, загородных поездок, да и в самой домашней жизни.

Например, принесла мама овощи, выкладывает из сумки. Дочка с удовольствием помогает ей, выполняя материнские указания: «Положи в пакет морковку. Оставь две свеклы, мы будем борщ варить. Укроп поставь в мисоч-

ку с водой, там он не завянет» и т. д.

Можно предложить игру: «Что это?» (Репка). «А это?» (Капуста). «Как назвать их одним словом?» (Овощи). Или на прогулке, спрашивая о различных цветах, поведите детей к обобщениям: «Какие вы знаете лесные цветы?», «Луговые цветы?», «Садовые?» Полезны упражнения и такого характера: «Береза, осина — назови их одним словом (Деревья)», «Какие ты еще знаешь деревья?»

Упражнениям легко придать занимательный характер. Например, взрослый, называя группу домашних животных (корова, собака, лошадь), «нечаянно» включает в нее какое-нибудь дикое животное (волк или лиса). А потом предлагает угадать: какое животное тут «заблудилось», кто лишний здесь?

Или такая игра: «Угадай, кто здесь птица, а кто насекомое?» И называются вслух: воробей, муха, курица, жук, синица, пчела и т. д.

Все эти игры-занятия вызывают особый интерес, когда включают в себя элемент соревнования, борьбы. Возьмем, например, игру с мячом «Думай быстро!» Тема ее, скажем, названия зверей. Дети выстраиваются по кругу. Начиная игру, держа мяч в руках, называет какого-нибудь зверя и бросает мяч кому-нибудь. Тот должен быстро назвать следующего зверя и перебросить мяч третьему и т. д. Задержка мяча считается ошибкой.

Тему игры можно менять: вместо зверей называть, например, насекомых, птиц, посуду, мебель и т. д.

**И. ГАРКУНОВА,
Е. МИШАРЕВА,
научные сотрудники
Научно-исследовательского
института школ
Министерства
просвещения РСФСР**

родителям
новичков

НЕ ТЯЖЕЛО ЛИ БЫЛО МАЛЫ ШАМ?

Закончившийся учебный год был необычным — впервые миллионы первоклассников занимались по новым программам трехлетнего начального обучения. Впрочем, впервые — не во всех школах. Переходу на новые программы предшествовала большая подготовительная работа; они опробовались и «обкатывались» во многих московских, новосибирских, липецких, калининских, суздальских, ленинградских школах, начиная с 1959 года.

Исследования педагогов и психологов доказали, что учащиеся начальных классов новой школы не только не уступают в успеваемости, твердости знаний ученикам четырехлетней школы, но во многом превосходят их. Ученик первого класса новой школы читает, пишет и считает грамотнее и быстрее ученика первого класса четырехлетней школы. Доказано также, что маленькие школьники при правильной организации обучения способны усвоить значительно больший объем знаний, чем это предусматривалось старыми программами.

Ну, а как со здоровьем ребенка? Не сказывается ли здесь увеличение умственной нагрузки, не ведет ли к переутомлению? Ведь к интенсивным занятиям в школе добавляется значительная работа дома. Не тяжело ли это для неокрепшего организма?

Сотрудники Института физиологии детей и подростков АПН СССР с 1967 года вели наблюдение за влиянием новой системы обучения на детей. В школах Москвы, Суздаля и Суздальского района мы изучали режим дня школьников, степень их активности во время занятий в классе, изменение работоспособности в течение учебного дня, недели и года. Тщатель-

ный медицинский контроль позволял отметить любые перемены в состоянии здоровья ребят. Для сравнения обследовались, разумеется, и дети, обучавшиеся по старой программе.

Каковы же результаты обследования? Самый первый — работоспособность малышей не уменьшилась; напротив, по многим показателям она выше, чем при занятиях по старой программе. А больше ли стали уставать ребята? Нет, степень утомления в обеих наблюдаемых группах примерно одинакова. Родители не должны пугаться этого слова. Утомление — естественная, биологически целесообразная реакция организма. Известное утомление необходимо — без него невозможно развитие. Опасно не утомление, а переутомление, ибо это уже — болезненное состояние, вызывающее такие, весьма нежелательные, последствия, как расстройства памяти, нарушения аппетита и сна, головные боли, снижение работоспособности. Длительное переутомление ослабляет сопротивляемость организма к различным неблагоприятным влияниям, в том числе и к заболеваниям. Поэтому всякая работа должна чередоваться с отдыхом.

Как показали исследования, полтора часового активного отдыха на открытом воздухе было достаточно, чтобы снять вызванное школьными занятиями утомление. Работоспособность ребенка восстанавливалась полностью и оставалась устойчивой во время подготовки уроков. Не было отмечено более резкого, чем обычно, снижения работоспособности детей к концу учебной недели и учебного года.

Наблюдения показали, что физическое развитие детей, обучающихся по трехлетней системе, соответствует возраст-

ным нормам. У 98 процентов школьников, обучающихся по трехлетней системе начального образования, физическое развитие среднего, выше среднего и высокого уровня, как, впрочем, и у детей, обучающихся по старым программам.

Физиологи не отметили и каких-либо тревожных перемен в состоянии здоровья малышей. Число пропусков занятий по болезни в школах с трехлетним начальным обучением не выше, чем в среднем за последние 15—20 лет. «Индекс здоровья» (число детей, не пропускавших занятия и не обращавшихся к врачу, на 100 наблюдаемых школьников), как обычно, возростал от первого года обучения к третьему и находился в тех же пределах, что и в предыдущие годы. Какого-либо роста заболеваний, обычно связанных с переутомлением, — расстройств нервной системы или снижения остроты зрения — также не отмечено.

Физиологов интересовал и режим дня школьников. Мы тщательно изучили 26 тысяч анкет, заполненных родителями. В анкетах учитывался расход времени ребенка на все виды деятельности: учебную и домашнюю работу, отдых, чтение книг, просмотр телепередач и так далее. Что же показали эти данные?

По гигиеническим нормативам на подготовку уроков в первом классе ребенок должен тратить 45—60 минут, во втором — 60—90 минут, в третьем классе — 1,5—2 часа.

Опрос родителей показал, однако, что в действительности дело обстоит по-иному. На приготовление уроков у первоклассников уходило в среднем 113 минут, у второклассников — 124 минуты, у третьеклассников — по 105 минут. В чем же дело? Может быть, нормы гигие-

нистов необоснованны? Может быть, они не учитывают трудности те- перешних домашних за- даний? На первый взгляд это так и кажется. Но проведенный нами хро- нометраж (точная реги- страция времени на вы- полнение каждого за- дания) показал, что, хотя отклонения от предложенных гигиени- стами нормы и есть, они не так велики, как по- казывают данные опро- са. Мы обследовали группы продленного дня, где строго соблю- дался необходимый для малышей режим: после занятий — обед, затем полтора часа отдыха и игр на свежем воздухе, затем уже «домашняя работа». Здесь на при- готовление уроков пер- воклассникам требова- лось 74 минуты, второ- классникам — 70 минут, третьеклассникам — 85 минут.

Отчего же данные хронометража и обследо- ваний в группах про- дленного дня показыва- ют одно, а сообщения родителей — совсем иное? Причина, на наш взгляд, в том, что во многих семьях «рабочий день» ребенка проходит не так, как нужно.

Наибольшие расхо- ждения между «норма- ми науки» и «реально- стью» мы видим у пер- воклассников. Здесь есть и специфическая при- чина — неподготовлен- ность к школе, особен- но частая у тех, кто не посещал детский сад. У таких малышей нет навыков умственного труда, им тяжело вос- принимать учебный ма- териал, поэтому и вре- мени на подготовку уроков у них уходит много. Установлено, что дети, прошедшие спе- циальную подготовку к школе в детских садах или с родителями, вы- полняли все уроки за час, а неподготовлен- ные тратили на них по- лтора-два часа. Ко вто- рому классу расхожде- ние уменьшается, так как дети приобретают

необходимые навыки школьного труда. Но полагаться на это не стоит — надо обязатель- но готовить малышей к школе.

Теперь о режиме, вер- нее, о наиболее типич- ных его нарушениях, которые мы обнаружи- ли. Многие родители не позволяют детям гото- вить уроки до своего прихода с работы, опасаясь, что они не спра- вятся самостоятельно с заданием. В результате дети садятся за уроки усталые, поздно вече- ром; естественно, и время работы оказы- вается больше, и каче- ство ее хуже. Неправильно поступают и те родители, которые за- ставляют детей выпол- нять задания сразу по возвращении из школы. Между школьными и до- машними занятиями не- обходим двух-, трехча- совый перерыв с обяза- тельным полтора-часо- вым активным отды- хом — подвижными играми на воздухе. От- сутствие отдыха, непра- вильная его организация не снимают утомления, накопившегося за время уроков, а, напротив, усиливают его. Школь- нику необходим именно активный отдых, с боль- шим количеством дви- жений; тогда, по опре- делению И. М. Сече- нова, происходит как бы «заряджение» энергией нервных центров». Боль- шим — но не беспре- дельным, — чрезмер- ная физическая нагрузка так же вредна, как и пассивное ничегонеде- лание: в работах, кото- рые выполняются после такого «отдыха», возра- стает количество оши- бок, снижается объем выполняемых заданий. Поэтому мы не реко- мендуем заполнять пе- рерыв между школь- ными и домашними за- нятиями такими возбу- ждающими ребенка «азартными» играми, как хоккей, баскетбол, фут- бол. Для младших школьников полезнее более спокойные игры

с мячом, катание на санках, коньках, ходьба на лыжах.

Еще одна замеченная нами причина «долго- сидения» детей за уро- ками — плохая подго- товка рабочего места. Это отнюдь не мело- чи — за каким столом занимается малыш, ка- кое в комнате освеще- ние, прохладно в ней или душно. Все это ска- зывается на производи- тельности труда ребен- ка. Лучше всего, когда у школьника есть свой от- дельный уголок. Там стоят стол и стул, висит полочка или стоит шкаф- чик для книг. Размеры стола и стула должны соответствовать росту ребенка.

Следующая причина длительной подготовки уроков — неумение ма- лышей сосредоточиться, работать без отвлече- ний. Задача родите- лей — научить детей ра- ботать целеустремлен- но. Перерывы в заня- тиях, разумеется, необ- ходимы, но не слишком часто и не когда взду- мается малышу. Лучше всего сделать так: три- дцать минут занятий, десятиминутный пере- рыв, несколько физиче- ских упражнений и по- том — снова за работу.

С какого предмета лучше всего начинать занятия? Думаем, не с самого трудного, а с предмета средней труд- ности: малыш должен постепенно «войти» в ра- боту. Для начальной школы такой предмет — русский язык; на него у ребят уходит 30 про- центов времени, на ма- тематику — 50 процен- тов, а на все остальные предметы — только 20 процентов. Поэтому лучше всего (разумеет- ся, это правило не аб- солютное, могут быть и исключения) школьнику начать домашнюю рабо- ту с выполнения заданий по русскому языку, за- тем заниматься матема- тикой, а закончить работу чтением или подготов- кой задания по приро- доведению.

Если дома нет воз- можности обеспечить все условия для пра- вильной организации учебных занятий, то ре- бенка надо определить в группу продленного дня.

Установили мы еще и такое, безусловно, не радостное обстоятель- ство: многие из малышей спят меньше, чем поло- жено их возрасту. Вре- мя от сна, в основном, отнимает у них телеви- зор — они смотрят его гораздо чаще, чем сле- довало бы. Установлено, что в среднем они про- суживают у телевизора до полутора часов в день, а третья часть их на просмотр передач тратит до трех часов в сутки.

Ничего хорошего в этом нет — и для зрения и для нервов малыша. Возбужденный интерес- ной или «страшной» пе- редачей, он долго не может заснуть, сон его неглубок, по-настоящему малыш не отдыхает. Да и долгое сидение в плохо проветренной комнате, в полной тем- ноте — не самый лучший отдых. Детям целесооб- разно смотреть телепе- редачи не чаще трех раз в неделю, по полчаса. Обязателен подсвет сжа- ди, чтобы снизить кон- трастность экрана. Рас- стояние от экрана должно быть не меньше двух и не больше пяти с половиной метров.

Как видите, многие из трудностей, которые испытывают наши малы- ши, идут вовсе не от того, что новые програм- мы им не по силам. Все дело в том, как подго- товим мы ребенка к школе, как организуем его труд и отдых. На- более типичные ошибки, которые здесь встреча- ются, мы сегодня указа- ли. Наш совет родите- лям — не повторять их в новом учебном году.

О. ЛОСЕВА,
научный сотрудник
Института физиологии
детей и подростков
АПН СССР

Дневник Оти

А. ФРОЛОВ

1—4 марта 1969 года

Приходя из школы, Валя всегда сама говорит нам, какие у нее в школе были неприятности, что не получается (задачу неправильно решила, в диктанте ошибку сделала и т. д.). Мать или я сразу разбираемся, что было непонятно, почему так случилось. Конечно, все это — без ругани, но и без поблажек. Главное — найти и показать ребенку, какой недостаток есть в самой технике его учебной работы. Далее, надо убедить, что от этого недостатка нетрудно избавиться (тут же, на ходу, два-три устных упражнения — и все обычно встает на свои места). У Вали сразу меняется настроение, она на лету схватывает что-то и останавливает: «Понятно, все, все...»

Тяжелые случаи в обучении и воспитании — это зачастую результат снисходительного отношения к мелочам. В таком отношении некоторые видят особый шик: они делают это в пику педагогам-педантам или стремясь возвыситься над ограниченностью педагогики. На что же они полагаются? На иллюзию, будто наилучшей ареной воспитания является пустое место, где за нас все сделают какие-то сверхъестественные силы... Но сознательное и ответственное отношение ребенка к своим делам, его успехи и уверенность в себе, хорошее настроение значат в обучении и воспитании столь много, что здесь ни в коем случае нельзя допускать самообольщений. Подчас очень мелкие и трудно уловимые, но вполне реальные действия воспитанника и тех, с кем он общается, — вот на чем создается его характер. Интересно, что мы совсем не заставляем Валу «выкладывать» нам свои неприятности. Она просит помощи и находит ее.

Вчера Валя сообщила школьную новость: «К нам завтра директора из других школ придут!» — «Зачем?» — «Не знаю, нам не сказали». — «Надо было спросить». — «Мы завтра сами узнаем, как они придут». Вот это воспитание сознательности: что-то будет неизвестно для чего! Своеобразный урок бездумного отношения к происходящему. А ведет он к привычке не интересоваться, не спрашивать... Сегодня рассказ продолжается: «Первый урок мы репетировали, а на втором у нас были директора». — «Зачем же репетировали-то?» — «А что, лучше, чтоб мы не знали, что говорить?!» Удивляется: какой, мол, непонятливый, нельзя же ударить в грязь лицом! Еще один урок поведения. «Зачем же были директора?» — «Не знаю!» Пришлось объяснить: «Они ходят друг к другу в школы, чтобы посмотреть, где дети лучше учатся. Поэтому репетировать не надо было, а то будет нечестно». Вот мучительный вопрос: если в школе делается что-то неправильно, как поступить нам, родителям?

9—13 марта

После обеда, еще за столом Валя спрашивает: «Солнце — потому что солнышко. Сердце — сердечко. А как проверить слово «вокзал»? Слышится: «вогзал», а пишут: «вокзал». Я это уже отмечал; бывает, что она задается «школьными» вопросами, когда вроде бы занята совсем другим. Так много места в ее жизни стало занимать учение. А как другие интересы? Верно ли, что, становясь старше, ребенок начинает меньше задавать вопросов? Надо обратить на это внимание: я в последнее время что-то меньше прислушиваюсь к Валиным вопросам.

Третий день играет с одной маленькой куколкой: шьет ей постельные принадлежности, делает мебель. С большим удовольствием играет и с кубиками, которые мы получили от Никитиных. Так как стороны кубиков покрашены в разный цвет, а некоторые даже в два цвета (по диагонали), из них можно составлять много разнообразных фигур («узоров», как говорит Валя).

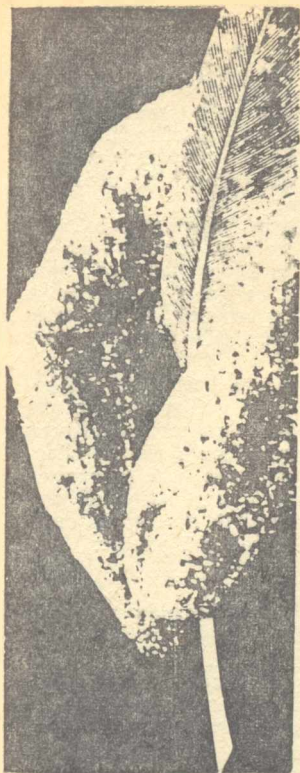
Никитины прислали нам еще детские спортивные кольца, которые я укрепил в проеме двери. Я показал, а после Валя охотно выполнила несколько упражнений для рук и ног. Маша выполняет упражнения гораздо лучше: долго висит на двух согнутых руках, на одной руке, при вытянутых вперед ногах и т. д. Когда я это отметил, Валя расстроилась: «Ты говоришь, что я плохо делаю, не буду больше делать!..» — «Тебе надо учиться, а не плакать». Теперь у нас в доме много детей, все хотят попробовать свои силы на кольцах, поиграть с разноцветными кубиками. Много смеха, шума, детской радости. Кто-то делает хорошо, кто-то совсем не может, но все увлекаются, хотят тренироваться. И уже без нашего руководства.

Очень переживает Валя то, что мы будем переезжать на новую квартиру. Она привыкла к этой школе, не хочет переходить в другую. Да и подругек жаль. Вчера даже плакала, но потом согласилась: «В другой школе я тоже познакомлюсь». А сыграло свою роль то, что в новой квартире мы ей пообещали сделать большую ленту на стену для значков, которые она собирает. Сегодня напоминает об этом обещании, уже настроившись на переезд. Хотя и велика уже роль дружбы, привязанности, но в Валиной жизни немало еще значат и маленькие детские радости. Ребенок живет в эти годы словно бы на двух уровнях.

14—19 марта

Событие в классе: «Нам на рукава пришивали разные кружочки. Лариса и я — санитары. У меня на кружочке нарисованы трубочка и пузырек для лекарства. У других — другие кружочки. Чтобы знать, кто — кто». — «Ведь тебя уже выбирали санитаром! Ты раньше что делала?» — «Ничего, мне раньше ничего не говорили, а сейчас

Окончание. Начало в № 2, 4, 5.

дневник Оши

рассказали. Я знаю, что делать: под партой убирать». — «Да, тебе надо следить, чтобы все было чистыми, чтобы в классе было чисто. Если кто сорит — пускай подбериет». — «А самым главным выбрали Крылоза, за него 4 человека, а он на физкультуре все время в углу стоит... За другого — 11 человек. За главных все голосовали, они и санитары командовать будут. За санитаров тоже голосовали, но только на доске не писали, сколько». Обо всем этом рассказывает с большим оживлением. Обсуждают с Ларисой, как все было. Слышу, как Лариса говорит: «За Крылова 4 человека голосовало, а записали 8!» У детей уже есть «общественное» мнение. Только всегда ли умеют к нему прислушиваться?

20—25 марта

Мама вчера вечером дала Вале задание: прибраться к приезду Веры кладовку, где хранятся игрушки. Сегодня с утра мама поехала на вокзал встречать Веру, а Валя встала и принялась за уборку, не забыла. Вере приготовила подарок — сделала из пластилина доктора. Вера привезла ей две конфетки и красивую куклу, она может закрывать глаза и «плачет». Валя то и дело укладывает куклу спать, любит ее.

После прогулки с Верой Валя пожаловалась: «Мальчик нам все мешал играть с девочками в дом». — «Ему, наверное, хотелось поиграть с вами? Надо было его пригласить, дать что-нибудь сделать». — «Да, он все равно у нас все ломал». — «Как же вы не справились с ним?» — «Я справилась, а девочки нет. Стукнула ему, а он мне. Я с ним боролась (возле глаза у Вали синяк). А девочки стояли». Итак, четыре девочки не справились с одним мальчиком, а когда одна из них стала обороняться, другие боязливо взирали на это! Вот и урок — трусости. Даю Вале совет: «Драться тебе не надо было. В таких случаях надо договариваться с девочками, а потом — все вместе сразу взяли бы мальчика за руки и отвели домой к матери. Так надо делать. Тогда он больше не посмеет вас обижать, будет вести себя хорошо».

В воскресенье я играл во дворе с детьми в салки. Под деревом были «чурики» (сюда убежали те, кто выходил из игры, чтобы отдохнуть). Заметил, как по-разному играют дети. Валя играет с большой осторожностью, даже как будто боязливо, частоенько оказывается у дерева. Но игрой захвачена больше других, чувствуется ее горячность, азарт. Алеша (он моложе Вали на полтора года) вначале совсем не понимал правил. Когда «водил», то просто хотел догнать кого-то одного, все бежал за ним. Но очень быстро «перестроился», когда я ему объяснил, показал кое-какие приемы игры: надо рассчитать, кого удобнее будет поймать, применять обманную тактику, менять план в зависимости от обстановки, рассчитывать на неожиданность, быстроту действий.

Вот, кажется, самая простенькая игра, а сколько пользы — и физическая тренировка и развитие настойчивости, решительности, выдержки, быстроты. Очень важны игры «спортивного» типа, а играют в них дети сегодня, увы, мало. Тут большая вина нас, взрослых, родителей. Мало дать детям принадлежности для игры (мячи, палки, сделать площадку и т. д.), объяснить ее условия, показать что-то. Надо играть с детьми, надо играть самим!

А бывает, что на игру взрослого с детьми смотрят как на странность, даже какое-то неприличие. Да еще надо прибавить к этому телевизор, который так притягивает не только детей, но и взрослых, ввергая их в неподвижность. Нелзя, чтобы дети теряли вкус к игре подвижной, коллективной, с правилами, к народным играм. Интересно, что начал я играть с небольшой группой девочек, а потом играл уже весь двор, в том числе и незнакомые мне мальчики. Да, все в ребенке — от общения с окружающими!

26—31 марта

Характерный случай: пришла Лариса, и Валя собралась идти к ней смотреть по телевизору интересную передачу, а Маша говорит: «У нас мама в больнице, папа на работе, одна бабушка дома, мне скучно...» И Валя решила: «Пойдем лучше к Маше, у нее мама в больнице». Она по собственному усмотрению легко отказалась от развлечения, чтобы помочь подруге в ее «беде». Приятно и радостно видеть, что внимание к человеку, к его нуждам стало для Вали уже так много значить: доброе дело приятнее простого развлечения (телевизор-то она смотрит не часто).

1—11 апреля

Анна Петровна говорит: «На перемене Валя ведет себя живо, свободно. А на уроке — скованность, особенно когда отвечает. Подумает немного — ответит. Чувствуется робость, застенчивость. Когда к ней подойдешь, прикрывает рукой написанное. Но при опросе старается, поднимает руку, когда знает». Просим Анну Петровну говорить Вале об этом недостатке, чаще ее вызывать к доске. Спрашиваю потом: «Почему же ты рукой-то прикрываешь?» — «А может быть, у меня неправильно...» — «Ну и пусть! Ошибок бояться не надо. Чем быстрее ошибку заметишь, тем ее легче исправить. Не заметишь, привыкнешь к ошибке. Наоборот, надо все показывать учительнице, чтобы быстрее научиться писать, решать задачи. И надо быть смелой, не бояться».

Вчера был особенно хороший, по-весеннему теплый день. Валя забегалась так, что, когда ее позвали ужинать, закапризничала: «Не дасшь погулять...» Подражая

дневник
Вали

ее интонации и как бы продолжая ее упрек, я показал, как нехорошо и неправильно она говорит. Валя быстро успокоилась, конфликт был исчерпан. А сегодня я решил дать волю конфликту, раз эта история повторяется. Валя давно уже привыкла к тому, что вечером мы не зовем ее с улицы, она приходит сама, как становится темно. А сейчас снова стала ждать, пока ее позовут. Вот я и решил ее не звать, и она явилась домой около 9 часов, когда мы уже поужинали. Стал с ней объясняться — не хочет разговаривать, дерзит. «Ну что ж, — говорю, — не хочешь разговаривать — не надо». Взлся за мытые посуды и приговариваю: «Ты у нас барыня, за тебя все сделают, а ты будешь допоздна гулять, поешь и спать ляжешь».

Через некоторое время Валя сама подошла ко мне: «Буду разговаривать...» — «О чем?» — «Что не буду долго гулять». — «А нам звать тебя с улицы?» — «Нет, я сама буду приходить». — «Почему?» — «Вечером надо еще с Верой поиграть, прибрать в комнате, почитать, с папой и мамой побыть». — «Ты не ушла домой, пока не ушли девочки?» — «Нет, они еще не ушли». Говорю ей: «Вот видишь, ты все сама понимаешь. Теперь мы не будем ничего заставлять тебя делать. Что хочешь, то и делай». На этом мы и остановились, помирившись, но не совсем.

«Нетребовательность» здесь, в сущности, более высокий уровень требований к ребенку, обращение прямо к его сознанию и воле. Нельзя допустить, чтобы с возрастом в воспитании было бы какое-то движение вспять, а такое случается нередко. И если мы сталкиваемся не с единичным случаем, на который иногда лучше всего не обращать внимание, а уже с наметившейся «линией поведения», тут надо, как говорится, ставить вопрос ребром. Кто из родителей уклоняется от этого, или не умеет это делать своевременно, или делает это так, что ребенок в критический момент не ощущает нашей поддержки, — тот не увидит успеха в своей воспитательной работе.

12—19 апреля

Не напоминая о том, что надо ей делать, спрашиваю у Вали: «Вечером тебе чем надо заняться?» — «Забыла...» И настаивает на том, что она забыла, что не обманывает. А после, уступая мне, сказала: «Надо в комнате прибрать». — «Выходит, ты обманывала?» — «Нет». — «Значит, сделала это нечаянно. Вот так и начинают обманывать, а потом привыкают и уже не замечают обмана. А ведь ты раньше никогда так не делала». Договорились, напоминаний не ждать, а лучше самой иногда спрашивать: «Папа, не забыла ли я что-нибудь? Мама, что мне делать, чем тебе помочь?» И надо самой просить, чтоб научили еще что-нибудь делать по дому.

20—24 апреля

Почему же я так мало могу узнать от Вали о жизни ее класса: о том, какие у них дела, интересы, новости? Неужели они все еще живут «сами по себе»? Или Валина «классная» жизнь и семейная как бы параллельны друг другу? Вероятно, если бы я сам лучше знал, что делается в классе, положение было бы иным. В позе девочки, взгляде, тоне, выражениях нет-нет да и промелькнет иногда такое, что сразу напоминает некоторые стандарты школьного поведения.

25—30 апреля

Мы переезжаем на новую квартиру. Хлопот много. Главная Валина обязанность — следить за Верой. Валя справляется с этой обязанностью хорошо и без хныканья. С радостью бросилась помогать таскать мелкие вещи в машину, как только ее попросили об этом. «Мобилизовала» своих подружек, и в результате из погреба было вытащено все, что нужно и что не нужно.

Отвел Валу в новую школу. «Наша — лучше. Дом лучше», — говорит она, хотя по внешнему виду школы ничем особенно не отличаются. Интересно, что она называет «нашей» ту школу, где училась до этого. О ней говорит: «У нас...» Удивила меня тем, что стала старательно считать ступеньки подъезда, а потом сравнила, в какой школе больше ступенек. (Вот с чего начинается знакомство со школой!) Я постарался сделать так, чтобы новая школа ей сразу понравилась. Сделать это было не трудно, так как шла подготовка к 1 Мая, в учительской было много интересных поделок, приготовленных для демонстрации. У школьной Доски почета сказала: «У нас нет такой...» Когда наступила перемена и появились учителя, Валя, приглядываясь к ним, прошептала: «Вот к этой хочу...» — и указывает тихоньку на полную женщину в красной кофте. (Есть, видимо, в человеке что-то такое, что сразу привлекает симпатии ребенка). Девочку направили к другой учительнице, и я проводил ее в класс.

В новом классе Вале придется трудно: здесь работают по ускоренной, экспериментальной программе, сейчас изучают уже материал II класса. Валя говорит, что в школе ей понравилось. «Хорошо: задачи решают без вопросов, а примеры — не столбиком, а сразу. И поют уже «По долинам и по взгорьям». Смешно было, как одна ученица на пальцах гадала, какую отметку она получит, а тут как раз учительница зашла! Один мальчик боится переносить слова, прижимает буквы, учительница и говорит: «Вот мы его тоже прижмем к стенке, хорошо ему будет?» Поют здесь не так: если неправильно, то все повторяют сначала». Настроение у Вали хорошее.

На новом месте Валя учится в первую смену, с 8 час. 30 мин. Перемена распорядка

Дневник Вали

немедленно сказывается на поведении — она «тянет» с исполнением своих обязанностей, вообще ведет себя неорганизованно. Вгорячах я накричал на девочку, а потом одумался, стали условливаться, что и когда она должна делать. Составили новый режим дня с указанием домашних обязанностей. Валя его переписала, повесила на стенку возле своего столика. Вспомнили, для чего надо все делать вовремя: чтобы все успевать, чтобы было свободное время; кто тянет со своими делами, у того лень заводится; только царевны все прохлаждаются. (Слово «царевна» для Вали — синоним лени, праздности). Валя воспользовалась случаем, чтобы меня упрекнуть: «Ты мне не сказал тогда, как из школы идти!» — «А ты спросила об этом?» Для девочки это неожиданность: надо самой о себе беспокоиться, нельзя во всем уповать на старших.

1—6 мая

У идущего по улице навстречу нам мужчины Валя заметила орденские планки и спросила: «А у тебя, папа, такие есть?» Потом: «Что ты в армии делал, расскажи». Кажется, это она впервые вот так прямо попросила рассказать меня о своей жизни, об армии. Мы шли с ней по улице рядом, и я рассказывал о своей службе в танковых частях, о том, как устроен танк, какие бывали у нас интересные случаи. Своим вопросом она помогла мне переступить еще одну грань, которая отделяет взрослого от ребенка. Мы стали как-то еще ближе друг к другу, дороже. Надо ей почаще рассказывать и о своей работе, делиться своими радостями, планами, переживаниями. Она уже может понять многое. Но и уже, к сожалению, сильно обычная привычка: с маленькими говорить о «детском»... А она спрашивает, глядя на праздничные лозунги: «Что такое эпоха? Ум, честь и совесть?»

7—13 мая

У Елены Александровны нет зеленого мелка подчеркивать на доске, она все красным подчеркивает. Поищу, у нас где-то были цветные мелки», — говорит Валя. Так начала проявляться ее забота о классе, об учительнице.

Стараюсь почаще спрашивать у Вали, какие у нее в школе были неудачи, трудности. Тогда она с видимым облегчением начинает рассказывать, какие допустила ошибки при письме (ей нужно догнать этот класс по словарной работе). И уже сама: «По арифметике тоже посмотри. Сказали: решить по формуле, а я не знаю как. В старой школе мы так не решали». Поняла это быстро. Сейчас она с особенным старанием относится к учебе. Сегодня одна встала пораньше, чтобы доучить довольно длинное и трудное стихотворение. (Только зачем давать так много учить наизусть?)

14—21 мая

Валя стала уставать. Сказывается все: занятия с половины девятого, контрольные работы, большие домашние задания. Иногда жалуется: болит голова. «Учиться не хочется, в школу не хочется... Рано идти, хочется спать. Голова болит — примеры не решаются». А как побывала на улице, погуляла, так быстро их решила.

По вечерам стараемся быть с ней на свежем воздухе. В воскресенье вместо кино пошли гулять в овраг, что недалеко от нас. Это «Каменный лог», с живописными крутыми склонами, на которых выступают каменные глыбы. Здесь много диких уголков, тут можно карабкаться по кручам и любоваться далями. Для Вали это что-то вроде заповедного места, на которое еще не ступала нога человека. Здесь есть березка, за которой мы ухаживаем. (Ее недавно посадили, но ветер повалил. Мы ее поправили, полили). Валя оставила возле березки красивый камушек: «Пусть березка поиграет с ним своими веточками». На прогулках она всегда чем-то заинтересовывается, бежит посмотреть, что-нибудь находит.

22—27 мая

Во второй класс Валя переходит с такими оценками: чтение, труд, физкультура, пение — «5», по остальным предметам — «4». Спрашиваю: «Ну как, Валя, ты довольна?» Она, оказывается, озабочена: «Нет... По арифметике — четверка и по русскому языку». Успокаиваю: «Ты училась хорошо, молодец. В новой школе догнала класс, хотя там и занимались по ускоренной программе». Девочка оживилась, повеселела. По-видимому, так бывает нередко: ребенок внешне, кажется, не переживает, а на самом деле он беспокоится, болеет душой. Очень важно заметить это состояние неудовлетворенности, тревоги, чтобы вовремя прийти на помощь.

На заключительном родительском собрании Елена Александровна давала аттестации ребятам. Прислушался к тому, о чем спрашивают родители, что их волнует. И вот что заметно: прежде всего, спрашивают об учебе (точнее — об успехах в русском языке и арифметике). Во-вторых, заботятся о дисциплине (вернее, о поведении на уроке, послушании). Есть, несомненно, чрезмерный интерес к оценкам, к баллам (без должного внимания к тому, что кроется за этими оценками: отношение школьника к учебе, умение учиться, способности, общее развитие и т. д.). А то, что характеризует ребенка как человека: его нравственные и волевые качества, черты характера, как-то выпадает из поля зрения. Ребенок, мол, еще мал — стоит ли о таких серьезных вещах волноваться? Так мы сами сужаем круг воспитательных задач, возможности воспитания.

хочу стать цветоводом!

Как можно стать цветоводом? Что читать по цветоводству? Письма с такими вопросами редакция стала получать после того, как в № 1 «Семьи и школы» была напечатана статья Т. Черных «Любуйтесь цветами». Вот что пишет нам десятиклассница Людмила Кочергина из села Швариха Кировской области:

«Сначала мне хотелось выращивать цветы, потому что они привлекали меня своей красотой, да и в земле люблю копаться. А потом интересно стало наблюдать за растениями. Даже маленькие опыты проводила, делала разные подкормки, радовалась ярким соцветиям. Нынче весной я вновь высадила рассаду, чтобы к выпускным экзаменам были цветы.

Хочу стать цветоводом. Но в справочнике я не нашла учебных заведений, где готовят таких специалистов...»

В Москве есть Всесоюзные заочные курсы декоративного садоводства. Продолжительность обучения 1—2 года. Курсы платные. Прием учащихся круглый год. Выпускники получают диплом садовника и могут работать в оранжереях и садоводствах. Адрес курсов: Москва, Г-19, ул. Мясковского, 33.

Тот, кто поступит в сельскохозяйственный техникум на плодово-овощное отделение, тоже может стать цветоводом. Такой техникум дает знания биологии, ботаники, агрохимии и других дисциплин, связанных с растениеводством.

Можно специализироваться в области цветоводства и в сельскохозяйственных вузах. В Московской сельскохозяйственной академии имени К. А. Тимирязева на последних курсах плодово-овощного факультета читаются лекции по цветоводству, на станции цветоводства проводятся практические занятия. Существует и Всесоюзный сельскохозяйственный институт заочного образования.

Выходит специальный журнал «Цветоводство».

Полезно познакомиться также с книгой А. Дояренко «Занимательная агрономия». Кстати, в ней автор предлагает перенести в цветники полевые цветы — василек, поповник, куколь. Несмотря на трогательное изящество, агрономы справедливо считают их сорняками. А вот в цветниках они вреда приносить не будут, зацветут во всей своей красе. Возможно, Людмила Кочергина или кто-нибудь из наших читателей проведет такой опыт?

Сейчас в издательстве «Колос» готовится к печати «Справочник цветовода». Советуем держать связь с ближайшим книжным магазином или московским магазином «Урожай» (Москва, Садовая-Черногрязская, д. 5/9) — в этом магазине есть отдел «Книга — почтой»; предварительные заказы на справочник принимаются уже сейчас.

В том же издательстве «Колос» выйдут книги «Защита декоративных растений от вредителей и болезней» Г. Олисевиич и «Пионы» Н. Красновой.

бабушка

Детство мое прошло в тяжелые годы войны. Отец был на фронте, мать умерла. Остался я жить со своей старенькой, больной бабушкой. Больше у нас из родни никого не было.

Деревня наша стояла в стороне от больших дорог. Для меня тогда весь мир состоял из школы, куда я только поступил, моей бабушки да из Гитлера, который воевал против нас и которого я представлял почему-то злым великаном.

Потихоньку протекало мое детство. Отправляясь в школу, я надевал бабушкины валенки, а она сидела дома и ждала меня. Сумку мне тоже сшила бабушка из старой, порванной рубашки. Писали мы в школе на газетных листочках, чернилами из печной сажки. Сразу после уроков я бежал скорее домой к моей бабушке. Приносил воды из колодца,

дров, топил печку. Валенки отдавал бабушке, она уходила по своим делам, а я садился готовить уроки. Возвращалась она с хлебом, иногда приносила одну-две конфетки. Мы всегда с ней все делили пополам. Но я почему-то съедал свою долю сразу, а бабушка потом еще делилась со мной своей. Часто она болела, и, приходя домой из школы, я заставлял ее лежать в постели. Детство брало свое — сломя голову носился я с ребятами по улице и забывал про все на свете. Но, прибегая домой, я испытывал вдруг такую тяжесть, мне было так жалко бабушку, что по моим щекам текли слезы. Она успокаивала меня, приговаривая:

— Что ты, соколик, я так рада, что ты у меня такой послушный.

Бабушка была неграмотная, а в бога не верила. Но часто она по ночам молилась за своего сына, моего отца. Два года мы не получали от него писем. Бабушка ежедневно смотрела в бумагу, где было написано, что ее сын пропал без вести. Но мы верили и ждали.

Однажды наш учитель, ровесник моей бабушки, принес ей старые, подшитые валенки. И мне и бабушке они были большие. Но это для нас было счастьем — у каждого теперь есть свои валенки. Бабушка гордо ходила по деревне рядом со мной. В такие дни она выглядела счастливой.

Настала весна, а вместе с ней пришла в нашу деревню и весть о победе. Люди обнимались, плакали от радости, а еще и от горя — мало кто из отцов и сыновей вернулся домой. Я и сейчас чувствую горячие слезы бабушки на своем лице... Отца мы все-таки дождались, но вернулся он инвалидом. Бабушка и его оберегала, не спала ночами, ухаживала за ним.

Прошли годы. Я выучился, отслужил в армии. Узнал, что есть еще другие страны и миры, кроме моей деревни, что есть еще другие гитлеры, которые смотрят на моего подрастающего сына.

Каждый год приезжал в деревню к бабушке и привозил к ней правнука. Она так же ласково говорила моему сыну, как когда-то мне:

— Соколик ты мой!

Откуда только бралась у нее силы! Она в такие дни даже вста-

вала с постели — хотя несколько последних лет уже почти совсем не ходила.

Два года назад мы ее похоронили. Для меня это была самая тяжелая утрата. Каждый год в день ее смерти мы собираемся все и идем на ее могилу...

Однажды мой восьмилетний сын спросил меня:

— Папа, почему ты так любишь эту старенькую бабушку, ведь она уже умерла?

Разве могу я объяснить ему это? Поймет ли он? Наверное, это нужно пережить, только тогда можно понять.

Н. ПАВЛОВ
г. Новосибирск

испекли мы каравай

Обе мои дочки посещают ясли-сад «Березка». Это хороший садик: находится в современном здании, и музыкальный зал есть, где с детьми много занимаются, готовятся к праздникам.

Я и предложила отметить день рождения младшей дочери не дома (где обычно собираются 5 малышей и 20 взрослых), а в группе. Получив согласие директора сада, я подыскала детские пластинки, настраивала сладких грибочков, купила конфет и варенья к чаю и пришла со всем этим к ребятам. Мне казалось, все было хорошо. Дети с удовольствием пили чай, а потом пели, играли, танцевали. Именинница ходила, конечно, в центре круга, а ребята пели ей «...испекли мы каравай» (для чего же еще создана песня?).

В этом году Жанне исполнилось четыре года. Мы снова устроили в детском саду праздник.

На этих торжествах я сама пою с ребятами, завожу игры и дочь свою никогда ничем не выделяю. Словом, мне казалось, я делаю доброе дело. Ведь такой праздник помог бы сплотить ребят, может, просто они стали бы заботливее друг к другу. Не знаю, как другим родителям, а

мне было бы очень приятно услышать от своей дочурки: «А знаешь, мама, Вова сегодня именинник, и у нас в группе был праздник!»

Но спустя несколько дней я узнала, что две молодые матери остались недовольны: «Надо, — говорили они, — сказать директору, чтобы запретили отмечать дни рождения. А вдруг мой запросит?»

Вот, думаю, и хорошо, если сын маме своей подскажет и такой обычай у нас установится.

Я по своему детству помню, как это здорово было, когда на линейке начальник лагеря ласково и торжественно представлял именинников, их поздравляли, а они смущенно принимали испеченные в столовке пироги, а потом делились со своим отрядом.

Если бы у нас в садике не бывали всей группой поздравить ребят, то я бы ничего не затевала. Но узнав, как отнеслись к этому некоторые родители, задумалась: есть ли в моей затее что-то хорошее и имеем ли мы, родители, право вмешиваться в жизнь детского сада?

Немного о себе. Всю жизнь прожила в Свердловске. Закончила Уральский государственный университет. Муж — Уральский политехнический институт. Последнее время живем в поселке Баранчинском Свердловской области.

Нелли КУЗНЕЦОВА

ОТ РЕДАКЦИИ

У Вас самой, как Вы говорите, возникли сомнения, от других Вы слышали неодобрение, следовательно, стоит все получить обдумать. В самом-то устройстве в детском саду маленьких праздников в честь дня рождения, конечно, нет ничего плохого, и все Ваши доводы «за» вполне резонны. И вмешательством в жизнь детского сада такое можно назвать весьма условно. Родители же не посторонние люди, их появление среди детей, их внимание ко всем детям, их участие в какой-то воспитательной затее весьма желательно, это скажет любая заведующая детским садом. Тут заботит, очевидно, другое: или каждому ребенку в группе печь и петь каравай, или никому. Так ведь суммируются, в концов концов, эти сомнения? А решить их

должно руководство детского сада в совете с родителями, спокойно обсудив необходимую в педагогических целях скромность «торжеств». И, безусловно, чуткие воспитатели постараются тактично руководить мамами именинников, чтобы исключить всякое соперничество между ними. Педагоги на то и педагоги, чтобы уметь всякий вопрос решить в интересах детей.

будьте счастливы!

Я читала и слышала про клубы молодоженов. Какое хорошее начинание! Вот бы и у нас в поселке открыть такой клуб! Мысленно представила себе: если бы меня пригласили на встречу с новобрачными, могла бы я рассказать им что-то интересное и полезное? Мне кажется, что да.

Мы живем с мужем восьмой год. Это стаж небольшой, но не такой уж и маленький, если учесть, что некоторые супруги не выдерживают и двух — трех лет, а то и года.

Живем неплохо, можно сказать, хорошо. Но мне хотелось бы рассказать не столько о хорошем, что есть в нашей семье, а о тех «кочках», которые встречались на нашем пути.

Вскоре после женитьбы мы получили ключи от «квартиры». Я пишу это слово в кавычках, потому что то жилье, которое нам досталось, трудно назвать квартирой. Это была маленькая, холодная комната на мансарде. Но нам сказали: «Как хотите, но другой нет». Холодильник был такой, что на полу замерзала картошка. Крыша протекала. Говорят — с милым рай и в шалаше, но все зависит от того, какой милый и какая милая.

...Мне было тяжело носить ведро по лестнице, и муж взял на себя эту обязанность, но частенько забывал ее выполнять. Всякие мысли в голову приходили: не уважает, не хочет помогать и т. д. Дело доходило до слез, крупных разговоров и, стыд-

но сказать, предложений о разводе. Потом я изучила, есть у мужа такая черта — забывчивость. Не сразу привык он к новым заботам, от меня же требовалось только спокойно напоминать ему.

Сейчас мы живем в отдельной благоустроенной квартире, но всегда с улыбкой вспоминаем о нашем житье-бытье на мансарде. Там было счастье. Конечно, мы и сейчас не чувствуем себя несчастными, но счастье стало каким-то более уравновешенным, спокойным, а тогда уж очень остро чувствовалось: мы счастливы.

У нас было уже двое детей. Как-то раз встретились мне слова А. С. Макаренко: «Если хотите, чтобы ваши дети были счастливы, будьте сами счастливы...» Совсем по-другому прочитала я теперь эти слова. Кто же не хочет счастья детям! Раньше в спорах была вспыльчивой и все старалась последнее слово оставить за собой. Но вовремя опомнилась. Зная за собой грех, стала сдерживать себя, иногда уступать, когда и просто отмалчивалась, хотя и хотелось ответить, и довольно-таки резко. Жизнь пошла ровнее, атмосфера в семье стала более спокойной и радостной. И детям от этого было лучше. А как же достоинство? Нет, оно не страдает. Уметь сдерживать себя и тактично вести в споре тоже достоинство.

И еще о детях. Какая это радость! Что может с ней сравниться! Я вот считаю, что женщина богаче мужчины. Разве мужчина может представить себе, какое чувство испытываешь, когда первый раз под сердцем шевельнется ребенок? А потом, когда этот беспомощный, такой дорогой комочек со щечками-помидорчиками и малюсеньким носиком уткнется тебе в грудь и сосет, захлебываясь и причмокивая, такой остро-радостный прилив чувств накатывает, что трудно передать! Может, даже мужчины и обижаются на меня, пусть постараются доказать, что и они не менее богаты.

Дети — это радость, но вместе с тем какой труд! Моя мама очень любила и баловала первого внука. Ко второму у нее почему-то уже не было такого отношения. И первый, чувствуя себя

на особом положении у бабушки, обижал младшего. Скольких трудов нам стоило, чтобы выравнять их, чтобы старший не чувствовал своего превосходства над младшим, а, наоборот, жалел его, уступал бы ему как младшему. И только потому, что у нас с мужем была единая линия поведения в воспитании детей, мы справились.

Семья часто соединяет людей, разных по своим привычкам, вкусам, иногда и интересам. Воцарится ли в семье дух радости, доброжелательности или его заменит глухое недовольство друг другом? Сумеют ли супруги прийти к «психологической совместимости»?

Хочется пожелать молодым: «Не растеряйте в мелочах большое чувство. Будьте счастливы!»

Н. СТАРИКОВА
Куйбышевская область

прямо на берегу

Туристские тропы, ночевки в лесу, костры считаются уделом молодежи и людей, не обремененных детьми. А между тем возможно дешево, удобно, приятно, да и полезно жить всей семьей в лесу или на берегу реки. В нашей семье трое детей — двенадцати, девяти и трех лет. С таким «грузом» мы довольствовались тем, что снимали дачу, где отдыхали по-настоящему лишь дети, а маме приходилось больше наслаждаться прелестями дачной коммунальной квартиры, чем природой.

И вот летом прошлого года мы и еще несколько семей раскинули палаточный городок на берегу реки Оки, в живописной местности, вдали от населенных пунктов. Спали в палатках. «Гостиную» с кухней — отдельно для каждой семьи — устроили в кустах, обставив ее двумя столами, «сервантом» и холодильником собственного изготовления. Фантазия и труд помогли создать необходимый комфорт. Полиэтиленовая пленка спасала нашу

кухню от дождя, а стены, сплетенные из лозы и «прошпукатуренные» сеном, предохраняли от ветра. Словом, кухня была хорошей. Готовили на туристском примусе. На нем же варили и варенье на зиму из собранных в лесу ягод. Я могла наблюдать за купанием и играми детей без отрыва от кухонного производства, и само оно уже не тяготило и не отнимало драгоценного отпускного времени: воздух был чудесный, вид открывался прямо на реку. Свежие продукты мужчины привозили на моторной лодке из ближайшего селения, а консервы мы запаслись заранее.

С собой взяли подушки и теплые одеяла, а для детей — спальные мешки. Сначала пользовались надувными матрацами, но потом заменили их сеном. Когда живешь на одном месте, так удобнее и теплее. Подушки делать тоже можно из сена. В палатке было просторно и удобно всем. Перед входом для лучшей защиты от ветра и дождя сделали навес из полиэтиленовой пленки. Получилась уютная прихожая, где мы оставляли обувь. Наше жилище выдержало много дождей, гроз и ветров, но ни разу не пришлось снимать палатку для просушивания. Внутри всегда было сухо и чисто.

Для такого отдыха нужны некоторые туристские навыки. Их можно приобрести весной в двухдневных воскресных походах. Надо брать с собой теплые вещи, несколько пар обуви, резиновые сапоги, шерстяные носки, плащи.

Прошлой осенью на Оке было холодное и дождливое, часто дули северные ветры, но настроение в лагере всегда было бодрое и желающих уехать домой раньше срока не нашлось.

Робинзоновская жизнь заставляла быть в творческих поисках и труде, что давало возможность многому научиться детей, а главное, привить им настоящую любовь к природе. Рыбалка, походы за ягодами, грибами, прогулки в лес и по лугам доставили массу удовольствия и оставили столько воспоминаний, что их хватило на всю зиму. Все хорошо отдохнули, окрепли. Теперь мечтаем о новом палаточном лагере.

Л. ШКАРУПА,
учительница
г. Дзержинск Горьковской области

расскажите о своей жизни

Наш журнал проводит конкурс на лучшую автобиографию. Как было объявлено, рукописи на конкурс можно присылать вплоть до 31 декабря.

Читатели задают вопрос: почему так длинен срок конкурса — целый год! Они уже прислали свои работы, и им, понятно, не терпится узнать мнение о них. К сожалению, эта поспешность очень повредила авторам многих полученных нами жизнеописаний: они главным образом содержат перечень дат, мест, где человек побывал, учебных заведений, в которых учился, ремесел, которыми занимался. Некоторые из тех, кто написали такие короткие справки, сами, видно, остались в недоумении и сомневаются: зачем проводится такой конкурс!

Конечно, конкурс автобиографий, так сказать, официального жанра, подобных тем, что прилагаются к служебным документам, не имеет смысла. Поэтому редакция подробно разъяснила (см. № 1, 2, 3 за 1970 год), что интерес представляют не столько сведения о самом себе, сколько мысли о жизни, о том, какие человек изведal радости, через какие пришлось ему пройти трудности, какие встречались ему люди и какой оставили след в его памяти.

Приходилось вам испытывать удовольствие от встречи с умным собеседником? Если собеседник увлек вас, если суждения его были значительны и подтверждены интересными наблюдениями, личным опытом, вы несомненно почувствовали себя богаче, как будто к вашей жизни прибавилась еще одна жизнь, расширился ваш собственный опыт.

Вы задумались над тем, над чем доселе задумывались вам не приходилось, узнали то, чего до сих пор не знали, и как будто побывали в тех местах, которые вам видеть не доводилось. Недаром таким успехом у читателей пользуются мемуары, воспоминания и автобиографические повести. Назовем для примера известную трилогию Горького «Детство», «В людях», «Мои университеты». Мы находим в этих книгах целую школу жизни, несмотря на то что время, описанное в них, часы отсчитали задолго до нашего рождения.

Конечно, трилогия Горького — произведение большого художника, и наивно думать, что мы ждем от участников конкурса чего-то в таком же роде. Мы упоминаем о ней лишь для того, чтобы пояснить, как ценны нам жизненные уроки друг друга и что ценность эта определяется характером и доказательностью размышлений о времени и о себе, о событиях общественных и личных.

Среди нас живут люди, помнящие самое начало нашего советского государства, гражданскую войну, годы первых пятилеток. В памяти нашей живо великое мужество народа в Великой

Отечественной войне. Люди разных поколений могут рассказать о разных временах и впечатлениях, но все, в конце концов, напишут коллективный портрет современника эпохи строительства коммунизма.

«Семья и школа» — журнал педагогический, этим определяется и цель конкурса: побудить наших читателей обдумать, проанализировать, убедительно показать, какие обстоятельства формировали их взгляды, представления, сам характер личности.

В положении о конкурсе особой строкой был выделен вопрос: разделяете ли вы мнение, согласно которому все начинается с детства! Те, кто поспешил рассказать нам свою жизнь, обошлись с этим вопросом очень просто: да, ответили они, с этим мнением мы согласны... Оно и впрямь как будто бесспорно, положение о том, что детские впечатления — самые богатые и глубокие; недаром говорят, то детство — тот порог, через который переступают все чувства, посещающие человеческое сердце. Однако важен не простой ответ на вопрос, а анализ этого положения на собственном примере, важна прочувствованная истина этого педагогического вывода. Иными словами, нужен мудрый взгляд взрослого на свое детство, оценка тех далеких переживаний с высоты своего теперешнего опыта. Это поможет нам лучше понять и своих детей, и свою родительскую должность.

Написать поучительно и доказательно о том, какие уроки получил человек от жизни, что придавало ему силу и бодрость, какие люди были ему маяками, чего стремился он достичь, что повидал он на своем веку — дело очень непростое. Поэтому мы и определили срок конкурса в год.

Еще нас спрашивают: это очень длинно — описывать всю жизнь, нельзя ли ограничиться одним отрезком времени! Можно. Можно описать даже одно событие, если оно оказало на вас сильное влияние. Мы советуем перечитать помещенные в нашем журнале автобиографические заметки В. Кованова «Деревенские зори» (№ 8, 1969 г.) и Б. Качурина «Как отец учил меня строительному делу» (№ 12, 1969 г.). Между прочим, именно эти заметки, написанные не литераторами, и натолкнули нас на мысль о конкурсе жизнеописаний.

Мы просили участников конкурса сообщать свои адреса и род занятий. Посыпались вопросы: не значит ли это, что от пенсионеров работ не примете? Уважаемые бабушки и дедушки, вы, умудренные годами, вырастившие детей и внуков, самые желанные для нас авторы.

Работа, посылаемая на конкурс, — не обычное письмо в редакцию, поэтому к ее оформлению предъявляются некоторые дополнительные требования. Напоминаем: ваша рукопись должна быть отпечатана на машинке.

возраст и общество

И. КОН,
доктор философских наук

1.

Родился ребенок. Ему предстоит пройти определенный жизненный цикл, включающий в себя стадии младенчества, детства, юности, зрелости, старости. Говоря об этих этапах, мы чаще всего оперируем привычными понятиями абсолютного хронологического возраста: от рождения до года — младенчество, от года до двух — раннее детство, с двух до 11—12 лет — детство, с 12 до 15—16 лет — подростковый возраст, с 16 — ранняя юность и т. д. Но стоит только задуматься, на чем основывается это деление, как выясняется его условность и даже противоречивость. За простыми обозначениями абсолютного возраста стоят закономерные стадии биологического, психологического и социального развития человека.

Биологический возраст фиксирует определенные этапы развития организма и определяется по соответствующим соматическим телесным признакам: например, половое созревание наглядно обнаруживается благодаря появлению вторичных половых признаков. Психологический возраст фиксирует стадии психического развития индивида; мы говорим о нормальном, чрезмерном или недостаточном развитии ребенка в зависимости от того, насколько он овладел моторными, речевыми, трудовыми и тому подобными навыками, статистически типичными для данного абсолютного возраста. Социальный возраст раскрывает меру общественной самостоятельности данной возрастной группы, выполняемые ею социальные роли и типичные взаимоотношения с представителями других возрастов (степень социальной зрелости). Все эти процессы взаимосвязаны, совершаются в одном и том же человеке. Но биологическое, психологическое и социальное созревание далеко не всегда совпадают во времени, и зависит это от многих причин.

Психологи всегда стремились раскрыть содержание основных этапов жизненного цикла, выделить черты, наиболее существенные для каждого возраста. Но в зависимости от того, какие именно аспекты развития личности — ее эмоциональные состояния, мыслительные функции, формы общения или овладения теми или иными навыками — берутся за основу, получаются принципиально разные схемы.

Американский психолог Эрик Эриксон выводит специфику различных фаз жизненного цикла из преобладания на каждой из них определенной эмоциональной направленности. Так, основой нормального развития младенца он считает формирование у него чувства «базового доверия» к окружающему миру, в противоположность чувству недоверия, беспокойства, которое возникает у ребенка, лишённого родительского тепла и ласки. Раннее детство (2—4 года) характеризуется появлением чувства личной автономии («Я»), «игровой возраст» (5—7 лет) — развитием инициативы, «школьный возраст» (8—12 лет) — развитием предприимчивости (в противоположность чувству неполноценности), юность (13—19 лет) — формированием самосознания, чувства собственной идентичности. «Молодой возраст» приобретает способность к интимному сближению и устойчивой солидарности с другими (в противоположность одиночеству и самонезависимости). Зрелый возраст предполагает развитие творческих потенций и продуктивной деятельности. Наконец, старость дает чувство завершенности жизни (противоположностью этого является отчаяние и разочарование).

Если Эриксон исходит из эволюции эмоционального мира личности, то швейцарский психолог Жан Пиаже основывает свою периодизацию на развитии психических функций и выделяет в ней: 1) сенсорно-моторную фазу (до 2 лет); 2) фазу предпонятийного мышления (2—4 года); 3) фазу интуитивного мышления

(5—8 лет); 4) фазу конкретных операций (9—12 лет) и, наконец, 5) фазу формальных операций (13—15 лет). Более поздние возрасты, равно как и внелогические процессы, Пиаже не исследует. Существует и множество других моделей жизненного цикла в целом или стадии развития ребенка. Но процесс формирования личности есть в то же самое время процесс ее социализации, ее приобщения к созданной обществом культуре, и его этапы невозможно вывести «изнутри» отдельно взятого индивида.

Развитие умственных функций ребенка тесно связано с характером его деятельности и системой обучения. Сегодня в некоторых школах преподавание математики начинается сразу с алгебры. Раньше это казалось невыносимым. Значит ли это, что мы даем детям непосильную нагрузку или что раньше их способности не использовались в данной мере? Ни то ни другое. Интенсификация школьного обучения стала возможна только потому, что значительную часть необходимой ему информации ребенок теперь получает еще до школы, в связи с ростом общей культуры общества и более ранним интеллектуальным развитием.

Социально-исторические моменты включаются уже в самое определение этапов жизненного цикла, предопределяя типичные для каждого возраста социальные ситуации и проблемы.

Известно, что с возрастом человек переживает необратимые психофизиологические сдвиги, которые сказываются и на его личностных качествах (например, уменьшение подвижности нервных процессов делает старческое мышление менее гибким, мешает восприятию нового, которое невольно подводится под старые стандарты, и т. п.). Но этот процесс не только чрезвычайно варьирует у разных людей, но и зависит от суммы конкретных условий. Важно не только то, что человеку 45 лет, а то, что ему 45 лет и он одинок, или ему 45 лет и он женат и имеет маленьких или взрослых детей. Не так важно, что человеку 70 лет, как то, что ему 70 лет и он находится на пенсии или еще работает, что ему 70 лет и он женат или одинок. Разумеется, вероятность быть вдовцом в 70 лет выше, чем в 45, поэтому абсолютный возраст и здесь играет роль. Но этот фактор тоже относителен. Понятие «старости» неотделимо от такого демографического показателя, как средняя продолжительность жизни, которая различна в разных обществах и варьирует у разных классов одного и того же общества. Самочувствие и самосознание старика зависит от его социального положения, материальной обеспеченности, общественных функций и т. д. Все это не просто индивидуально-психологические, а социальные параметры.

Еще выдающийся советский психолог Л. С. Выготский ввел в возрастную психологию понятие «социальной ситуации развития», обозначающее то «особое сочетание внутренних процессов развития и внешних условий, которое является типичным для каждого возрастного этапа и обуславливает и динамику психического развития на протяжении соответствующего возрастного периода, и новые качественно своеобразные психологические образования, возникающие к его концу». Из этой идеи исходит и Л. И. Божович, книга которой «Личность и ее формирование в детском возрасте» заслуженно удостоилась в прошлом году премии Академии педагогических наук СССР.

Но «социальная ситуация развития» не сводится к сумме непосредственных данных обстоятельств и биографических особенностей личности, она связана с более общими социальными условиями. Возьмите, например, знаменитый негативизм подростков и вообще «конфликтный» характер этого возраста. Некоторые зарубежные психологи говорят, что это явление принципиально неустранимо, что агрессивность и эго-

центризм подростка обусловлены психофизиологическими особенностями переходного возраста, трудностями полового созревания и т. д. Другие ученые отрицают это, доказывая, что все дело в условиях воспитания, что конфликт возникает лишь там, где родители (и вообще старшие) не замечают выросших притязаний подростка, его тяги к самостоятельности. Так, Л. П. Дунаева, изучив 123 семьи, где между родителями и детьми-подростками сложились плохие отношения, нашла, что во всех этих семьях были допущены какие-то педагогические ошибки: в 49 семьях родители просматривали рост своих детей и продолжали опекать их, как маленьких, в 32 семьях взрослые грубо игнорировали внутренний мир подростка, в 28 случаях родители были чрезмерно суровы, в 17 — просто равнодушны. Вероятно, эти наблюдения справедливы. Но разве не являются сами эти педагогические ошибки в какой-то мере социально типичными? Разве не стоит за ними определенный тип взаимоотношений между родителями и детьми?

Стиль семейной жизни имеет глубокие социальные корни и совсем не одинаков в разных слоях общества, не говоря уже о разных странах. Одно дело — патриархальная семья, с абсолютной родительской властью и авторитарной системой воспитания; другое дело — общество, где влияние родителей дополняется и ограничивается существованием многих других механизмов социализации, а целью воспитания является формирование самостоятельной, автономной личности. Стереотипный образ американского подростка не имеет никакого отношения к подростку с островов Самоа, где совершенно иная мораль, иная структура семьи, иные задачи воспитания.

Будем ли мы рассматривать переход из одного возраста в другой как плавный постепенный процесс или как серию скачков, кризисов и перерывов постепенности, все равно каждый возраст можно понять только в сравнении с другими. С одной стороны, мальчик — прообраз взрослого мужчины, с другой стороны, чтобы стать взрослым, он должен усвоить новые правила поведения, резко отличающиеся и иногда даже противоположные тем, которыми он руководствовался в детстве (если, например, от ребенка требуют прежде всего послушания, а от взрослого — проявления инициативы и самостоятельности). Особенности каждого возраста проявляются прежде всего во взаимоотношениях разных возрастных групп, причем характер этих взаимоотношений всецело зависит от социальных условий и сам влияет на многие социальные процессы.

Человек одного и того же абсолютного возраста в одном обществе будет уже самостоятельным, а в другом — еще зависимым. Да и в одном и том же обществе социальная зрелость по-разному проявляется и неодновременно наступает у представителей разных классов (сравните, например, положение и самосознание учащихся и рабоче-крестьянской молодежи). Фазы жизненного цикла, выступающие в психологии как закономерные этапы саморазвития человека как организма и как личности, перед социологом предстают как своего рода социокультурные матрицы, определяющие диапазон и характер социальных позиций, прав и обязанностей, принадлежащих в данном обществе членам данной возрастной группы.

2.

В первобытных обществах, с их сравнительно простой жизнедеятельностью и социальной структурой, индивид относительно легко усваивает социальные роли и навыки, необходимые взрослому человеку. Кроме того, низкая продолжительность жизни и высокая детская смертность не позволяют обществу особенно затягивать «подготовительный период». Ребенок

обучается в процессе повседневного взаимодействия со взрослыми.

Чрезвычайно любопытна этимология самого слова «воспитание», которое, как и латинское *educare*, что значит «вытягивать», а в более широком значении — «выращивать», прежде всего указывает на питание. Первоначально термин «воспитание» и обозначал именно вскармливание. В древнерусской письменности, говоря о воспитании, употребляли слова «кормить», «питать». Так, воспитатель князя Святослава называется в летописи «кормильцем». Даже в сборнике XVI века перевод поучения Иоанна Златоуста помещен под названием «О вскармливании детей». Это явный отголосок тех времен, когда передача накопленного обществом социального опыта еще не была отделена от процесса физического «выращивания».

У многих более или менее слабо развитых народов отсутствует представление о специальном периоде «подготовки к жизни». Ребенка там не столько «готовят к жизни», сколько просто включают, в доступных ему пределах, в соответствующую деятельность. По свидетельству известного советского ученого Л. Я. Штернберга, «гиляцкий подросток 10—12 лет обыкновенно уже accomplished gentleman. Он не только усвоил технику обиходных работ, он не только ловкий стрелок, рыболов, гребец и т. д., он уже физический работник, такой, как все. Мало того, он в значительной мере обладает уже всей суммой духовного знания: он знает уже из практики все родовые обычаи, все родственные названия, знает легенды, сказки и песни своего племени, и в довершение всего — то знание людей, которое дает постоянное пребывание в обществе взрослых: в путешествиях, на охоте, рыбной ловле, в праздниках и т. д. Отсюда — его чувство собственного достоинства, и солидность в речи, и умение держаться в обществе». Это раннее (по нашим представлениям) повзросление, приобщение к взрослой жизни в первобытных обществах отмечают и многие другие исследователи и наблюдатели.

Обряды, фиксирующие в большинстве первобытных обществ факт наступления половой зрелости, одновременно символизировали и наступление социальной зрелости, «посвящение» подростка во взрослое состояние. Это «посвящение» включает в себя ритуалы, посредством которых подростки символически освобождаются от особенностей юности и наделяются чертами взрослости; часто этот ритуал, имеющий большое эмоциональное значение, содержит в себе суровые испытания, требующие физического мужества, стойкости (нужно без стога вытерпеть обрезание или сложную татуировку), и сопровождается принятием нового имени, то есть символическим перерождением; полное символическое отделение мальчиков-подростков от мира их детства, особенно от материнской заботы и влияния; театрализованную встречу нескольких поколений, часто в форме борьбы или соревнования, подчеркивающую взаимосвязь различных возрастных групп и одновременно — различие между жизнью подростка и жизнью взрослого; передачу племенной традиции и соответствующих правил поведения как путем специального обучения, так и в виде ритуала; это сочетается с ослаблением непосредственного контроля взрослых над вчерашним подростком и заменой его самоконтролем и сознанием своей взрослой ответственности.

Следы этого обряда «инициации» до сих пор сохраняются в некоторых религиозных ритуалах (например, конфирмации) и народных праздниках. Этой цели торжественной фиксации совершеннолетия служат и некоторые светские обряды (например, торжественное вручение паспорта). Но сейчас, конечно, возрастные границы далеко не столь определены.

В первобытных обществах, где разделение труда и социальных функций основывается еще в значительной мере на естественно-биологических признаках (разделение труда между мужчиной и женщиной, возрастное деление), социальные границы возрастных групп обычно четко очерчены, а их взаимоотношения раз и навсегда определены традицией. Системы эти весьма различны.

Например, в деревнях племени Нупе в Нигерии имеется три возрастных степени: 1) *ена дзакенгизи*, «общество детей» (10—15 лет); 2) *ена гбаруфузи*, «общество молодых людей» (15—20 лет); 3) *ена нузази*, «общество старых» (20—30 лет, в большинстве уже женатых). Мальчики моложе 10 лет называются *вавагизи* — «малыши» и могут организовать свои собственные группы, которые, однако, всерьез не принимаются и рассматриваются лишь как игровые. Мужчины, «перерастающие» старшую группу, перестают участвовать в ее деятельности, но на всю жизнь сохраняют чувство солидарности со сверстниками, оказывают взаимопомощь друг другу и т. д. Внутри каждой возрастной группы существует специфическая иерархия званий, которые каждый получает от сверстников в зависимости от своих успехов и популярности. Каждая группа имеет двух лидеров: один, так называемый *етсу* — «король», принадлежит к соответствующей возрастной группе и избирается сверстниками; второй, *ндакотсу* — «дед короля», принадлежит к ближайшей старшей группе, в которой он должен иметь высокий ранг. Ндакотсу третьей, старшей группы — мужчина, который уже вышел из возрастных групп. Каждый ндакотсу действует определенный срок, а затем назначает себе преемника из той группы, лидером которой он был. Лидеры организуют всю деятельность возрастной группы и поддерживают внутреннюю дисциплину. Вмешательство родителей в деятельность возрастных групп не допускается. Переход из одной группы в другую является коллективным, но никакой публичной церемонии, оформляющей эту процедуру, не существует. В целом же последовательное членство в возрастных группах обеспечивает усвоение каждым членом общины тех социальных норм и иерархий, которые существуют во «взрослом обществе». Поскольку взаимоотношения этих возрастных групп воспроизводятся из поколения в поколение и освящены традицией, каждый «знает свое место» и никаких конфликтов, как правило, не возникает.

Специфическая организация возрастных групп существовала и в античной Греции. Так, в Спарте возрастные группы, включавшие всех мужчин с 6 до 30 лет, были формально организованы государством и контролировались старшими. Для мальчиков с 6 до 18 лет эти группы выполняли прежде всего воспитательные функции, для мужчин с 18 до 30 лет — военные. Большую часть этого времени молодые спартанцы жили отдельно от семьи, под наблюдением и руководством специальных наставников. После 30 лет спартаец получал полное гражданство и возможность жить дома. В 60 лет он становился членом старшей возрастной группы, из которой выбирались члены герусии, сената.

Иная, не столь жесткая, система существовала в Афинах. Единственная обязательная возрастная группа, эфебы, охватывала здесь молодежь от 18 до 20 лет и служила главным образом целям военной подготовки. Что же касается школ для детей от 14 до 18 лет, то они были организованы по-разному и государство этим мало интересовалось.

Возрастные группы были, так сказать, общественно-коллективной формой воспитания. Но чем дальше, тем больше основной ячейкой социализации становилась семья.

В республиканском Риме ребенка сначала воспитывала мать, затем отец, часто с помощью специальных воспитателей из числа рабов. Позже, когда подросток начинал участвовать в общественной жизни, им обычно руководил личный друг или патрон семьи. Римский обряд инициации — вручение мужской одежды (*toga virilis*) — также был в большей мере семейным делом. Такая система способствовала воспитанию индивидуализма и ориентировала молодого человека прежде всего на собственную семью.

Чрезвычайно интересны данные об эволюции способов воспитания и самого образа ребенка в средневековой Европе. По данным французского историка Филиппа Ариеса, до XII века образ ребенка почти не появляется в живописи, а на иконах XIII—XIV веков детей обычно изображали просто как уменьшенные копии взрослых. Вплоть до XVII века не было специальных детских костюмов: как только ребенок расставался с пеленками, его начинали одевать по тогдашней сословной моде. Высокая детская смертность воспринималась как нечто само собой разумеющееся, а весь уклад феодальной жизни не допускал между родителями и детьми особой интимности. Даже в XVI веке философ Монтень, развивая гуманистические принципы воспитания, осуждая суровость и наказания, а также обычай отдавать младенца кормилицам, признается, что сам он «не особенно любил» присутствие своих маленьких детей.

Передача накопленного старшими опыта осуществлялась преимущественно в семье, путем непосредственного практического включения ребенка в деятельность взрослых. Сначала ребенок выполнял подсобные функции в родительской семье, а затем и вне дома (ученики в ремесленных цехах, пажи и оруженосцы у рыцарей, послушники в монастырях и т. п.); обучение было органической частью труда и быта. Английский статут о ремесленниках 1563 года требовал, чтобы каждый ремесленник в городе или в сельской местности обучался своему ремеслу в течение 7 лет под наблюдением мастера, который за него отвечал. Считалось, что, «пока человек не достигнет 23 лет, он большей частью — хотя и не всегда — необуздан, не имеет правильных суждений и недостаточно опытен, чтобы управлять собой». После 24 лет, окончив срок ученичества, он мог, если хотел, жениться и завести собственное дело или стать подмастерьем по найму. Пережитки этой системы отношений ремесленника с учениками сохранились еще до времен Диккенса и описаны им в «Оливере Твисте». Как ни долго продолжалось это обучение, оно имело *практический* характер, это было обучение в процессе труда.

Напротив, школьное обучение в средние века, не говоря уже о том, что его получало ничтожное меньшинство детей, было очень слабо связано с практическими запросами жизни (недаром слово «схоластика» происходит от слова «школа»). К тому же средневековая школа и университет не строились по возрастному принципу. В одном и том же классе сидели школяры разных возрастов. Смещение детей и взрослых продолжалось и вне школы. Даже в XVII веке, когда система образования стала гораздо более четкой, возраст учащихся в одном и том же классе варьировал чрезвычайно сильно. Так, в списке учащихся 3-го класса иезуитского колледжа в Шалоне (1618—1620 годы) фигурируют лица от 9 до 24 лет, в 5 классе — от 8 до 18. Ясно, что ни о какой возрастной однородности и возрастном самосознании здесь не могло быть и речи. Солидарность средневековых школяров в их проделках, буйствах и т. п. была основана не на возрасте, а на общности социального положения и интересов. Вся эта система была рассчитана на то, чтобы укрепить у индивиду

чувство сословной принадлежности, по сравнению с которой все прочие связи казались второстепенными.

Положение существенно изменилось в новое время. Прежде всего, усложнение общественных отношений и трудовой деятельности привело к значительному удлинению периода *подготовки* к самостоятельной жизни (средневековая мысль акцентирует не подготовку, а непосредственное включение ребенка в мир взрослых отношений). Помимо детства, с его очевидной незрелостью и зависимостью, в этот подготовительный период включается также сильно удлинившаяся юность.

Очень сильно изменились взаимоотношения между родителями и детьми. С одной стороны, постепенный распад старой «большой семьи» и ослабление уз родства в широком смысле слова повышают удельный вес непосредственных отношений между родителями и детьми, делают их более интимными и психологически значимыми для обеих сторон, чем раньше. С другой стороны, развитие общественного разделения труда ставит индивида в прямые и косвенные отношения с все более широким кругом людей, а усложнившаяся трудовая деятельность требует длительной общеобразовательной и специальной подготовки, неосуществимой в рамках семьи. На первый план все больше выходит школа и другие воспитательные учреждения. В конце XVIII века начинается, особенно в среде аристократии и буржуазии, быстро развиваться система интернатов, отделяющих детей не только от родительской семьи, но и вообще от общества взрослых. Внутри школы также устанавливаются жесткие возрастные границы.

Сосредоточение молодежи в специальных учреждениях уже само по себе делает неизбежным возникновение специфических детских и юношеских групп с присущим им групповым самосознанием.

Мы настолько привыкли к возрастной однородности школьных классов, что указание учебного класса нередко заменяет нам другие понятия: сказано — «пятниклассник» или «девятниклассник», — и все понятно. Школьный класс у нас обозначает и абсолютный возраст, и средний уровень интеллектуального развития, и специфические формы поведения. А ведь в России даже в первой половине XIX века было иначе!

Новые социально-психологические градации не могли не отразиться на самосознании подростков и юношей. Общность возрастных переживаний, связанных, допустим, с половым созреванием, теперь естественно сочетается с общностью социального положения, превращает молодежь в самосознательную «мы-группу», принадлежность к которой становится необходимым звеном перехода от первоначальной зависимой роли в семейном коллективе к полноправному членству в обществе взрослых. Возникают специфические молодежные организации, типичные для молодежи виды общения и деятельности и т. п. Все это имеет большое психологическое значение.

(Окончание следует)

Хочу попросить у вас совета: как отучить сына бояться темноты? Да и днем он зачастую боится зайти в комнату, если какой-то предмет кажется ему подозрительным. Однажды повесила в ванной сушить свои длинные черные перчатки, а сыну надо было идти купаться. Вижу: он весь как-то сжался и вверх смотрит с опаской. Я улыбнулась и говорю: «Ну как не стыдно, такой большой и перчаток боишься». А он: «Мама, ну если бы они были серые или красные, а то черные — словно руки висят, уберу, я их боюсь». Можно, конечно, пристыдить, посмеяться, но ведь тогда он затягивает этот страх, не признается, а бояться не перестанет. Ложится спать — обязательно кладет под подушку солдатиков: видно, сам для себя решил, что они его охраняют. А ведь ему уже седьмой год!

Л. ДАВЫДОВА,
г. Иркутск

Уважаемая товарищ Давыдова! Пугливость, страхи перед безобидными (для взрослых!) и вещами и событиями — нередкое явление в раннем детском возрасте.

Причина может корениться в физическом нездоровье, переутомлении, скрытой инфекции или аскаридозе. Желательно проверить ребенка не только у педиатра, но и у невропатолога. Это особенно важно в таких случаях, когда налицо не только дневные страхи (темноты, пустой комнаты, тех или иных предметов), а и ночные — ребенок среди сна просыпается, кричит, не сразу узнает родных. Сильные приступы страха по ночам во сне — уже признаки специфических нервных заболеваний.

Во-вторых, причиной может

быть неосторожность самих взрослых: чрезмерное запугивание ребенка или частые рассказы о чем-то страшном.

В-третьих, нередкий источник бед в подобных случаях — преувеличенное боязливое воображение. Сразу же нужно заметить: нет худа без добра. Ребенок, испугавшийся зловещих черных перчаток, — это не больной и не запуганный мальчик, а скорее поэт и мечтатель. Самовнушение страха у такого ребенка — лишь одно из многих проявлений фантазии, впечатлительности, в общем-то нужных и полезных качеств. Стоит почитать воспоминания многих выдающихся писателей об их детских годах (Вересаева, Короленко, Л. Толстого, С. Аксакова, А. Толстого), и вы обнаружите яркие и точные описания именно таких «самовнушенных» страхов.

Что делать в таких случаях?

Вообще говоря, можно и ничего не делать: с возрастом многое переменится само собой. Здесь важнее всего знать, чего не следует делать — не надо особенно «нажимать» на ребенка, требовать от него преодоления страха немедленно и по приказу старших. Если, например, папа и мама, осыпая мальчика насмешками, заставляют его идти в темную комнату («клин клином вышибать!»), то эксперимент может кончиться удачно, а может — истерикой и неврозом. Все зависит от состояния ребенка, отчасти и от волевых качеств характера, привитых раньше. Ведь к страху перед темнотой добавляется страх перед будущими насмешками, страх перед неудачей и стыдом, страх перед гневом взрослых и т. п. Стоит ли взваливать такой груз на детские плечи, а особенно если перед тем многие ме-

сяца и годы родители не думали и не заботились специально о воспитании воли, настойчивости, решительности у ребенка?..

Точно так же вредно концентрировать внимание на «пороке» ребенка: на каждом шагу сокрушаться, жалеть (и опять-таки высмеивать) его. Нет, если уж вы хотите поскорей излечить своего дитя от боязливости — займитесь такими, как будто совсем посторонними делами, как гимнастика и водные процедуры, трудовое воспитание, развивайте навыки общительности. Тогда быстрее возникает самостоятельность, сопротивляемость беспричинным страхам. Можно посоветовать и дополнительный прием: внушение «охранной силы» какой-нибудь вещи. Вот верит ваш сын в силу своих солдатиков — и прекрасно: пусть они сопровождают его в трудных ситуациях.

Еще лучше, если в доме есть собака или кошка — пусть они будут защитниками малыша и он их покровителем. Здоровые, но пугливые дети обычно легко преодолевают страх в темноте, если у них на руках кошка или щенок. Иногда они успокаиваются, видя равнодушие и спокойствие животного, иногда наоборот — чувствуют себя как бы старшими. Здесь проявляется тот же внутренний механизм, что у нас, взрослых: мы нередко боимся просить или требовать для себя, но совсем иначе разговариваем и держимся, когда требуем чего-то для других или за других.

Наконец, уместно напомнить: если ребенок, по авторитетному свидетельству врачей всех специальностей, абсолютно здоров, если страхи его не внушены кем-то из взрослых, тогда эти самые страхи представляют собой в из-

вестном смысле ценности! Они верный признак мощного и яркого воображения, восприимчивости, впечатлительности. Они свидетельствуют, что ребенок легче научится читать и больше будет получать от прочитанного, чем «средние» дети. Зато есть и тревожная примета: очень важно проследить, чтобы ребенок был приучен к труду, систематическим усилиям, режиму, — ведь именно впечатлительные и фантазирующие дети часто попадают в разряд «способных, но не работоспособных».

Ф. ИППОЛИТОВ,
кандидат психологических наук

У меня двое малышей — трех и пяти лет. Все бы хорошо, одна беда — очень часто они простуживаются. Врач советует закаливать их. Но как это сделать, если у них и так от малейшего ветерка насморк или грипп?

Н. ТРОФИМОВА
Калужская область

Уважаемая товарищ Трофимова!

Врач дал Вам совершенно правильный совет. Понятно, что Вы боитесь за своих малышей; но нужно понять и то, что закаливание абсолютно необходимо для всех ребят (а для слабых — вдвойне); иного пути укрепить их здоровье, сделать их невосприимчивыми к разного рода насморкам и простудам просто нет.

Первое, что необходимо, — вооружиться терпением.

Закаливание — длительный процесс, для него необходимы не дни или недели, но месяцы, а то и годы. Если видимого эффекта поначалу нет — не надо опускать руки, последовательность и систематичность возьмут свое.

Второе, что необходимо, — индивидуальный подход. Есть об-

щие нормы закаливания, но это именно *общие* нормы; в их пределах Вы должны ориентироваться сами, учитывая состояние здоровья ребенка и реакцию его организма.

Разумеется, закаливать ребенка во время болезни нельзя — здесь необходимо лечение. А как быть при хронических простудных заболеваниях? Здесь надо не пропускать те дни, когда ребенок здоров, и начинать с простейшего — воздушных ванн. Для детей от 3 до 7 лет время воздушных ванн — от 5 минут до часа при температуре воздуха от 22 до 13°. Начинают с 5 минут при температуре воздуха 20—22° и постепенно в течение 1,5—2 месяцев увеличивают продолжительность процедуры, а температуру воздуха снижают. Для детей, которые часто болеют, процедура должна быть несколько короче, а температура воздуха выше на 2—3° по сравнению со средней нормой. В летнее время года воздушные ванны лучше проводить на открытом воздухе. Дозировка времени здесь такая же, но следует помнить, что проводить световоздушные ванны надо в тени и в безветренную погоду. Дети могут быть совершенно раздетыми или в трусиках. Сидеть на одном месте не надо — лучше пусть малыш побегает, поиграет.

Более сильным средством закаливания являются водные процедуры. К водным процедурам лучше приступать летом или ранней осенью, а болезненным детям — только в летнее время при температуре воды на 2—3° выше, чем для здоровых детей. Обтирание проводится родителями или самим ребенком. Тело малыша обтирается мягкой варежкой или губкой, смоченной водой (30—

32°). Для большего эффекта процедуры в воду добавляется поваренная соль (50 г на 5 литров воды). Сначала обтирают руки, затем ноги, грудь, живот и спину и сразу же вытирают тело насухо, до покраснения. Температуру воды понижают на 1° в неделю и постепенно доводят до 22—20°.

Если ребенок хорошо переносит обтирания, можно через несколько недель перейти к обливанию. Первое время температура воды при обливании должна быть на 1—2° выше, чем при обтирании, а затем постепенно снижаться до 15—20°. Продолжительность процедуры — не более 1 минуты. Весьма эффективное средство закаливания — ножные ванны (температура воды от 34—36 до 20—24°, продолжительность от нескольких секунд до 3 минут). И, наконец, можно «освоить» наиболее сильную процедуру — душ (температура воды здесь должна быть на 1° выше, чем при обливании, и продолжительность — 20—40 секунд).

Разумеется, одних специальных процедур мало. Не меньше 4—5 часов в день ребенок должен проводить на открытом воздухе, больше ходить пешком, играть в подвижные игры. Одежда ребенка должна соответствовать температуре воздуха. Не думайте, что кутаньем вы убережете малыша: в ворохе одежды он сначала перегреется, а затем переохладится и простудится.

Итак, повторю еще раз — не бойтесь закаливать ребенка! Будьте терпеливы, настойчивы, последовательны — и в конце концов вам не придется беспокоиться каждую минуту: не простудился бы!

М. ГРИНЕНКО,
кандидат педагогических наук

ДЖОН ЛОКК

мысли о воспитании

*из педагогического
наследия*

Свою книгу Джон Локк назвал просто — „Мысли о воспитании“. И точно, ибо главный секрет ее непреходящего действия именно в силе мысли, соединяющей в себе житейскую наблюдательность, проникаемость психолога и мудрость философа. Мысли, не кажущейся банальной и сегодня, хотя книге этой почти триста лет.

Локк размышлял о вопросах воспитания в то время, когда вся человеческая жизнь — и духовная и повседневная — определялась религиозными нормами и представлениями. Они предписывали людям молчаливую покорность и беспрекословное повиновение. „Слово божье“ и „страх божий“ — вот единственное, чем следовало руководствоваться человеку.

„Страх божий“ (и просто страх) господствовал и в школе. Считалось „бесовским наваждением“ заниматься физическим развитием детей, помогать им учиться легко и радостно; учение было тяжелой обязанностью, а детские игры, забавы, любознательность, непосредственность — пороком, подлежащим искоренению.

Однако на пороге было уже новое время, новая, буржуазная эпоха, и глашатаем ее идей в области воспитания стал Локк.

Джон Локк родился в 1632 году в городе Рингтон в южной Англии, в семье адвоката. По окончании Оксфордского университета, где, изучая богословие и философию, он пристрастился к естествознанию и медицине, Локк собирался посвятить себя науке. Но бурные события английской буржуазной революции вовлекли его в острую борьбу политических сил и тесно связали его жизнь с деятельностью ведущих руководителей революционной в то время партии вигов. Локк был домашним врачом и воспитателем сына одного из руководителей партии вигов графа Шефтсбери. В доме Шефтсбери часто обсуждались важные вопросы устройства будущей буржуазной Англии. Участвовал в этих обсуждениях и Локк.

Его размышления о том, как должно быть теперь организовано воспитание, встретили сочувствие, были собраны и опубликованы. „Мысли о воспитании“ оказались, для своего времени, подлинно революционной книгой, ибо они разрушали церковно-феодалские представления о мире, обществе и человеке и содержали развернутую программу воспитания „нового человека“.

Локк восстанавливает в правах справедливое мнение античных мыслителей (язычников, как пренебрежительно называла их католическая церковь) о том, что умственное и нравственное воспитание должны находиться в тесном единстве с физическим развитием детей. При этом он считает полезным и необходимым закалять ребенка, а не изнеживать его, как это делалось в английских аристократических семьях. Джентльмену следует быть выносливым и мужественным, привычным к невзгодам, этого потребует от него разносторонняя деятельность на суше, на море и в заморских странах. Для него важно иметь стойкий и твердый характер, чтобы утверждать и отстаивать разумные принципы нового правопорядка.

Локк хорошо знает детскую психику и дает ценные советы о том, как установить в семье родительский авторитет, победить детские капризы, бороться с ложью и ленью детей, воспитывать хорошие привычки и искоренять дурные, как приохотить детей к учению и умственному труду. Применимы ли для нас эти советы? Не все и не во всем. Но, обратившись к страницам Локка, читатель, я уверена, может с очевидностью убедиться: многое из того, что впервые было сказано им, и сегодня сохраняет свою значимость и актуальность.

М. ШАБАЕВА,
доктор педагогических наук

Здоровый дух в здоровом теле — вот краткое, но полное описание счастливого состояния в этом мире. Кто обладает и тем и другим, тому остается желать немногого; а кто лишен хотя бы одного, того лишь мало может компенсировать что бы то ни было иное. Счастье или несчастье человека большей частью является делом его собственных рук. Тот, чей дух — неразумный руководитель, никогда не найдет правильного пути; а тот, у кого тело нездоровое и слабое, никогда не будет в состоянии продвигаться вперед по этому пути. Правда, есть люди, обладающие столь крепкой и столь хорошо от природы слаженной конституцией — как физической так и духовной, — что они нуждаются лишь в небольшой помощи со стороны других, что одна только сила их природной одаренности от самой колыбели влечет их к прекрасному, что благодаря преимуществу их счастливой природной организации они способны делать чудеса. Но примеры такого рода немногочисленны, и можно, мне думается, сказать, что девять десятых тех людей, с которыми мы встречаемся, являются тем, что они есть, — добрыми или злыми, полезными или бесполезными — благодаря своему воспитанию. Именно оно и создает большие различия между людьми. Незначительные или почти незаметные впечатления, производимые на нашу нежную организацию в детстве, имеют очень важные и длительные последствия: здесь имеет место то самое, что у истоков некоторых рек, где небольшое усилие может отвести податливые воды в русла, которые заставят их течь почти в противоположных направлениях; благодаря этому слабому воздействию, которое оказано на них у самых истоков, движение вод получает различные направления, и они, в конце концов, достигают весьма отдаленных и далеко отстоящих друг от друга мест.

...Если верно то, что я сказал в начале своего труда (а я в этом не сомневаюсь), — именно, что различия, наблюдаемые в нравах и способностях людей, зависят от воспитания в большей мере, чем от чего бы то ни было другого, то мы вправе сделать вывод, что в деле формирования детской души необходимо проявлять большую заботливость и что даже в ранние годы нужно давать ей такое направление, влияние которого сказывалось бы во всей жизни наших питомцев, ибо если они будут поступать хорошо или дурно, похвала или порицание будут относиться именно к этой подготовке, и в случае совершения ими какой-либо неловкости

общий голос решит, что виновато здесь их воспитание.

Как сила тела заключается главным образом в способности переносить лишения, точно так же обстоит и с душой. Великий принцип и основа всякой добродетели и достоинства заключается в том, чтобы человек был способен отказываться от своих желаний, поступать вопреки своим наклонностям и следовать исключительно тому, что указывает разум как самое лучшее, хотя бы непосредственное желание влекло в другую сторону...

ОТКАЗ ОТ ЖЕЛАНИЙ

Что это так, всякий легко согласится, если только подумает над тем, в чем заключается цель разумного воспитания и чем оно определяется.

1. Кто не имеет власти над своими наклонностями, кто не в состоянии устоять против импульса удовольствия или страдания данной минуты и следовать голосу разума, указывающего, как нужно поступить, тот не обладает истинными принципами добродетели и деятельности и рискует оказаться ни на что не годным человеком. Эта выдержка, которая является противоположностью природной стихийности, должна приобретаться своевременно; привычка к ней, как истинная основа будущей жизнеспособности и счастья, должна внедряться в душу как можно раньше, уже с первых проблесков сознательности и понимания у детей, и тот, кто следит за их воспитанием, должен ее укреплять в них со всей тщательностью и всеми возможными средствами.

2. С другой стороны, если душа ребенка слишком придавлена и принижена, если его ум пришиблен и сломлен слишком строгим обращением, он теряет всю свою силу и энергию и оказывается еще в худшем состоянии, чем в первом случае. Ибо своенравные юноши, отличающиеся живостью и умом, выходят иногда на правильную дорожку и таким образом становятся дельными и крупными людьми; но пришибленные, робкие и вялые души и духовно неразвитые люди вряд ли в состоянии когда-либо подняться и очень редко чего-либо достигают. Избегнуть той и другой опасности — большое искусство, и тот, кто нашел способ сохранить душу ребенка непринужденной, деятельной и свободной и в то же время удерживать ребенка от многих вещей, к которым его влечет, и направлять его к тому, что ему не совсем нравится, тот — скажу я — постиг, как примирить эти кажущиеся противоречия, тот, по моему мнению, овладел действительным секретом воспитания.

ПОБОИ

Обычный метод воздействия наказанием и розгой, который не требует ни усилий, ни много времени, этот единственный метод поддержания дисциплины, который широко признан и доступен пониманию воспитателей, является наименее пригодным из всех мыслимых приемов воспитания, так как он приводит к обоим упомянутым вредным последствиям; а они, как мы показали, представляют собой Сциллу

и Харибду, которые с той или другой стороны губят всякого, кто сворачивает с правильного пути.

1. Этот вид наказания совсем не способствует преодолению нашей естественной склонности предаваться физическим и мимолетным удовольствиям и всячески избегать страданий, а скорее поощряет эту склонность и тем самым укрепляет в нас то, что является корнем всех порочных поступков и отступлений от правильной жизни. В самом деле, какой другой мотив, кроме чувственного удовольствия или страдания, руководит ребенком, который только из страха быть высеченным корпит над книгой вопреки своей склонности или воздерживается есть нездоровый плод, в котором находит удовольствие? В данном случае он только отдает предпочтение большему физическому удовольствию или избегает большего физического страдания. И что, собственно, значит — регулировать его поступки и направлять его поведение, используя подобные мотивы? Разве это не значит — спросу я вас — поощрять в нем то самое начало, искоренение и уничтожение которого является нашей задачей? Я не могу поэтому признать полезным для ребенка какое бы то ни было наказание, при котором стыд пострадать за совершенный проступок не действует на него сильнее, чем само страдание.

2. Этот метод исправления естественно порождает в ребенке отвращение к тому, что воспитатель должен заставить его полюбить. Как легко наблюдать такое явление, что дети, которым раньше нравились те или другие вещи, начинают их ненавидеть, видя, что из-за этих вещей они подвергаются побоям, брани и мучениям! И в этом нет ничего удивительного, так как и взрослых людей нельзя подобными приемами заставить полюбить что-нибудь. В самом деле, какой человек не проникся бы отвращением к самому невинному развлечению, хотя бы само по себе оно было для него безразличным, если бы вздумали побоями и бранью заставлять развлекаться или подвергать его такому же обращению за некоторые особенности в его манере развлекаться?..

3. Такой род рабской дисциплины создает рабский характер. Ребенок подчиняется и притворяется послушным, пока над ним висит страх розги; но как только этот страх отпал и ребенок в отсутствии наблюдающего глаза может рассчитывать на безнаказанность, он дает еще больший простор своей естественной наклонности, которая, таким образом, несколько не изменяется, а, напротив, лишь становится в нем значительно сильнее и обычно после такой насильственной сдержки прорывается еще с большей силой.

4. Или же если строгость, доведенная до крайней степени, берет верх и приводит к исцелению от ранее прорывавшейся скверной наклонности, то этот результат часто достигается за счет насаждения другого, еще худшего и более опасного недуга — душевной пришибленности, и тогда вместо беспорядочного юноши вы будете иметь слабоумное и жалкое существо, которое, правда, нравится глупым людям своей противоестественной скромностью, так как оно не шумит и не причиняет беспокойства, но в конце концов, вероятно, окажется неприятным для своих друзей и на всю жизнь останется бесполезным и для себя и для других.

награды

Побой и все прочие виды унижающих телесных наказаний не являются подходящими мерами дисциплины при воспитании детей, которых мы хотим сделать разумными, добрыми и талантливыми людьми; эти меры следует поэтому применять очень редко и притом только по серьезным основаниям и лишь в крайних случаях. С другой стороны, нужно тщательно избегать поощрения детей посредством награждения их вещами, которые им нравятся. Кто дает своему сыну яблоко или пряник или какой-либо другой в этом роде предмет из наиболее любимых им с целью заставить его сидеть за книгой, тот только поощряет его любовь к удовольствиям и потворствует этой опасной склонности, которую надлежало бы всеми средствами обуздывать и подавлять в нем. Вы никогда не можете рассчитывать научить его управлять своим влечением, если, ставя ему преграды в одном случае, вы компенсируете это разрешением удовлетворить то же влечение в другом случае. Чтобы сделать из него хорошего, разумного и добродетельного человека, нужно научить его противостоять своим влечениям и отказываться в удовлетворении своему вкусу к богатству, щегольству, лакомству и пр., когда разум ему советует, а долг от него требует противоположного. Но когда вы побуждаете его делать что-нибудь полезное, даря ему деньги, или награждаете его за утомительное сидение за книгой удовольствием от лакомого кусочка; когда вы обещаете ему кружевной галстук или изящный костюм за исполнение какой-либо из его мелких обязанностей, то разве, предлагая ему все это в виде награды, вы не допускаете только, чтобы эти хорошие вещи стали его целью, и разве тем самым вы не поощряете его страсть к этим вещам, не приучаете его видеть в них свое счастье? Так люди неправильно пользуются наградами и наказаниями, чтобы заставить детей проявить усердие к грамматике, к танцам и к некоторым другим подобным предметам, не имеющим большого значения для их счастья или полезности в их жизни, и тем самым жертвуют их добродетелью, извращают правила их воспитания и приучают детей к роскоши, чванливости, жадности и т. п. Ибо, потворствуя таким образом этим дурным наклонностям, которые они должны были бы ограничивать и подавлять, они закладывают основу будущих пороков, которых можно избежать, лишь подавляя наши желания и с ранних лет приучая их подчиняться разуму.

Я не хочу этим сказать, что нужно лишать детей тех удобств и удовольствий жизни, которые не причиняют вреда их здоровью или добродетели. Напротив, я желал бы, чтобы их жизнь стала, насколько возможно, приятной и веселой для них и чтобы они в полной мере пользовались всем, что может доставить им невинные удовольствия, однако с тем условием, чтобы они получали эти удовольствия только как результат построенных на взаимном уважении и признании их отношений с родителями и воспитателями, но никогда не следует ни предлагать, ни доставлять им эти удовольствия в виде награды за выполнение той или другой обязанности, к которой они питают отвращение и которой они бы не исполнили добровольно без этого соблазна.

Но вы скажете: «Если, с одной стороны, устранить розгу, а с другой — эти малеснькие поощрения, которыми можно их привлечь, то как же тогда управлять детьми?» Устраните надежду и страх, и тогда исчезнет всякая дисциплина. Я согласен, что добро и зло, награда и наказание — единственные мотивы для разумного существа: это шпоры и вожжи, которыми побуждается к работе и направляется все человечество, и поэтому они должны применяться также к детям. Ибо я советую родителям и воспитателям всегда помнить, что с детьми следует обращаться как с разумными существами.

Я признаю, что, если мы хотим влиять на детей, нужно обещать им награды и предупреждать их о наказании. Ошибка, по-моему, заключается в том, что применяемые обычно награды и наказания плохо выбираются. Я полагаю, что телесные страдания и телесные удовольствия, когда они превращаются в награды или наказания, которыми рассчитывают воздействовать на детей, дают дурные результаты; ибо, как я уже сказал выше, они только усиливают и укрепляют те наклонности, подчинение и подавление которых является вашей задачей. Какое начало добродетели вы закладываете в ребенка, если отказ в удовлетворении его желания вы искупаете тем, что предлагаете ему взамен этого другое удовольствие? Это значит лишь расширить круг его желаний и приучать его перебрасываться с одного предмета на другой. Если ребенок требует с плачем, чтобы ему дали какой-либо вредный и опасный плод, вы покупаете его спокойствие тем, что даете ему менее вредное лакомство. Этим вы, может быть, сохраняете ему здоровье, но портите душу и расстраиваете ее еще больше. Ибо вы меняете здесь только объект, но продолжаете потворствовать его аппетиту и соглашаетесь, что он должен быть удовлетворен; а в этом именно, как я уже показал, лежит корень зла, и пока вы не добьетесь того, чтобы он был способен отказываться от этого удовлетворения, ребенок может в данную минуту оставаться спокойным и вести себя как следует, но самая болезнь не исцелена. Поступая таким образом, вы поощряете и культивируете в нем то, что является источником всего зла, который при ближайшем же случае — это можно сказать с уверенностью — прорвется еще более бурно, возбудит в нем еще более сильные желания, а вам причинит еще большее беспокойство.

добрая репутация

Те награды и наказания, посредством которых мы должны держать детей в порядке, совсем другого рода, и они-то обладают такой силой, что раз нам удалось добиться эффекта от них — дело, по моему мнению, уже сделано и трудность преодолена. Честь и позор являются самыми могущественными стимулами души, когда она уже способна ценить их. Если вам удалось научить детей дорожить доброй репутацией и страшиться стыда и позора, вы вложили в них правильное начало, которое будет всегда проявлять свое действие и склонять их к добру. Но меня спросят: как же это сделать? Сознаюсь, что на первый взгляд это не лишено некоторой трудности; но я считаю, что эта

задача заслуживает того, чтобы поискать путей ее осуществления и, найдя эти пути, по ним следовать, ибо в ней я вижу великий секрет воспитания.

Во-первых, дети (быть может, раньше, чем мы думаем) очень чувствительны к похвале и одобрению. Им доставляет удовольствие, если их уважают и ценят, особенно родители и те, от кого они зависят. Поэтому, если отец их ласкает и хвалит, когда они ведут себя хорошо, и показывает внешнюю холодность и пренебрежение к ним, когда они ведут себя дурно, и если одновременно подобным же образом проявляют себя по отношению к ним матери и прочие окружающие, то потребуется немного времени, чтобы сделать детей чувствительными к этой разнице; и я не сомневаюсь, что этот метод обращения с детьми, если его держаться неуклонно, будет сам по себе оказывать большее действие, чем угрозы и побои, которые теряют силу, когда они становятся привычными, и неприменимы, когда они не сопровождаются чувством стыда...

Но, во-вторых, чтобы глубже внедрить в сознание детей понятия чести и позора и чтобы придать последним больше веса, необходимо, чтобы эти отличные друг от друга состояния всегда сопровождалась приятными или неприятными вещами — не в качестве специальных наград или наказаний за тот или другой поступок, а как обязательно причитающимися и всегда выпадающими на долю тех, кто своим поведением поставил себя в положение человека одобряемого. Такой способ обращения с детьми может в максимально мыслимой степени привести детей к убеждению, что человек, которого хвалят и отличают за хорошее поведение, обязательно встретит и любовь и ласку со стороны каждого, а в результате этого он будет иметь и всякие другие хорошие вещи; и наоборот, кто своим дурным поведением вызывает неуважение к себе и не заботится о сохранении хорошей репутации, неизбежно станет предметом равнодушия и презрения, а следствием такого положения явится отсутствие всего, что могло бы доставить ему удовлетворение или удовольствие. Таким образом, объекты желаний превращаются в фактор, способствующий добродетели, поскольку твердый опыт учит детей с самого начала, что предметы, доставляющие удовольствие, принадлежат и достаются лишь тем, кто пользуется хорошей репутацией. Если вам удастся таким путем заставить их из чувства стыда освободиться от своих недостатков (а я бы охотно ограничил этим все наказания) и находить удовольствие в том, что о них хорошо думают, то вы будете в состоянии делать с ними, что хотите...

ребячество

Однако при правильном методе обращения с детьми вовсе не должна возникать столь большая потребность в применении обычных наград и наказаний, как мы думаем и как это установлено общей практикой. Ибо дети должны в своих невинных дружествах, играх и детских выходах пользоваться полной свободой; их не следует в этом стеснять, пока эти проявления совместимы с подобающим уважением к присутствующим: в этих случаях следует

относиться к ним с величайшей снисходительностью. Если исправление этих недостатков — недостатков не столько самих детей, сколько их возраста — представлялось бы действием времени, подражания и более зрелого возраста, как это и надлежит делать, то дети были бы избавлены от многих дурно применяемых и бесполезных мер наказания. Ведь эти наказания или неспособны одолеть данной естественной склонности детского возраста, что (поскольку они делаются привычными, оставаясь в то же время бесплодными) уменьшает их пользу в других, серьезных случаях; или же эти наказания и проявляют достаточную силу, чтобы сдерживать естественную резвость этого возраста, и тогда они только калечат и тело и душу.

Если шум и суматоха их игр в данный момент неуместны или не соответствуют месту или обществу, в котором они находятся (а это может иметь место только там, где с ними родители), то достаточно одного взгляда или слова отца или матери, если только они добились должного авторитета, для того чтобы на это время удалить детей или успокоить их. Но это веселое настроение, которым природа мудро наделила детский возраст и характер, скорее следует поощрять для поддержания в них бодрости, для развития их сил и улучшения здоровья, чем подавлять и стеснять; да главное искусство именно и заключается в том, чтобы сделать все, чем дети должны заниматься, игрой и развлечением.

правила

Здесь позвольте мне обратить внимание на одну вещь, которую я считаю ошибкой обычного метода воспитания: она заключается в обременении детской памяти всевозможными правилами и предписаниями, которые часто бывают недоступны их пониманию и всегда детьми забываются сейчас же, как только они их получили. Если вы желаете, чтобы дети выполняли какое-либо действие или сделали это иначе, когда они забывают или делают это неудачно, заставляйте их много раз переделывать, пока они не достигнут совершенства. Этим вы добьетесь двух полезных результатов. Во-первых, вы увидите, способны ли они выполнять данную работу и можно ли рассчитывать, что они ее выполнят: ведь от детей иногда требуют таких вещей, которых, как мы убеждаемся уже на опыте, они не умеют делать, и раньше, чем требовать от них выполнения, следовало бы их поучить и поупражнять. Но воспитателю гораздо легче приказывать, чем учить. Другая польза, которая получается от этого, заключается в том, что, если дети будут многократно проделывать одно и то же действие до тех пор, пока оно не станет для них привычным, выполнение уже не будет зависеть от памяти или размышления, свойственных не детству, а зрелому возрасту, но станет у них чем-то естественным.

Я видел родителей, которые наваливали на детей такую кучу правил, что бедным малышам невозможно было запомнить и десятую часть их, и еще менее они могли их выполнять. И несмотря на то, за нарушение этих многочисленных и часто совершенно нецелесообразных предписаний дети подвергались брани и побоям. Естественным результатом

этого было то, что они не обращали внимания на указания, которые им давались, так как для них было очевидно, что всего внимания, на которое они способны, недостаточно, чтобы предохранить их от нарушений и последующих наказаний. Поэтому пусть этих правил, которые вы даете своему сыну, будет возможно меньше, а не больше того, что кажется абсолютно необходимым. Ибо если вы обременили его многочисленными правилами, то в результате неизбежно получится одно из двух: или вам придется своего сына очень часто наказывать, что будет иметь дурные последствия, так как наказание будет слишком частым и сделается привычным, или же вы будете вынуждены оставлять нарушение некоторых ваших правил безнаказанным, что, конечно, вызовет пренебрежительное отношение к ним и подорвет ваш авторитет в глазах сына. Создавайте лишь немного законов, но следите за тем, чтобы они, будучи раз созданы, соблюдались. Для малолетних детей требуется немного законов, и лишь по мере того как они становятся старше и какое-либо правило в результате практики прочно утвердилось, вы можете прибавить новое правило.

Но прошу вас помнить, что детей не следует учить при помощи правил, которые всегда будут ускользать из их памяти. Заставляйте их все, что, по вашему мнению, они должны уметь делать, усваивать путем необходимой практики, приурочивая эту практику к каждому подходящему случаю, а если возможно, сами создавайте эти случаи. Это будет порождать у них привычки, которые, раз установившись, будут действовать сами собой, легко и естественно, без помощи со стороны памяти. Но здесь позвольте мне сделать следующие два предупреждения. 1. Когда вы заставляете их упражняться в том, что вы хотели бы превратить у них в привычку, применяйте ласковые слова и мягкие уговоры, лучше в форме как бы напоминания о том, что они позабыли, чем в форме резких замечаний или брани за умышленный будто бы поступок. 2. Второе, что вам следует соблюдать, заключается в том, чтобы не стараться укоренять в них слишком много привычек зараз, иначе вы разнообразием собьете их с толку и основательно не разовьете в них ни одной привычки.

практика

Этот метод обучения детей путем повторной практики, путем многократного выполнения под наблюдением и руководством воспитателя одного и того же действия до тех пор, пока дети не привыкнут делать это хорошо, с какой бы стороны мы ни рассматривали его, имеет столько преимуществ перед методом, рассчитанным на правила, которые дети должны усвоить с помощью памяти, что я могу только удивляться (если можно вообще удивляться дурным обычаям), как он мог оставаться в столь большом пренебрежении. Укажу здесь еще на одно преимущество. Пользуясь этим методом, мы можем видеть, соответствуют ли требования, предъявляемые к ребенку, его способностям и подходит ли тот или другой прием к природным дарованиям и конституции ребенка: это ведь также должно приниматься в соображение при правильном воспитании.

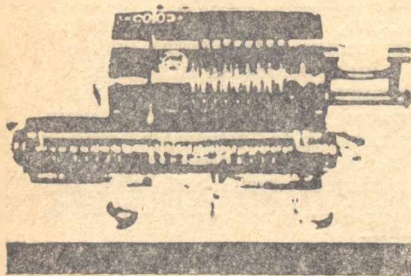
...Учитывая, как велико влияние общества и как мы все, особенно дети, склонны к подражанию, я позволю себе обратить внимание родителей на следующую вещь: кто желает, чтобы его сын относился с уважением к нему и к его предписаниям, тот должен сам относиться с большим уважением к своему сыну. *Maxima debetur pueris reverentia**. Вы ничего не должны делать в его присутствии такого, в чем вы бы не хотели, чтобы он подражал вам. Если вы позволите себе сделать что-либо такое, что ему поставили бы в вину, он обязательно прикроется вашим примером и притом так, что вам нелегко будет подступиться к нему, когда вы захотите надлежащим образом наказать его за это. Если вы наказываете его за то, что вы сами делаете на его глазах, он не поверит, что ваша строгость происходит из добрых чувств к нему и что именно поэтому вы озабочены исправлением его недостатка, а склонен будет объяснить ее раздражительностью и деспотическим произволом отца, который без всякого основания отказывает сыну в той свободе и тех удовольствиях, которые он себе разрешает. Если же свободу, которую вы берете на себя, вы мотивируете как привилегию достаточно зрелого возраста, которой ребенок не должен добиваться, то этим самым вы придаете вашему примеру лишь новую силу и еще более убедительно рекомендуете ребенку данный поступок. Ибо вы должны всегда помнить, что у детей появляется желание казаться взрослым еще раньше, чем это думают, и что брюки им нравятся не своим покроем или удобством, а потому, что ношение их является знаком зрелого возраста или приближения к нему. Сказанное мною относительно поведения отца в присутствии своих детей должно быть распространено на всех, кто пользуется каким-либо авторитетом в их глазах, и на тех, к кому отец желал бы внушить им уважение...

обязательные задания

Ни один предмет, который они должны изучить, не следует превращать в бремя для них или навязывать им как нечто обязательное. Все, что предлагается в такой форме, немедленно становится скучным; душа проникается отвращением к этому, даже в том случае, если оно раньше было для нее приятно или безразлично. Заставьте ребенка ежедневно известное время гонять свой волчок, хочется ли ему это делать или нет; требуйте этого от него как обязанности, которой он должен уделить столько-то часов утром и после полудня, — и вы увидите, как скоро ему надоеет при таких условиях любая игра. А разве не то же самое бывает и со взрослыми людьми? Разве то, что они с удовольствием делают по своей воле, не становится сразу же для них тягостным и невыносимым, как только они увидят, что это вменяется им в обязанность? Думайте о детях, как вам угодно, но им также хочется показать, что они свободны, что их хорошие поступки исходят от них самих, что они самостоятельны и независимы, — как это хочется самому гордому из вас, взрослых людей...

* «К детям нужно проявлять самое большое уважение» (Ювенал).

ВСТРЕЧЬ

В. ПОМЕРАНЦЕВ

Из записной книжки писателя

Город Печоры на границе с Эстонией. Зеленый и чистенький. Мальчик лет тринадцати, хорошенький, в шапочке с длинным козырьком, свежей рубашке и ковбойских штанах. Вид очень независимый. Ест яблоко со смаком, но с закрытым ртом, нежадно, откусывая небольшие куски. Решив, что я смотрю не на него, а на яблоко, вынимает из кармана еще одно. «Хотите?» Мне стало весело. Мы не стали ждать автобуса, пошли пешком. Дорога приятная, а мой спутник оказался еще того лучше — спокойный характер, деловитость тона, воспитанность. В этом маленьком городке вообще нет суетливости, никто никуда не спешит и дети вырастают со здоровыми нервами. Впрочем, мальчик не местный, приезжает сюда из Пскова только на лето да в зимние каникулы на лыжах ходить. Характер же у него не только спокойный, а и волевой. Не остановился еще на выборе будущей своей специальности, но, заранее определив, что она должна быть связана с путешествиями по белому свету, усиленно изучает моторы, виды транспорта и географию. Ходит в какой-то кружок автомобилистов, куда его не принимают по возрасту, трется в гаражах, заводит знакомства с шоферами и... летчиками. Чего он достиг этим, я проверить не мог, но его географические познания изумили меня.

У него дома всякие атласы, и он читает уйму книг путешественников. Хвастовства в нем нисколько, и если бы не мое любопытство, он ничего этого о себе не рассказывал бы. Остальные предметы интересуют его много меньше, учится на четверки и тройки.

До сих пор я был уверен, что для общего развития нужны прежде всего русский язык и литература художественная. Но этот мальчишка стал осведомленнейшим для своих лет человеком вследствие страсти своей к географии. Я забрасывал его вопросами о разных краешках мира, и он сообщал о них много всяких подробностей.

Путешествовать ему пока не пришлось. Бывал лишь в Ленинграде и один раз в Крыму. Но он в твердой уверенности, что все впереди.

Я повел его на базарчик, находящийся рядом с гостиницей, хотел купить ему ягод. Он засмеялся, сказав, что у хозяйки их сколько хочешь, что мама здесь варенье наваривает. Решительно отказался и от обеда со мной в ресторане. Я взял там за стойкой плитку шоколада и силком сунул ему в карман. «Вы меня в неловкое положение стави-

те», — сказал он совсем как взрослый. Назавтра поутру — стук в дверь. Отворяю — он смущенно с пакетиком. «Вы простите... это вам мама... самая витаминная ягода».

Но пришел он не только из-за своей щепетильности.

— У вас, я слыхал, пойдет завтра автобус в Эстонию. Можно мне с вами?

Повел его в общежитие, где жила наша группа, и там обещали взять его. Сам я его больше не видел — пришлось неожиданно ехать в Москву. Великолепный мальчишка!

У мальчика нашли стихи:

Грустно грежу, скорбь лелею,
Паутину жизни тку
И дознаться не умею,
Для чего и чем живу.

Соклассники: «У нас поэт! Настоящий поэт!»

Мальчик скромно признался...

Соклассники передают тетрадку учителю. Делают это, искренне возмущаясь товарищем. Мысли стихов не придают никакого значения, считая ее просто кокетничанием. Но учитель возмущается: как это у нашего школьника, у комсомольца, такой пессимизм, такие упадочные стихи!.. Следствие обнаруживает, что стихи... соллогубовские. Где-то попались, понравились, переписал их в тетрадку... Разоблаченному псевдо-поэту стыдно смотреть на товарищей.

Интересна, однако, в этой истории позиция матери:

— Я сказала ему, чтобы это было уроком. Зачем переписывать в такие тетрадки, которые он с собой в школу берет. Нельзя таким рассеянным быть...

Что выйдет из мальчика при такой маме...

Две сцены в электричке. Сначала гадкая, потом утешительная.

12 дня. Едущих мало. Муж с женой и ребенком. Супругам — под сорок. Мальчику лет пять или около. Светлый в папу и маму, любовно одет, миловиден, но губки надуты, смотрит исподлобья, скучающе. Чувствуется, что этот поздний ребенок пресыщен, капризен.

Это сейчас же сказывается, когда в вагон входит девочка лет девяти, одна, в стоптанных туфельках, с тяжелой авоськой в одной руке и с книжкой — в другой. По всему видно, что она не московская, живет по этой дороге в одном из поселков и

ее посылали к родным или знакомым за яблоками. Она раскрывает книжку и начинает читать... Мальчик из другого отсека молча следит за ней, и вдруг его привлекает яркая цветная обложка. Подходит и повелительно: «Дай!» Она не дает, позволяет только взглянуть в рисунок. Он тянет книжку из рук. Она уступает, но мальчишка уходит с книжкой в отсек, где сидит со своими родителями. Забирается там на скамью, разглядывает картинки, нещадно обращаясь с листами. «Он посмотрит и отдаст тебе, девочка», — кричит его мать. Девочка растеряна, но потопить не решает. А мальчик, само собой разумеется, торопится не думая. И вот девочке скоро сходить. Она поднимает авоську и подходит к семье. Отец пытается взять у сына книжку из рук, но тот противится, начинает дрыгать ногами, кричит. Мать безучастна. Тогда мужчина бездумно, не предвидя последствий такого поступка, смотрит, сколько стоит книжка, и протягивает девочке рубль: «На тебе, милая, ты себе две таких купишь». Поезд приостанавливается. Девочка растерянно смотрит на рубль, не берет его, краснеет, отшатывается и спешит из вагона...

Поезд трогается. Мужчина еще не успевает прийти в себя от смущения, как к нему подходят два пареня. Оба не крепкиши, но у обоих решимость в глазах:

— Слушайте, вы... семечка... перейдите, пожалуйста, в соседний вагон. А то у нас чешутся руки. Как бы нас не забрали в милицию...

Мужчина, и без того потрясенный реакцией девочки, буквально горит от стыда. Он не может простить себе того, что случилось, и, грубо взяв мальчишку за руку, бежит. Супруга ковыляет за ним.

Любопытно наблюдать взросление Мишки. Один из признаков этого процесса — стал чутя, когда мать приходит с работы расстроенной. Но чадолубие мешает матери утончать слух сына, и, когда тот заглядывает в ее глаза, они становятся деланно веселы. Она печется о его безмятежности, то есть... инфантильности.

Это уже стареющий мужчина. Дочери и сыну под двадцать. Отца своего не помнит совсем, а мать умерла лишь недавно. Пиетет ее в доме велик. Эта женщина прожила жизнь

не яркую, но то, что она сделала из своего сына, — чудо и подвиг. Был ли он нужен? Зачем затратила она целую жизнь на стирание печатей наследственности, которым сама же дала появиться? Ведь выйди Люся за кого-то другого, ей нечего было бы вытравлять потом в своем отпрыске.

Я лишь смутно помню мешковатого парня, жившего от нас через дом. Его отец торговал лошадьми, за которыми часто ездил в Монголию, и брал мальчишку с собой, приучая его к барышничеству и конскому запаху. Лицо у парня было ленивое, глаза мутные, маленькие, желания только простейшие. Не знаю, как случилось, что он встретился с Люсей и родителям пришлось поженить их...

Люся — дочь петербургского чиновника, привезшего из Франции жену-католичку. После революции семья «бежала от большевиков» в Самару, потом последовательно в колчаковский Омск и в Иркутск. С приходом 5-й армии Люсин отец жил в страхе, стараясь быть неслышным, невидимым. Только этим можно объяснить его примиренность со всем происшедшим...

Хороша была Люся на редкость, потому что редка такая контрастность: у нее были темные глубокие глаза и пышные, длинные, заплетенные в косы светлые волосы. Эти глаза и косы знал целый город. Кто мог подумать, что такой девушке суждено прозябать...

Люся не смогла стать студенткой и выучилась только машинописи. С мужем ей даже разговаривать не о чем было. Потом его расстреляли — он занимался в кооперации заготовкой пушнины и уличен был в ее расхищении. Люся осталась с двухлетним ребенком. Обожаемым и ненавидимым. Невидела она в нем склонность к ожирению, сластолюбие, вялость, отсутствие любопытства, грубый смех, неуклюжесть — все унаследованное им от предков-барышников. И начала она это в нем перебарывать. Из часа в час, изо дня в день, из года в год, десятилетия.

Преподаватель политехнического института рассказывает, какая сила была в его матери, этой грациозной молоденькой женщине, сколько верного подсказывал ей, недоучке, инстинкт, какие победы одерживала она в единоборстве с природой.

Да, она ломала природу. У него была мясистая шея и грозил сложиться загорбок. Мать заставляла его подолгу изгибать шею то вправо, то влево, крутить головой, расти-

рать уплотнявшийся холмик гнутой лопаткой, специально изготовленной бондарем. Мальчик ленился проделывать это, обманывал мать, но та в конце концов сумела вселить в него страх перед горбом. Массаж шеи стал у ребенка, а потом у подростка и юноши каждодневной привычкой, и ей он обязан тому, что у него не короткая заплывшая шея, а длинная, не согнутая спина, а прямая.

Его отец мог съедать баранье стегно и выпивать туес топленого масла, а сына мать заставляла выковыривать жиринки из колбасы... В его взгляде часто бывали угрюмость, скука, злобинка, и она водила его к кривым зеркалам, выискивала для него остроумные сказки, учила подмечать все смешное, подбирала ему друзей побойчей, и глаза его стали смотреть на мир благосклонно, все чаще и чаще стал звучать его смех. Впрочем, смех, вспоминает сын, дался тоже наукой: мать любила его непосредственностью, но требовала слышать ту грань, за которой он становится хохотом.

Она не выносила даже минут, в которые сын не был бы чем-нибудь занят. Отец был малоподвижным, и вопреки этому она хотела развить в сыне энергию и волевые черты. Именно она, раньше, чем сверстники, приохотила его к Шерлоку Холмсу, привлекая внимание мальчика не только к уму его, но и к лицу, к скупым и решительным жестам. Сын помнит такую сцену из этого времени: «Что ты делаешь, милый?» — «Ничего... Просто так...» — «От «просто так» уроки не выучатся». — «А я уже выучил. Почему я не могу... ну, посидеть, подумать о чем-нибудь». — «Можешь. Но ты думаешь не о чем-нибудь, а ни о чем. Вот смотри, — показывает она на обложку книжки о Холмсе, — вот он действительно обдумывает, сосредоточен на чем-то. Погляди, как у него челюсти сжаты. А у тебя открыт рот. Кто же так думает! Так ловят мух... Иди лучше во двор, поиграй».

Выбивая из него флегматичность, ломая в нем отцовский характер, мать, сама того не ожидая, наделяла его собственными чертами характера и даже чертами лица своего, которые прежде в нем начисто как будто отсутствовали. Это парадоксальное утверждение сын делает ныне очень уверенно и говорит, что это факт, а не мистика.

— Я не умею вам объяснить... Это трудно. Но мы с мамой так любили друг друга, наши ощущения становились постепенно такими общими, сходными, что и жесты, манеры, вы-

ражения лиц тоже делались сходными... От мамы ко мне по невидимым проводам что-то шло. Лицом я был в отца, но соткан, наверное, из такой мягкой ткани, что на этом лице, словно на грунте, вырисовывалось со временем новое, мамино.

Этот рассказ был тем примечательнее, что предыдущая Люсиная жизнь никак не могла придать ей такие волевые начала, а книжки о физкультуре и педагогике она вряд ли читала. Наверняка не попадались ей и трактаты о власти наследственности, преодоленной единственно материнской любовью.

Сохранение пенсий работающим санитаркам, лифтершам — это для них и приют достоинства, значимости и веса в семье.

Старуха рассказывает о ссоре с невесткой:

— Ты за дверь меня не вытряхивай, — сказала я ей. — Ты сто двадцать приносишь не чистыми, а я сто двенадцать без вычетов. Кто же кого перекрывает? И как ты после этого смеешь обращаться со мной, будто я на хлебах у тебя! Ах, ты бессовестная... Когда вам что-нибудь надо, ты смотришь свекрови в карман, а как у вас гости — «шли бы, мамаша, к своим старухам во двор»... Да как у тебя язык поворачивается! Сберегательная книжка чья у нас в доме — моя или твоя? Ну, погоди... Вот соберу в ненешнюю субботу этих самых старух, поставлю им колбаски и красненького, а тебя тоже ушлю из дома проветриваться...

Она так и сделала. И стала себе отдельно варить. Подошло время покупать внучонку пальтишко, старухе не терпелось скорей раскошиться, но она крепилась, молчала... И пришлось эту тему невестке поднимать...

— Теперь я у них не нашейная, — смеется лифтерша, — теперь они чувствуют...

...Выпивают-де потому, что молоды, стремятся к развлечениям, разнообразию, а тут жизнь монотонная, все дни одинаковы... Мне тошно слушать. У них большой кинотеатр, в который всегда можно попасть, у них стадион, у них в красных уголках телевизоры, — да чего же еще надо! Почему же мы в свое время умели проводить долгие сибирские вечера в разговорах, за книгой, в раздумье. У нас не было радио, не было телефона, не было автобусов, поэтому не было и мыслей о том,

куда себя нынче деть. А теперь в молодежных городах-новостройках хлопчут о стационарном театре, о бассейнах, яхтклубах. Это очень хорошо, но зачем только в приумножении зрелищ, в постоянной погоне за ними видеть единственный способ ублажить, удержать?.. Без этого, уверяют меня, не покончишь с пьянством, текучестью... В действительности же зрелища, спорт и клубная жизнь, призванные как будто заменять алкоголь, могут и сосуществовать с ним... Это потому, что мы все время стремимся отвлекать парня, если можно так выразиться, от него самого, помогать ему бежать от себя самого, а надо учить его проводить время с собой, быть подольше наедине с собственной личностью.

Здесь есть обучение, но нет воспитания. А надо задаваться вопросом, прочел ли когда-нибудь в жизни такой-то парень стоящую, выводящую из бездумности книгу... Надо выяснять, почему у такого-то парня много свободного времени и нечем заполнить его...

Это же дико, что столько молодежи не умеет ни веселиться, ни разговора вести без бутылки. Даже и девушки... В мое время приглашали к самовару, а теперь они «скидывались», чтобы принять меня поллитровками.

Элиан свидетельствует, что в Риме вино разрешалось только с 35 лет, а женщины не пили вообще.

Наконец-то собрался взглянуть на памятные с детства места. Еще издали узнаю дом Волконского. Не так черен и дряхл, как дом Трубецкого, но тоже, наверное, скоро развалится... Долго смотрю на истлевшие бревна, а из окон смотрят, чего я смотрю. Косятя то на меня, то на белье во дворе и разгадывают мои намерения.

Мимо проходят двое подростков.

— Мальчики, не знаете ли случайно, кто здесь живет?

— Не знаем. Люди живут. А раньше Волконский жил.

— Кто это? — спрашиваю.

— Он царя хотел застрелить, — сообщают они. — Стоял за большевиков, за народ.

— Где вы учитесь, мальчики?

— В профессионально-техническом...

Удручен я был и рассказом о девушке, сдавшей в педагогический и спутавшей похороненного в Иркутске землепроходца Григория Шелехова, по имени которого и новый соседний город называли, с шолохов-

ским Григорием Мелеховым. Но вот парень из ангарского техникума побил рекорд дикости, и его разговор меня буквально потряс. «Скажите, — спросил он, — вот были в России цари Александры. Они считались по номерам. А какого из номеров Македонским прозвали?»

— Да, он мало читает, не очень развит сравнительно с другими ребятами, — вяло спорил со мной преподаватель техникума, не знавший, ЧП этот разговор или нет, — но для него же и вправду не может быть разницы между Александром Македонским и Александром Вторым... Для него допотопны и тот и другой.

Допустим, что парень, спросивший о Македонском, впрямь отстающий и по его невежеству нельзя судить о других. Но и эти другие читают огорчительно мало. На 22 человека, с которыми я говорил в общежитии техникума, пришлось всего 5 библиотечных беллетристических книжек... Оттого и спрессовываются в общий каменный век цари, времена и понятия...

Меня поражает здесь, как много вчерашних крестьянских парней приобщены к сегодняшней технике, сколько они знают и умеют такого, о чем во времена моей молодости никто тут не имел представления, какими способными они оказались.

Мне встретился парень по фамилии Симаков, и я подумал, — бываю же у других людей невероятные встречи, — не внук ли это служившей некогда у нас Даши. Парень не смог этого ни подтвердить, ни отвергнуть — он своей бабки не знал и к генеалогии был равнодушен. Но он тоже из местных крестьян-староверов, некогда самых дремучих невежд. И оставил в свои двадцать лет позади металловедение, сопромат и еще двенадцать предметов, шоферил, собрал по собственной схеме приемник...

Приемник этот он включает лишь с целью занять меня — гостя в его общежитии, а вовсе не с тем, чтобы хвастаться своими руками. Наоборот, за это изделие ему сейчас, в пору транзисторов, даже как-то неловко... А мне приходит на ум, что его бабушка — пусть не Дарья, а Марья — закрестилась бы у этой игрушки. В ее время не было в Сибири парней, подобных внуку ее. Даже инженеры не знали половины того, что он умеет теперь. Человек, способный токарить, монтировать, машину вести, собрать аппарат, изготовить деталь, заниматься починками точ-

ных приборов, был редок, как редок теперь космонавт. А Симаков среди сверстников своих — рядовой. Его товарищи по комнате преуспевают не меньше. Один собирает не лампы, а целый мотор, чтобы приспособить его на приобретенную лодку, а другой — выше таких предприятий и в свои двадцать два года помышляет заставить заняться им людей, исследующих первородность открытий и права на патенты...

Вот они — те, кто перекувырнули Сибирь, нарисовали на ней новый пейзаж. И крепко же место в жизни с такими руками!

Они будут все дальше и дальше перерисовывать край. Они, их младшие братья... Директор школы сказал мне, что две трети детей видят себя в будущем лишь инженерами. Не знаю, такие ли нужны пропорции для правильного устройства дел на земле, немножко страшусь этого всевластия техники, не хочу, чтобы заполонила она столько людей, но есть в этих детских склонностях и свое хорошее, доброе. Ведь все профессии, привлекавшие прежде мальчишек, связаны были с властью и бицепсами. Каждый хотел стать милиционером, атаманом, боксером, борцом... Теперь мечты мирны...

Нельзя!

Если б огромный колокол звонил всякий раз, когда вы произносите «нельзя!», я думаю, вы не смогли бы вынести такого шума... И все же всякий раз, как только вы произносите его, в ушах ваших детей оно звучит оглушительным гонимом. Как вы терпеть это? И дети не терпят: они сердятся, злятся, кричат, протестуют и часто становятся еще более упрямыми.

Конечно, совершенно очевидно, что мы, родители, не можем допустить, чтобы дети пренебрегали нашим жизненным опытом, нашими представлениями о том, что плохо и что хорошо, что опасно и вредно и так далее. Что же нам делать? Исключить отрицание из нашего словаря? Конечно, нет. Ведь дети неопытны, неразумны, многого не знают, и нам постоянно приходится многому учить их.

Беда, если мы употребляем «нельзя!», лишь выражая свое нетерпение, а не из желания поправить ошибку ребенка или предостеречь его. Мы произносим это слово раздраженно, гневно, словно приказание — друзья таким тоном не разговаривают.

Большинство из нас это понимает, но не умеет найти выход из положения. Многие родители нередко жалеют, что слишком часто говорят ребенку слово «нельзя!», решают иначе с ним обращаться, но вскоре ведут себя по-прежнему. Изменить наш характер нелегко, поэтому надо постараться уяснить некоторые важные вещи.

Прежде всего следует понять, что ребенок целиком находится во власти своих желаний, над которыми у него еще нет или почти нет никакой власти. Пона-

добятся многие годы, прежде чем он научится управлять ими. Если же мы попробуем укоротить срок этого процесса, то допустим грубую ошибку. Было бы слишком наивно надеяться научить детей за несколько первых лет жизни добровольно отказываться от чего-то, идти на компромисс, откладывать свои желания. Так же как нельзя ждать, что они поймут наши уроки с первого объяснения или после первой же взбучки.

Во-вторых, если надо в чем-то отказать ребенку, сделаем это по-дружески. Конечно, поправить ошибку ребенка следует, но прежде всего необходимо сохранить с ним дружеские отношения.

В-третьих, неправильное употребление слова «нельзя!» лишь тормозит поведение ребенка, но никак не меняет должным образом его желание. Наши резкие и настойчивые «нет!», «нельзя!» лишь вызовут у ребенка чувство ущемленности и огорчения. Даже если нам удастся запретить детям что-нибудь, что, на наш взгляд, нельзя делать, не разумнее ли было бы исправить само их желание сделать это? Но как? Главным образом посредством мягких, спокойных, терпеливых объяснений. Нет, я не считаю, что все мы способны на это и тем более всегда. Но если мы все же попытаемся вести себя с детьми так хотя бы чаще, чем раньше, то непременно будем за это вознаграждены, — пусть не сразу, а какое-то время спустя. Это гарантировано. Нет нужды добавлять, что это гораздо труднее, чем всякий раз кричать «не-е-е-ет!» из одной комнаты в другую.

В то же время не совершайте ошибку, ожидая, пока ребенку исполнится пять-шесть лет. Обычно «нет!», «нельзя!» начинают звучать, едва малыш начинает ходить. Вот тут-то и следует приниматься за эту проблему.

Наконец, если вы считаете, что ваш характер исключает всякий терпеливый и спокойный подход к ребенку, вам остается сделать одну крайне важную вещь: раз уж ваша нервная манера запрещать сердит ребенка, настройте его против вас, вознаградите его особой лаской и нежностью в минуты, когда проявляете свою любовь...

Алан ФРОММ
(«Из книги
«Азбука для родителей»)

Мне бы не хотелось называть своей фамилии... Не подумайте, что на это есть какие-нибудь серьезные причины. Но я уверен, что молодежь из нашего салона обязательно скажет: «Старик делает себе рекламу!» Хотя, поверьте, в рекламе я не нуждаюсь. Даже в самые «застойные» дни, после праздников, когда мастера видят в зеркалах в основном свое отражение, ко мне очередь.

Не буду лицемерить и говорить, что мне это неприятно. Приятно. Но об этом потом.

Почему я стал парикмахером? Да так уж повернулась жизнь.

В нашем городке не было ни институтов, ни заводов, ни фабрик. О том, чтобы ехать куда-нибудь учиться или работать, не приходилось и думать: в семье я был десятый. И вот после седьмого класса я пошел в частную парикмахерскую учеником.

Не могу сказать, что мне, молодому парню, нравилось быть там на побегушках. Но надо быть справедливым: гонять меня, конечно, хозяин гонял, но учил тоже. И учил серьезно. Словом, через два года я стал полноценным мужским мастером.

Если вы думаете, что быть мужским мастером проще, чем дамским, так вы ошибаетесь. Прежде всего бритье. Бритье — это искусство. Человек садится в кресло и доверяет вам свое лицо. Понимаете, лицо! Есть разные люди. Попадают и такие, которые могут продать черту души. Она, то есть душа, им не нужна. Они рассчитывают, что никто не заметит, есть она у них или ее нет. Но лицом дорожит каждый. Каждый надеется стать красивее и боится стать хуже, чем он есть. Поэтому первое же слово и первое прикосновение должны успокоить клиента. Он должен поверить, что с его лицом все будет в полном порядке. Вы обязаны оправдать такое доверие.

А мужская стрижка? Взять хотя бы «бокс». Настоящий спортивный «бокс», где даже опытный глаз не должен заметить перехода от бритвы к ножницам! Или обработка головы, на которой образовалась уже солид-

ная лысина? Эти клиенты дрожат буквально над каждым волоском. Им кажется, что чем больше волос на висках или на затылке, тем меньше виден их недостаток на макушке. Надо иметь хороший запас терпения, чтобы ликвидировать это заблуждение.

Я парикмахер уже почти сорок лет и скажу откровенно, что с клиентами работать труднее, чем с клиентами. Женщины самокритичней. Они лучше знают свою внешность и не ждут чуда. Кроме того, у женщин наглядное воображение. Женщина представляет себе, как будет выглядеть с той или иной прической, и допускает небольшие отклонения в ту или в другую сторону. Мужчина — нет! Он хочет выйти из парикмахерской преображенным, как Иван из котла в «Коньке-горбунке». Вы догадываетесь, что это удастся далеко не всегда. Правда, теперь опять входят в моду бороды. А борода и усы действительно могут преобразить внешность. Но сплать-таки приходится внушать, что какая-нибудь шведская борода, как ее называют, «шкиперка», которой увлекается молодежь, идет не всем.

Итак, вначале я работал мужским парикмахером. Потом перешел в женские. Дамский мастер первого разряда. Это было еще тогда, когда никто не слышал ни о перманенте, ни о химии, и даже о бигуди. Основным видом работы была стрижка. Тогда все женщины стриглись под «баядерку», под «фокстрот» и под «бобби». «Бобби» — такая стрижка, когда один висок подстригается коротко, а другой — длинно. И, представьте себе, некоторым очень шло.

Ну, а теперь другое дело. У людей развился вкус.

Настоящий мастер должен быть не только парикмахером, но и художником, и актером, и даже психологом.

Пришла клиентка. Она у меня в первый раз, но кое-что я о ней уже знаю. Ждала своей очереди и, не отрывая глаз, смотрела, как я работаю. Провожала восхищенным взглядом каждую причесанную даму. Значит, бывает в парикмахерской не слишком часто и не очень хорошо знает, какая из причесок подойдет именно ей.

Дальше. Женщина не молодая, хотя вполне миловидная. Волосы не в порядке. Нетрудно догадаться, что она сильно занята. Либо большая семья, либо большая работа. Для такой клиентки полчаса, проведенные в моем кресле, значат очень много. Она должна увидеть себя в зеркале заново и должна себе понравиться. Иначе первый визит в парикмахерскую окажется последним. И тут все зависит от меня. Но прежде всего надо даму успокоить. Я беру в руки прядь ее волос.

— Прекрасный волос! — говорю ей. — Эластичный, послушный! Выйдет идеальная прическа!

— Правда?! — она радуется, как ребенок. — Но я никогда с ними ничего не делала!

Этого мне можно не говорить — вижу сам.

— Никогда не поздно начать! Вы преподнесете своим близким приятный сюрприз!

Клиентка улыбается. Она уже не нервничает. А я пока рассматриваю ее в зеркале: овал лица удлинённый, шея хорошая, фигура довольно полная... Итак... Общая линия стрижки не слишком короткая, побольше прикрыть лоб, пышные виски... Седых волосков немного, пускай пока остаются, покраситься она еще успеет.

Я работаю не торопясь, но без пауз, не отвлекаясь. Конечно, есть какие-то элементы работы, которые можно делать не глядя, механически. Например, накручивание волос на бигуди. И молодые мастера часто поступают именно так: крутят волосы, а сами смотрят в сторону и болтают друг с другом о чем угодно. Может быть, это не отражается на работе, но определенно отражается на самочувствии клиента. Клиент

хочет, чтобы мастер занимался только его головой. И он прав. Поэтому, когда я разговариваю во время работы, мои глаза и руки в этом разговоре участия не принимают. Они заняты делом.

Но вот моя клиентка возвращается из сушильни. У нее действительно на редкость послушный волос, одно удовольствие с ним работать. Начес я не делаю. Он уже не в моде, а кроме того, такая женщина все равно сама себе каждый день начес делать не станет. Зачем же портить волосы из-за нескольких часов? Пожалуй, надо немного распушить локоны на лбу. Это не по правилам, но даме будет больше к лицу. Готово! Я доволен. Теперь слово за клиенткой.

Когда-то, много лет назад, мой учитель сказал мне: «В первую очередь работа должна понравиться тебе, а уже потом твоему клиенту. Только тогда будет толк». Это мудрое правило. Я стараюсь следовать ему всегда.

Женщина смотрит на себя в зеркало с изумлением. Ей-богу, она просто красавица! Она говорит одно слово: «Спасибо!» Но я вижу выражение ее лица, и мне больше слов не надо. Все ясно: клиентка тоже довольна. Она отходит, осторожно ступая, чтобы как-нибудь не повредить прическу. Ничего. Скоро она привыкнет и захочет всегда выглядеть только так и не хуже. Интересно, через какое время она придет ко мне опять?

— Следующая. Прошу.

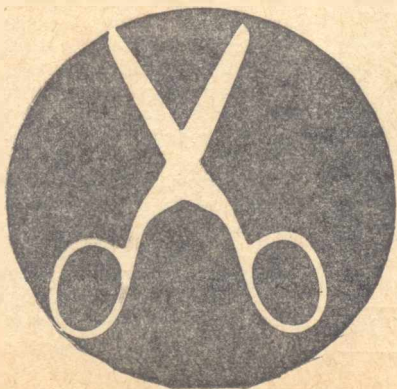
На этот раз старая знакомая... Я помню наизусть всех постоянных клиенток — профессиональная память.

Знаете, мне кажется, что у многих людей неправильный взгляд на жизнь. Сейчас объясню, к чему я клоню. Эти люди считают, что если человек не получил высшего образования и не имеет диплома, то жизнь не удалась, пропала. Я думаю, что человек обязан быть мастером — это его главное призвание. Мастером-врачом, мастером-учителем, мастером-поваром, мастером-парикмахером... Только тогда от него людям польза и ему самому радость.

Как видите, моя профессия не мешает философствовать. Она ничему не мешает. Я люблю книги — у меня дома неплохая библиотека. Я люблю туризм. Это, как теперь говорят, мое хобби.

Мне лично нравится и моя жизнь и моя работа. Жена тоже парикмахер и даже выше меня по квалификации — имеет звание мастера парикмахерского искусства. Принимала участие в международных конкурсах. У нас три взрослые дочери. Все три захотели получить высшее образование, учатся в институтах... Что ж, пускай учатся. Я мечтаю только об одном, чтобы после окончания этих институтов работа приносила бы им радость...

Записала Б. ЛЕОНИДОВА

говорят дети

Марина, 4 года.

Брат пьет молоко из стакана с подстаканником.

Марина:

— Я тоже хочу молока из этого...

— Из чего, доченька?

— Из дырочки с ручкой.

На улице Марина шалит. Незнакомая женщина говорит ей:

— Вот возьму и посажу тебя в сумку...

— А в нее только одна моя голова влезет!

Лена, 6 лет.

Увидела в небе метеозонд:

— Что же это на небе?! То ли спутник сломанный, то ли звезда растопырчатая...

Ира, 7 лет.

— Болтовня — тоже разговор, только неправильный...

Вероника, 4 года.

— А дядя повар поварней тети поварихи?

— Мамочка, ты тоже была маленькой?

— Да, а что?

— Я хотела сначала быть мамой, а ты, хитренькая, — первая захватила!

Записали наши читатели: В. Семененко (Амурская область), А. Валиенко (Краснодарский край), Т. Карасевич (г. Гомель), Л. Больнова (Новосибирская область).

природа

природа

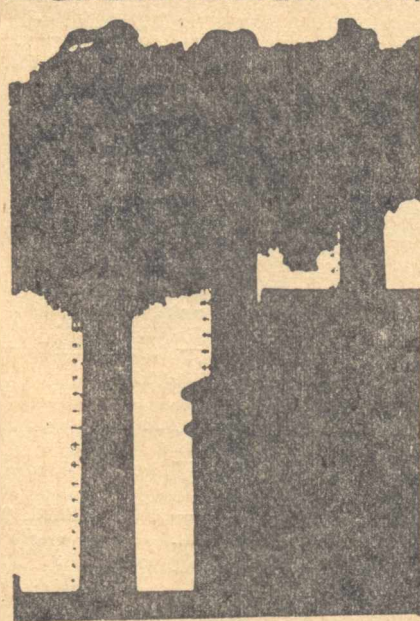
Каково значение природы в воспитании?

Вот что говорит об этом в своем юношеском дневнике К. Д. Ушинский.

«Зовите меня варваром в педагогике, но я вынес из впечатлений моей жизни глубокое убеждение, что прекрасный ландшафт имеет такое огромное воспитательное влияние на развитие молодой души, с которым трудно соперничать влиянию педагога; что день, проведенный ребенком посреди рощи и полей, когда его головой овладевает какой-то упоительный туман, в теплой влаге которого раскрывается все его молодое сердце для того, чтобы беззаботно и бессознательно впитывать в себя мысли и зародыши мыслей, потоком льющиеся из природы, что такой день стоит многих недель, проведенных на учебной скамье...

Боже мой, сколько перемещалось на этом прекрасном берегу, на этих «крюках», нависших над рекою...

Но как оживлялась... жизнь моя, когда приближалась весна: я следил за каждым ее шагом, за каждой малейшей переменой в борьбе зимы и лета. Тающий снег, чернеющий лед реки, расширяющиеся поляны у берега, проталины в саду, земля, проглядывавшая там и сям из-под снега, прилет птиц, оживающий лес, шумно бегущие с гор ручьи — все было предметом моего страстного недремлющего внимания. Но вот и снегу нет более, и неприятная нагота деревьев в саду заменилась со всех сторон маяющими таинственными зелеными глубинами, вот и вишни брызнули молоком цветов, зарозовели яблони, каштан поднял и распустил свои красивые султаны, и я бежал каждый раз из гимназии домой, как будто меня ждало там и невесть какое сокровище».

Академик И. ПЕТРЯНОВ

Несколько лет назад газеты и журналы обошло одно любопытное сообщение: ученые обнаружили, что ночной воздух больших городов губительно действует на микроорганизмы. Маленькая бактерия не выдерживает воздействия содержащихся в городской атмосфере ядовитых веществ — продуктов сгорания угля и бензина, а человек их пока что переносит.

Впрочем, иногда случается так, что не выдерживает и человек. В Лондоне, Лос-Анжелесе и других крупных городах бывали случаи массовой гибели людей от ядовитой смеси тумана, дыма и выхлопных газов автомобилей — так называемого «смога».

Загрязняется не только воздух больших городов, но и вообще весь «пятый океан» нашей планеты — ведь атмосфера находится в непрерывном движении, она все время перемешивается. И вместе с тем она служит чем-то вроде гигантской свалки, куда выпускаются неисчислимые количества всевозможных газообразных продуктов, мельчайших частичек золы, копоти.

Один «Боинг» при перелете из Парижа в Нью-Йорк «сжигает» 35 тонн кислорода.

Исследование, проведенное в Мюнхене, показало, что при торможении об асфальт покрышки теряют ежегодно до 100 тонн резины, которая в виде мельчайшей пыли рассеивается в воздухе. Частицы дыма рассеивают свет и не пропускают его к земной поверхности. Через замкнутую атмосферу больших промышленных центров в Западной Европе и в Америке проходит лишь 50—80 процентов солнечной радиации, а часто и еще меньше, так что выращивание овощей в пригородных хозяйствах становится невозможным.

Ученые обращают внимание на то, что жители крупных городов заболевают бронхитом гораздо чаще, чем жители городов мелких и сельской местности. Дело в том, что газообразные примеси, даже в небольших количествах, могут вызывать различные нарушения в механизме очистки легких.

Всего несколько десятков лет назад никто всерьез не задумывался над тем, к чему может привести воздействие человека на природу,

природа

природа

а сейчас нередки суждения такого типа: «Или люди сделают так, что в воздухе станет меньше дыма, или дым сделает так, что на Земле станет меньше людей». Это слова одного из крупных зарубежных ученых. Вряд ли можно сказать короче и выразительнее!

Сейчас человек не может близи-руко принимать в расчет лишь те плоды своей деятельности, которые считает полезными для себя. А если подвести полный баланс? Вот простой пример: на химическом заводе синтезирован один килограмм какого-нибудь лекарства. На первый взгляд может показаться, что это чисто созидательная акция: ведь вначале этот же килограмм материи находился в несравненно менее упорядоченном состоянии, но если честно учесть, что одновременно при этом были получены десятки (а то и сотни!) килограммов никому не нужных и, самое главное, вредных для всего живого веществ — отходов и что эти вещества были просто выброшены за пределы завода, то трудно сказать, что приносит больше пользы, а что вреда. А если вспомнить, что сегодня материальные потоки, вовлеченные в различные технические циклы, стали соизмеримы как с естественными геохимическими процессами глобального масштаба, так и с мировыми запасами полезных ископаемых?..

Как ни странно, но сравнительно просто решить проблему чистого воздуха в больших городах. Для этого необходимо перевести все городские отопительные устройства на природный газ; автомобили снабдить дожигателями вредных веществ или вообще перевести на электрическую тягу; промышленные предприятия вынести далеко за черту города. Ясно, что лесозащитные зоны, грамотное планирование тоже помогут оздоровлению воздуха в городах. Все это вполне возможно.

Конечно, «вполне возможно» — это не значит, что так уж и просто. Но неизмеримо проще, чем решить проблему вредных выбросов гигантских промышленных предприятий. Тут все настолько сложно, что вроде бы и нельзя указать на какие-либо конкретные меры. Здесь важен один принципиальный вопрос.

Главное внимание пока что мы уделяем строительству и правильной эксплуатации очистных сооружений. Но с ростом объема производства растет и объем отходов. Следовательно, если и дальше идти по проторенному пути, то рано или поздно люди будут вынуждены тщательно очищать отходы, чтобы жить, а жить для того, чтобы тщательно очищать отходы.

Но есть другой путь, и нам его подсказывает сама природа. В растительном и животном мире не существует отходов в нашем понимании — продукты жизнедеятельности одного живого существа служат питательной средой для другого и так далее, пока цикл не замыкается. Единственное, что в конце концов потребляется и рассеивается, — это солнечная энергия, которая на стадии фотосинтеза превращается в химическую энергию питательных веществ.

Современный уровень знаний уже позволяет строить производство по такому же принципу: на «входе» — сырье и энергия, а на «выходе» — только полезные продукты. Вот простейший пример: тепловая электростанция. Сегодня она потребляет уголь, а в качестве полезной продукции выпускает только электроэнергию. Но одновременно она «производит» сернистый газ, который уничтожает растительность во всей округе, и золу, которая погребает под собой уцелевшие остатки природы. Теплоэлектроцентральной средней мощности в сутки выпускает через трубы 300 тонн мельчайшей золы и около 100 тонн сернистого газа. Но ведь сернистый газ можно превратить в серную кислоту — «черный хлеб» основной химической промышленности, а золу — в строительные материалы. Следовательно, тепловая электростанция ближайшего будущего должна стать одновременно и химическим заводом и заводом строительных материалов.

Это так называемая беструбная и бессточная технология, то есть технология, не знающая никаких отходов.

К сожалению, требовать немедленной коренной перестройки всей промышленности — пустое прожектерство.

«Только ребенку, дошедшему до того, что он в жизнь свою не видал дерева и колоса ржи, может быть необходимо показывать эти предметы в школе. До тех пор пока ребенок не полегит в поле ржи, бессознательно выдергивая и переламывая колосья, пока не заглядится на взмахи топора мужика, срубающего дерево, не поковыряет ногтем коры этого дерева — до тех пор он не узнает ни ржи, ни дерева, несмотря на наилучшие выставки разрезов деревьев и колосьев», — писал Л. Н. Толстой.

Алешу Пешкова понимать природу учила бабушка.

«Она никогда не плутала в лесу, безошибочно определяя дорогу к дому. По запахам трав она знала, какие грибы должны быть в этом месте, какие — в ином, и часто экзаменовала меня.

— А какое дерево рыжик любит? А как ты отличишь хорошую сыроежку от ядовитой? А какой гриб любит папоротник?

Лес вызывал у меня чувство душевного покоя и уюта; в этом чувстве исчезали все мои огорчения, забывалось неприятное, и в то же время у меня росла особенная настроенность ощущений: слух и зрение становились острее, память — больше чуткой, вместительнее впечатлений — глущее».

Академик А. Е. Ферсман вспоминает:

«Я сделался страстным минералогом, когда мне было только шесть лет. Каждое лето мы проводили в Крыму, и мальчиком я ползал по скалам около Симферопольского шоссе, вблизи того дома, в котором мы жили. Еще сейчас я помню, как мы, дети, осо-

природа

природа

бенно восторгались горным хрусталем в кристаллах, прозрачных, как бы отшлифованных «драгоценных камнях», которые мы тщательно заворачивали в вату и называли «таляничками». Мы сами находили в скале эти отшлифованные природой камешки, и, когда старики сомневались, что мы сами их нашли, и думали, что эти камешки отшлифованы рукой человека, мы с гордостью возражали им.

Так мало-помалу стала у нас собираться коллекция минералов и пород камня. Обзавелись мы скоро и книжками о камнях. Увлечение сбором камней сделалось для нас задачей нашей маленькой жизни; всё свободное время в летние месяцы мы посвящали поискам камней.

Прошло много лет; прошли годы средней школы, университета. Коллекция выросла во много тысяч образцов, из детской забавы она сделалась научным собранием. Интересы мальчика-коллекционера сменились интересами ученой работы...

Замечательный естествоиспытатель академик Владимир Леонтьевич Комаров, будучи гимназистом, увлекся изучением растений. Летом он совершал ботанические экскурсии по Новгородской губернии. За четыре года до поступления в Петербургский университет он уже составил прекрасный гербарий растений Боровичского уезда, обнаружив редкие для этих мест шалфей и коровяк.

Академик Константин Иванович Скрябин вспоминает, как, перейдя в 4-й класс реального училища, он попал летом на Украину.

«Когда я попал летом на Украину, меня поразила при-

Поэтому мы радуемся тому, что Магнитогорский металлургический, Еманжелинский цементный заводы на Урале обзавелись электрофильтрами, что в Подмоскovie за последнее время на предприятиях пущено свыше 450 установок, улавливающих пыль и газ, что уже не увидишь дыма и копоти над Клинским термометровым заводом, Воскресенским химическим комбинатом. Но реально и другое: за счет сравнительно небольших изменений в технологии уже действующих и разумного проектирования новых предприятий резко сократили выбросы. Тогда полезной продукции станет больше, а мощность очистных сооружений можно будет уменьшить.

В истории отечественной химической промышленности есть прекрасные примеры истинно государственного, действительно научного и глубоко гуманного подхода к решению проблемы выбросов.

Например, еще до войны на Горловском азотнотуковом комбинате, как и на всяком химическом предприятии, были так называемые промстоки, которые оказывали далеко не благотворное действие на без того небогатую донбасскую растительность.

На завод начали поступать жалобы. И хотя жалоба — не приказ, а просто тревожная просьба, тогдашние руководители комбината начали бороться за то, чтобы вообще ликвидировать всякие стоки. И в самое короткое время, не только без всякого приказа, но и без всякого специального финансирования, коллектив завода достиг цели. Отбросы исчезли, а полезной продукции стало больше...

Сегодня мы знаем и другие примеры бережного отношения к природе: например, проблема выбросов блестяще решена на Северодонецком химкомбинате, на Сумгаитском заводе каучука тоже сумели избавиться от вредных отходов, и весьма простыми мерами. Но такие примеры пока еще немногочисленны, в то время как немногочисленными должны быть как раз примеры безответственных технологических решений.

Сейчас цивилизация находится в той точке развития, когда она уже

может ощутимо воздействовать на природу, но еще не способна разумно управлять подвластными ей силами. И рождено это противоречие, пожалуй, тем, что человек еще недостаточно ясно осознал свое место в природе, свою слабость и свою силу.

С одной стороны, природа всегда казалась человеку столь незыблемой и столь могущественной, что и в го-лову не приходило, будто ее действительно можно изменить. Даже первые тревожные факты — истребление целых видов животных, уничтожение лесов, эрозия плодородных земель — не насторожили. Отсюда и печально-знаменитое: «На наш век хватит!»

Но с другой стороны, человек всегда старался убедить себя в том, что не так уж он и слаб: ведь по силам же ему строить гигантские плотины, создавать искусственные моря и реки, изменять климат целых районов. Это производит столь внушительное впечатление, что человек уверился в том, что может и должен приводить природу в несравненно более благоприятный вид.

Уравновесить эти процессы, найти решения, позволяющие человеку и дальше развивать цивилизацию, не губя при этом колыбели человечества — Природы, — эта задача стоит перед нынешними и будущими поколениями людей.

природа

природа

мама,

привези

скальпель!

«Самое интересное то, что каждая чечевица имеет свой голос (набор песен). Раньше это было незаметно: все пели одну песню, которую словами можно передать, как «видел не видел, фью». Но вот, наконец, установились точные места обитания. Одна живет в более оживленном месте. Она поет старую, однообразную песню, сокращая ее до «видел».

Вторая поет в менее доступном месте и звучит это так: «Коля Федю ви-дел», «видел не ви-дел», «Федю ви-дел»...» Это из дневника Маши Амиантовой, который она вела в деревне Крюково. В Крюково приехали 20 ребят из кружка биологии при Всесоюзном обществе охраны природы. Такую поездку во время школьных каникул предложил ребятам их руководитель, хранитель Дарвиновского музея, заслуженный деятель культуры РСФСР Петр Петрович Смолин.

В этом году Петру Петровичу Смолину исполнилось 73 года. Более полувека безраздельно отдано биологии. Двадцать последних лет — общению к биологии детей.

Тяга детей к природе, их любознательность, искренняя увлеченность — разве во всем этом не проявилась сама природа, ее устремленность в будущее, в бессмертие, ее непреходящая молодость и вечный порыв?

В течение года в кружке П. П. Смолина занимается около 200 ребят.

За двадцать лет существования кружка «через его руки» прошло около тридцати тысяч ребят! Среди бывших кружковцев есть и кандидаты и доктора биологии. Не пора ли уйти на заслуженный отдых?

Но и сейчас даже единственный в году отпуск Петр Петрович пред-

почитает провести среди своих ребят. Шесть мальчиков и одиннадцать девочек из кружка П. П. Смолина поселились в двух избах деревни Баранцево неподалеку от биостанции Московского областного педагогического института, опекавшей ребят. Каждый кружковец имеет свой объект наблюдений: цветение трав, размножение земноводных и ящериц, жизнь птиц и нравы местных собак.

В течение дня надо успеть провести необходимые наблюдения и подробно записать их в дневник. Время от времени каждый кружковец выносит свои результаты и выводы на суд остальных. Попутно беседы Петра Петровича, помощь друг другу, чтение и обсуждение книг. Приобретая общую эрудицию, каждый кружковец одновременно учится вести наблюдения за конкретным объектом природы, самостоятельно отбирать и обрабатывать факты, делать выводы и снова их проверять. Так на практике осуществляется провозглашенный Тимирязевым принцип ученого-природоведа: обо всем понемногу, а о немногом — все.

Никто из ребят не ропщет, когда Петр Петрович объявляет: «Подъем в 3 часа ночи. Идем слушать пение птиц».

Мы идем по лесной дороге. Рассвет едва брезжит. Начинается птичий концерт.

— Чей голос? — проверяет Петр Петрович.

— Пеночки-веснички!

— Нет, зяблика!

...На рассвете ребята снова уснули, а я вышел встречать восход. Оказывается, и Петр Петрович не спит, сел на бревнышко и изучает небо — определяет погоду, чтобы спланировать предстоящий день.

До этой минуты я видел обычное утреннее летнее небо. А сейчас передо мной раскрывается книга, в которой записано очень много, чего я, к сожалению, не умею читать.

В воскресенье, «родительский день», папы и мамы спрашивали: «Что привезти в следующий раз?» Вместо обычных для таких случаев просьб привезти конфет, здесь то и дело слышится: «Привези скальпель», «Привези бинт и эфир».

рода этого края. Восхищало все: и украинские хаты, утопающие в вишневых садах, и скрипучие колодезные журавли, и гнезда аистов на соломенных крышах. Мне нравились мелодии украинских народных песен, яркие национальные костюмы.

Поздним вечером мы выходили из дому, вооруженные астрономическими картами, и высискивали на небе созвездия, туманности, планеты. Отыскав Полярную звезду, мы следили за переменой положения ковш Большой Медведицы в разные часы ночи, любовались Кассиопеей, вычерчивали хвост созвездия Дракона и бесконечно рассуждали о каналах на Марсе, о спутниках Юпитера и Сатурна, о беженном движении нашей солнечной системы к созвездию Геркула, грандиозности Вселенной и возможности существования жизни вне Земли».

Близость к природе вдохновляла Н. А. Римского-Корсакова:

«Первый раз в жизни мне довелось провести лето в настоящей русской деревне. Здесь все мне нравилось, все восхищало. Красивое местоположение, прелестные рощи («Заказница» и подберезьевская роща), огромный лес «Волчинец», поля ржи, гречихи, овса, льну и даже пшеницы, множество разбросанных деревень, маленькая речка, где мы купались, близость большого озера Брво, бездорожье, запустение, исконные русские названия деревень, как, например, Канезерье, Подберезье, Копытец, Дремля, Тетеревино, Хвошня и т. д., — все приводило меня в восторг. Отличный сад со множеством вишневых деревьев и яблонь, смородиной, земляникой, клубникой, крыжовником, с цветущей сиренью, со множеством полевых цветов и неумолкаемым пением птиц, все как-то

природа

природа

особенно гармонировало с моим тогдашним пантеистическим настроением и с влюбленностью в сюжет «Снегурочки». Какой-нибудь толстый и корявый сук или пенёк, поросший мхом, мне казался лучшим или его жилищем; лес «Волчинец» — заповедным лесом; голая Копытецкая горка — Ярилиной горой; тройное эхо, слышимое с нашего балкона, — как бы головами леших или других чудовищ».

Летняя ночь в деревне. Тишина. Спросите у ребенка, что он слышит? Скорее всего он скажет: ничего!

Вот различные звуки, которые слышал в тишине летней ночи И. С. Тургенев:

«Шум дыхания и крови в ушах.

Шорох, неустанный шопот листьев.

Треск кузнечиков; их было четыре в деревьях на дворе.

Рыбы производили на поверхности воды легкий шум, который походил на звук поцелуя.

Время от времени падала капля с тихим серебристым звуком.

Ломалась какая-то ветка; кто сломал ее?

Вот глухой звук... что это? шаги на дороге? или человеческий голос?

И вдруг тончайшее сопрано комара, которое раздается над вашим ухом...»

«В детстве я часто бывала в деревне. Отец брал меня с собой на озеро — на рыбную ловлю, и в лес — на охоту. Я любила природу. Впоследствии я поняла, какое большое значение это имело для моей творческой жизни.

Все впечатления жизни откладываются в нашей памяти, и самые сильные, самые живые и самые прекрасные незаметно влияют на то, что называется творчеством...» — вспоминает Галина Уланова.

Нина Васильевна, хозяйка дома, жизнь которой посвящена отнюдь не науке, понимает: такой фанатизм следует уважать. И поэтому она терпеливо и безропотно наблюдает за тем, как дружными усилиями новых жильцов ее комнаты превращаются в террариум и в зоопарк.

Местные ребята с любопытством прислушиваются к «ученым» разговорам городских сверстников и с готовностью сопровождают их в хорошо известные им места поселения насекомых, лягушек и птиц.

Сколько нового и интересного увозит из Крюкова каждый из членов кружка! И не только в душе или памяти: готовы большие коллекции, доклады и дневники. Многие материалы пригодятся для отчета членов Крюковской экспедиции на заседаниях биологического кружка.

А маленькой Мариночке Богданкевич было трудно угнаться за старшими по полям и болотам, поэтому Петр Петрович поручил ей вести наблюдения за жизнью собак. В ее дневнике зафиксировано:

«Шарик. Размером с двух кошек. В еде неразборчив, но конфет не берет».

Ну что ж, все нормально: сначала свои наблюдения, потом свои выводы. Разве не с этого начинается научное открытие?

Е. СЕДОВ

В ИЮНЕ

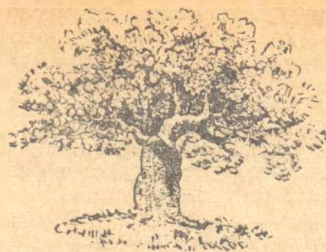
23 июня — день солнечного противостояния, перелом в природе. Нежные листья окрепли, стали «не по зубам» насекомым, и они застывают на время в броне куколок. Птицам корма мало, поэтому никто из них не гнездится в это голодное время. В эту пору птенцы уже вылетают из гнезда, отменяются индивидуальные участки, птицы стайками собираются в безопасных и кормных местах. Еще в начале июня любой уголок заселен птицами, а в конце месяца километры пройдешь — и не услышишь ни одной. Кочуют. А ведь они каждому зеленому уголку нужны, надо бы их придержать возле садов и полей. Надо ставить кормушки и поилки.

Да-да, летняя подкормка и водопой птиц. Не опасайтесь, птицы не «разленятся» от этих обедов, а только будут возле понравившегося места искать живой корм, и вообще голодные, ослабевшие от голода птицы плохо ищут вредителей зелени. Да ведь не сразу и прилетят!

Семиклассница Ирина Курбалова сделала кормушку и поилку, насыпала и пшеницы, и конопля, и проса, и семечек, и крошек разных, а все нет никого. Шесть дней в дневнике запись: «Никто не ел и не пил». Обидно, но и винить-то некого. Наконец прилетела одна малиновка, а уж потом и синица большая, и московка, и пеночки, и дрозды — все прилетели за подкреплением и жажду утолить.

Как сделать кормушку, многие знают, а вот мастерить поилки можно научиться у Наташи Доктор. Она использовала бочку с водой диаметром в один метр. По диаметру бочки протянула толстую проволоку, чтобы птицы пили сидя на ней. (Ведь пить с лету могут только стрижи).

Еще одна любительница птиц врыла в землю сосуды и в этих «озерах» соорудила плотки из деревянных досок размерами 20×10 см с перекладинами с двух концов. На эту кормушку и поилки прилетали поползни, большая синица, зяблики, воробьи полевые, пеночки, песнички,

малиновки, дрозды. Интересно, что поползни после обеда выклеивали из стен кормушки появившихся насекомых. Почти все птицы ели при любой погоде в течение всего дня с 5 до 19 часов. Когда в школе созрела вишня, а в августе семена березы, птицы ели эти корма, но не переставали летать на кормушку.

Значит, нужны такие кормушки птицам, но, думаю, еще больше нужны они ребятам: они знакомят их с осторожными, известными только по книгам птицами, научат заботливости и наблюдательности.

В начале июня начинаются походы. И в лагерях, и в домашнем составе. В связи с этим мне бы хотелось поделиться своими многолетними наблюдениями, используя которые я довольно точно определяю погоду.

Очень внимательно нужно смотреть закат, когда солнце проходит толщу воздуха и в зависимости от его влажности заря кажется нам то желтой, то красной, то малиновой. Если вечерняя заря тускло-желтая, не блестящая — будет хороший день. Розовая — ближайший день неплохой, но дальше погода испортится. Кумачовое, красное солнце — уже завтра неустойчивая погода, а если закат — малиновый — жди дождя. Если солнце садится в тучу и заря довольно блестящая — наступает ненастье. Если блеска зари нет — будет пасмурно, но без дождя.

Ветер к вечеру не стихает, как ему положено, а усиливается — ночью погода испортится. О том же говорит и отсутствие вечерней росы. Ночью можно выйти и взглянуть на небо. Если у луны четкие края — хорошо, если ореол — плохо.

Утром можно проверить вечерние прогнозы. Хороший день начинается очень безнадежно. Роса такая, что проникает через сапоги. Туманно и серо. Только часам к 8 туман поднимается и рассеивается. Показывается солнце, и круглые белые облака не заслоняют его. К 13 часам — больше всего облаков, потом они рассеиваются и только к вечеру появляются вновь, но уже в вечерней форме — слоисто-кучевыми.

Заметьте, что роится мошкара, — будет хороший день. Помогают и

ласточки. Только нужно знать, какие помогают вам: ведь то, что низко для одной, высоко для другой. Городские ласточки — те, что селятся колониями на домах, при хорошей погоде летают высоко в небе. Предчувствуя плохую, спускаются к крышам.

А ласточка-касатка перед ненастьем прижимается к самой земле и даже ниже, иногда залетает в канавы. Но учтите: перед идущим стадом или бегущей лошадей касатки всегда летают низко: ловят вспугнутых насекомых.

Иногда бывает необходимость и в неустойчивую погоду выйти. Тут надо постараться выйти все-таки сухим из воды. У дождя есть свое расписание. Он идет в 7, 9, 11 часов утра, с 12 до 13 — перерыв на обед, даже в дождливый день. Во второй половине дня максимум приходится на 14, 16 и 18 часов. При холодной погоде дождь идет обычно в первой половине дня, при жаркой — во второй. Почему так — пусть скажут ребята. Они ведь физику не только для отметок учат!

Чтобы определить, идет гроза на вас или стороной, нужно исходить из того, что каждая секунда разницы между блеском молнии и началом грома — 3 километра. Досчитали до 5 — гроза в 15 километрах от вас.

Более длительные прогнозы можно делать по звездам. С земли различаются звезды голубые, желтые, белые, оранжевые, красные. Когда много влаги, нам четко видны желтые (Капелла), оранжевые (Арктур) звезды, и через неделю могут пожаловать дожди. Четко видны голубые (Сириус) и зеленоватые звезды — к сухой устойчивой погоде. Мерцание — предвестник неустойчивой погоды: между звездами и зрителем проносятся массы воздуха различной влажности. Если мерцание сопровождается проскакиванием красных огоньков — уже через 2—3 дня ждите дождя.

Буду рад, если мой опыт пригодится вам и ребятам. Хорошо, если бы вы эти «открытия» делали вместе.

П. СМОЛИН

«Вот и лето! Тих и спокоен жаркий воздух. Плавно летит пух с тополей. Светлые облака тают в голубом небе. Ветра нет, а какие-то дымки всплывают над полем. Сухой туман цветопыли дышит медовым запахом. Выколосилась и зацветает высокая матушка-рожь.

В березовых рощах — среди ромашек и лиловых колокольчиков — первые грибы-колоосвики.

Чудесная пора душистой теплыни, горячего солнца, цветов и ягод.

По берегам лесных рек, ручьев и озер, на влажной почве оврагов, опушек, наподобие земляники, только более крупными белыми лепестками, цветет невысокий кустарник — ежевика.

...Свет солнца над зеленым морем ржи. Тихо веет с лазурных высот ветерок. По широкому простору катятся волны зреющей нивы. Звенит полевая симфония жаворонка и перепелов. А из дальнего оврага долетают звучные трели соловья.

Тихо в поле. Облако закрыло солнце. Отдаленные раскаты грома глушат голоса птиц. На горизонте грозоздится темная синева грозовых туч. Ломкий зигзаг белого огня прочертил небо... Ударил гром, и опять тишина... Сладко благоухает медом цветущая рожь. Еще сильнее пахнут цветы, травы и листва.

По пыльной дороге пробежали первые редкие капли, и хлынул дождь...»

Прочитайте детям это описание июня в Подмосковье из книги Дм. Зуева «Времена года». Очерки Зуева учат видеть и слышать природу и записывать свои впечатления.

(Из записей заслуженного учителя школы РСФСР С. А. Гуревича)

Рассказ

Фрэнк БАТЛЕР

В камен ном омуте

Они наклонились, перегнулись через край — ничего не было видно в темноте. Мрак шахты, прерывистое дыхание, потом — они слышали — ноги скользят, срываются с влажной осклизлой стены, вдох... выдох... хриплый стон... мгновенная тишина — и далекие, все глуше и глуше, удары... вскрик — и тяжелый в темной глубине гул, прокатившийся победным эхом по пещере. Стук сорвавшегося за Стивом камня, вспышка разбитого карбидного фонаря, и — черное молчание, оборвавшее эхо.

— Господи боже, — прошептал Арч Гудинг. — Стив! — растерянно крикнул он. — Эй, Стив! — и подождал. Молчание.

— Ох, ребята, это же пропасть, футов пятьдесят, не меньше, ребята... — Пит приложил ладони ко рту: — Стив, ты не разбился? Стив! — Эхо заворчалось, забубнило в шахте, докатилось до дна и выплеснулось в пещеру. Пит судорожно затянулся сигаретой.

— Столько лететь, — пробормотал Арч. — Не долез, выдохся. Чертова яма!

Пит Фостер, высокий белобрысый мямля, боязливо старался не подумать о плохом:

— А может, не так уж высоко, а, ребята? Там ведь, наверно, грязь, мягко...

— Смотри — глыба, дна не видеть, — Арч, небольшого роста крепыш, соображал туго: — Что будем делать?

Бинкли зло прищурился:

— Что? Вытаскивать, вот что!

Пит успокоенно улыбнулся:

— Конечно. Надо его вытащить. Вытащим, ясно!

Гудинг покачал рыжей головой:

— Глупости, Фостер. Да он тяжелее любого из нас. А спустишься как? Веревка-то короткая. — Он подумал. — А как вылезать? Бог, что ли, поможет?

Лицо Бинкли, с резкими чертами, напряглось, искривилось в ехидной усмешке, блеснули зубы:

— Может, помолишься? Боженьке, а? Ладно, небось, не разобьем задницы, надо спускаться — может, он разбился — помочь там или что.

Бинкли было тринадцать лет. Маленький, но сильный, с широкой грудью и мощными плечами — куда крепче своих городских товарищей, — он ничего не боялся в жизни... и ничему не верил; кроме, разве, одного: скоро — даже раньше, чем у него вырастет борода, — он делается настоящим сильным мужчиной.

Пит перегнулся через край шахты, пытаясь осветить ее карбидной лампой:

— Брось, Бинкли, какой там боженька, а вот попробуй спустись, я поддержу.

Бинкли молчал, все еще усмехаясь. «Куда им: слабаки; Питу вон семнадцать, дылда, а слабак; все они — Арч, Пит... да и Стив».

Арч посмотрел на свои часы. Шесть двадцать? Только? Прошла минута. Арч думал, минут пятнадцать.

— Попробуем с фонарем, — пробормотал он.

У Стива в рюкзаке был электрический фонарик. Арч достал его, подошел к пропасти — яркий луч заметался по шахте.

— Вон он! — крепко держась за веревку, Арч перевесился через каменный карниз, пытаясь получше высветить шахту. Пит тоже перегнулся через край — худой, костлявый, испуганный щенок: рот полуоткрыт, глаза диковатые, спутанные волосы мешают смотреть. Бинкли шагнул, увидел дно — у него сразу пересохло горло.

Стива было очень трудно разглядеть в мечущихся тенях и слякотной тьме. Только лицо белело во мраке да посвечивала металлическая пряжка ремня. Казалось, что Стив просто уснул: руки свободно раскинуты в стороны, глаза закрыты — ничего страшного. Но на лбу расползся темный кровоподтек, и нога страшно и неестественно вывернулась. Стив шевельнулся, и в мрачной тишине раздался слабый болезненный стон.

— Живой, — облегченно вздохнул Арч, — слава те, господи, не убится, жив.

— Слава? — протянул Бинкли. — Да он может умереть там каждую минуту!

— Ну тебя к черту, Бинкли, не каркай, — огрызнулся Арч, — веревка-то короткая. Стив вон и то не достал дна, полез наверх — а какой длинный.

— Да нет же, Арч, — вмешался Пит, — там можно прыгнуть. Ведь десять футов всего, не больше.

— А обратно как? — ответил Арч. — И может, там двадцать, откуда ты знаешь? А сломаешь ногу, тогда что? Не выйдет, Пит. Не сможем, и все.

— Плохо дело, — согласился Пит.

— Говорил я ему, — пробормотал Бинкли тусклым, каким-то мертвым голосом. — Полез дурак. — Он шагнул к веревке. — Ломай вот теперь голову. Ладно, попытаюсь.

— Ты что придумал?.. — начал Арч.

Пит молча уставился на Бинкли.

— Сопляки вы, вот что, — сплюнул тот, — старшие, тоже... А вот спуститесь, посмотрите, что с ним... да куда вам! Я уж сам...

Коротышка Арч вскочил на ноги — злое, напряженное мальчишеское лицо и трясущиеся коленки:

— Что ты сказал? Кто я? Знаешь чего, парень...

— Да брось, ладно, — Бинкли обернулся. — Слушай, Пит, ты держи веревку, ну, чтоб не дрыгалась, чтоб легче слезать.

Веревка, тонкий нейлоновый шнур, натянулась как струна: Бинкли спускался.

— Может, я соображу, как его вытащить, — сказал он примирительно. Он вцепился в веревку, подтормаживая спуск.

Бинкли спускался играючи — легко и умело. Мускулы, казалось, радовались работе.

Пит присвистнул:

— А он молодчина. Настоящий парень, а? Арч?

Арч молчал, вглядываясь в темноту. Потом сказал:

— Да, черт, ничего не скажешь. Я бы не смог. Он это... молодец, точно.

Бинкли с трудом переводил дыхание. Время остановилось в этой смрадной яме, спрессовалось и тяжко давило на плечи. Веревка кончилась, он висел над пропастью — с замершим сердцем, не дыша, не двигаясь. Как ангел смерти над распростертым Стивом, черный, почти неразличимый в темноте, руки как крылья — в одной огонь, мертвенным светом освещающий шахту, другая ухватила за невидимую веревку.

Пит и Арч испуганно переглянулись.

— Эй, Бинкли, как дела? — прокричал Арч в таинственную темень, стараясь криком спугнуть страх.

Молчание. Мертвый луч пополз по полу, потом по стене, метнулся вниз. Слышалось хриплое прерывистое дыхание. Через минуту из шахты загремел голос — неузнаваемый, перепугавшийся с гулким эхом: «...вылезаю... не спустился... Стивом плохо...»

— Спокойней, Бинкли, — громко пачал Арч, поперхнулся и закончил хриплым шепотом: — Отдохнешь — и все. Вылезешь, Бинкли.

Бинкли болтался на дергающейся веревке, как черный язык бесовского колокола, и голос его хрипел и срывался, будто действительно заговорил надтреснутый колокол.

— Не торопись, Бинкли, — уговаривал Пит, — не рвись... — но Бинкли его не слушал. Смертельно усталый, он полз и полз туда, к ребятам и спасительному карнизу. Бинкли знал: нельзя отдыхать. Не давать мускулам застыть, замереть. Он карабкался вверх — дюйм, еще, подтянуться, перехватить тонкую веревку: правая рука, рывок, левая, опять правая, еще дюйм, — толстые рукавицы мешали ухватиться, соскальзывали, волосы взмокли и слиплись, холодный пот стекал под свитер, и все тело рвалось туда, вниз,

к твердой опоре — страшному удару, боли и забвению.

Бинкли не думал, не мог понять, как он доберется до спасительного карниза. Просто — будут лежать двое. Нет, никогда — никогда они не выберутся. А умрут... умрут, пожалуй, не скоро. Он вспомнил, как этот несчастный дурак выглядел вблизи — и совсем обессилел. Черт, хотя бы не очень разбится. Свитер у него толстый — толще, чем у Стива. Сознание мутилось, думать было трудно: смерть там, жизнь... наплевать, все равно, напле...

Бинкли дернулся, как от электрического удара: спуститься! — и тут же безвольно сник: если бы он мог сползти эти проклятые тридцать футов, а потом прыгнуть и не разбиться — он смог бы и забраться вверх на десять. Нет, не выйдет. А Стив? — Стив вот так же болтался и слабел. Выходит, Бинкли так и не сыграет — ну, там за «Янки» или за Нэшвилский клуб, не полетает на самолете... Он-то никогда ведь не был счастливым. Как другие. Как эти, там, наверху...

Бинкли соскальзывал в сон, как в смерть. Незаметно — все быстрее — он поехал вниз, веревка обожгла обожженные ладони, он вскинулся, услышал испуганный крик, окончательно ожил — сердце ровно и сильно билось, прогоняя мутное и опасное забвение. Ноги сжали убегающую веревку, кровоточащие ладони налились силой... Так вот как Стив сорвался? Ну нет! Бинкли вылезет, не на того напала.

— Под карнизом... поможете...

— А то! Да вот, — Пит заикался, — подожди. — Они стали подтягивать веревку.

— Нет, — Бинкли с трудом передохнул, — сам... под карнизом...

Мучительно медленно он карабкался вверх. Трудно... еще... еще дюйм, но он уже знал: выберется, сможет.

Под карнизом Бинкли совсем ослаб, обвис, но Арч с Питом — «хорошие, черт, ребята» — схватили его под мышки, поволокли через карниз — у Бинкли затрещали ребра — ух! — перетащили, подхватили за пояс — все! Шатаясь, он поплелся подальше от края, присел — почти упал — и растянулся у стены. Горло раздирали душный кашель, сердце колотилось — выламывало ребра, руки одеревенели, кровоточили и ныли. Но он вылез — он был прав!

— Ух! Ну, вот это подъемник! — хихикал Пит, перепуганный насмерть.

Бинкли одышливо, хрипло кашлял. Пещера окружала их насмешливым безмолвием. Человеческие чувства — сила, храбрость казались ничтожными и невозможными здесь,

задавленные тысячетней тяжелой тишиной. Да никаких людей здесь не могло и быть — ни на этой девственной скалистой террасе, ни там, внизу, в душной глубине, где лежал Стив, неподвижно и мертво. Путь назад преграждал каменный лес сталактитовых колонн, столетиями росший — капля за каплей — во влажном, вековечном, неподвижном мраке. Пробраться назад, проломиться сквозь лес, каждым ударом сокрушая столетия, — вот что они должны были сделать. Казалось бы, сейчас уже все в порядке: Стив жив, Бинкли рядом, ребята понемногу начали успокаиваться... и почувствовали этот вечный мертвящий холод, ужас и неколебимость каменной ловушки. Не было мира, не было людей — никогда, нигде; их живая плоть превращалась в прах, теплая кровь остывала, бледнела, выступала мертвой испариной на стенах, их жаркий ребячий страх перерогал, ложился холодным пелом на камни — и легким, серым, безжизненным пелом.

— Ну, как? — Арч продрался сквозь гнетущую тишь. — Отошел, Бинкли?

— А я знал, что ты вылезешь, — вступил Пит... — Да и Стив бы тоже...

— Тоже, да упал. — Бинкли сел, обхватил руками колени. — Говорил, смогу...

— Съешь шоколадку, — Арч вынул коробку.

Бинкли нахмурился. Он старался показаться совершенно взрослым. Ловко поймал шоколадку, съел.

— Я в норме. Все в порядке.

— Еще?

— Спасибо, ничего не надо.

— Может, апельсин?

— Говорят, не надо! — Из взростлого, смертельно усталого человека вдруг глянул обиженный тринадцатилетний мальчишка. Пит засмеялся.

— Заткнись там, ты! — Бинкли чувствовал своим деревенским сердцем — не умом, не сознанием, а именно сердцем — смутную ненависть к этим городским парням, и злость на миг смысла преграду, которую он сам воздвиг между ними — преграду его отчужденной гордости.

— Будете слушать про Стива или нет? — В глазах Бинкли вспыхнуло воспоминание, страшное и резкое, как молния перед бурей: он снова глянул в лицо смерти, тащившей его вниз, в пропасть, к Стиву.

— Похоже, что он не очень разбился. Только все равно нам его не вытащить: понадобится вся эта наша муть, ну, снаряжение, которое мы бросили у входа. Яма глубокая и расширяется книзу вроде колокола, что ли.

Бинкли помолчал. Притихли и ре-

бят, заражаясь его недавним безнадёжным ужасом.

— Нужна веревочная лестница, носилки: Стив-то без сознания. — Бинкли вздрогнул. — Говорил я вам всем, — он явно «заводил» себя: лучше уж злиться, чем вспоминать эту пропасть.

— Ой, да заткнись ты! Вечно ты прав. Ну и радуйся теперь, герой. Говорил...

Бинкли усмехнулся, пожал плечами:

— Дальше-то что? — сказал он примирительно.

— Ну, пойдём за вещами и вернёмся, — ответил Пит. — Что же ещё?

— А зачем? — отрывисто спросил Бинкли. Он все ещё задышался, но старался говорить ровно. — Может, он уже того... — Бинкли поднял глаза вверх. Помолчал, и со злобой: — Черт, да не вытащить его, я же говорил!

— А с лестницей, с нашим снаряжением? Спустимся? — Арч озирался, будто искал совета на стенах. — Спустимся и на...

— Спустимся, спустимся... Ну и что? Сопляки проклятые! Не вытащить его нам, черт бы вас всех побрал и со Стивом! Ничего мы не можем! — орал он. — Идите в город за помощью! Вот. Снаряжение... Помощь нужна! Понятно?

Отчаяние и гордость переполняли Бинкли.

— Я тут подожду, — процедил он. — А вы идите. Щенки сопливые.

Ужас и одиночество, детское отчаяние, горькая обида вдруг зазвенели в его голосе, заставили примолкнуть Арча и Пита. Он снова заговорил виновато и горько, как будто мир неузнаваемо изменился и теперь не придется драться за жизнь с кем попало, со всеми:

— Вы знаете пещеру не хуже меня. Посижу в темноте, ничего со мной не сделается. — Он искривился, пытаясь улыбнуться.

— Ты правильный парень, — Арч задышался, — настоящий! Только слушай, Бинкли: нельзя. Мы проходим часа четыре, не меньше. А то и пять. Нельзя, Бинкли, никто бы не выдержал. Я бы и сам остался, если со светом.

— То-то разница, — пробормотал Бинкли.

— Стив без сознания, полежит, пока мы сходим, — что без тебя, что с тобой.

— Нельзя его оставлять, бросьте, ребята. Говори не говори, а нельзя, неправильно. Мне, что ли, думаете, тут хочется сидеть? — Бинкли поднялся. — Давайте, идите. А я уж здесь — помочь там, мало ли...

— Ладно. Только не лезь на карниз.

Ребята подчинились, приняли его план.

— Всего, Бинкли! Мы пойдём в Орнелли, там телефон. Ну, а вернёмся не раньше одиннадцати, да и то, если ничего не стряется по дороге.

Арч помолчал. Лицо напряжённое, почти несчастное. Потом сказал:

— Слушай, Ральф, Ты это... вообще, ты настоящий товарищ.

Бинкли отвернулся. «Муть это все. Нечего тут трепаться, время терять. Тоже мне друг — Стив Вейтинг... Щенок».

Арч пожал плечами и пошел. За ним Пит. Они нырнули в низкий туннель и тут же исчезли, слились с темнотой.

Бинкли остался совсем один — один на один со страхом и тьмой, только фонарик, как маленькая звездочка, вспыхивал и гас во мраке туннеля.

— Пока, ребята! — крикнул Бинкли. — Не заблудитесь, осторожней, — и сел на камень, отчаянно дрожа с головы до ног.

Черт, темень. Но он выдержит. Тогда посмотрим, кто друг, кто нет.

Ральф Бинкли сидел на камне. Четыре часа страха и тьмы навалились на него, но он выдержит. Выдержит.

Ральф Бинкли, тринадцатилетний мужчина.

*Перевел с английского
А. КИСТЯКОВСКИЙ*

памяти товарища

После длительной болезни скончался Борис Васильевич Игрицкий — член редакционной коллегии журнала «Семья и школа», член КПСС с 1918 года.

Борис Васильевич работал в журнале с первого дня его основания. Сначала как литературный редактор, затем в качестве заместителя главного редактора, он много сделал для роста журнала «Семья и школа», для совершенствования его содержания и формы, для его популяризации среди родителей и педагогов. Человек исключительного трудолюбия и большого личного обаяния, он был душой редакционного коллектива.

В последние годы, перейдя на пенсию, Борис Васильевич продолжал активно работать в журнале — в роли члена редакционной коллегии. Несмотря на болезнь, недомогания, он по-прежнему отдавал все свои силы любимому делу. Его выступления на редакционных заседаниях были остры, интересны и темпераментны. Таким он был и на последней редколлегии, за несколько дней до смерти...

Для нас, его друзей и товарищей по работе, Борис Васильевич всегда останется примером коммуниста, человека высокой идейности, принципиальности и, в то же время, удивительной душевности и чуткости.

Сотрудники журнала
«Семья и школа»

ШКОЛА ДОШКОЛЬНИКА

Н. Гернет, В. Конашевич. ДЕТИ, В ШКОЛУ СОБИРАЙТЕСЬ! Л., «Детская литература», 1970.

Это не книжка про школу. Эта книжка сама — школа. В самом прямом смысле. На обложке видна приоткрытая дверь. Сначала никого нет. Надо найти полоску, где нарисованы дети, вырезать и вставить ее в дверь. И тогда ребята войдут в школу, а вместе с ними и тот, кому купили эту книжку.

Конечно, можно было бы просто нарисовать ребят, шагающих в школу. Но в данном случае очень важно, что они появляются при участии самого читателя. Таким образом он сразу попадает в привычный для него мир игры, которая дает возможность чувствовать себя умелым, догадливым.

Здесь есть все, чему полагается быть в настоящей школе: детей встречает звонок, на видном месте вывешено расписание, ведется дневник (листочки надо сшить самому), чередуются уроки и перемены. Но так как книжка-школа рассчитана на маленьких, то уроки и перемены одинаково веселы.

Это книжка-картинка. А картинки нарисовал Владимир Михайлович Конашевич. К этому имени не хочется прибавлять оценки, потому что все мы знаем, как любовно и верно иллюстрировал он книги для детей.

Взрослые, которые будут перелистывать «школу» вместе с малышом, несомненно оценят и очень продуманный характер заданий, которые помогают дошколятам приобрести знания и умения, необходимые к началу школьного учения. Тут и ножницы потребуются, и клей, и карандаш.

Книжка-школа существует не первый год. Вышло уже третье издание. Хотелось, чтобы рядом с этой «старой» школой появлялись бы школы-новостройки, учитывающие особенности новых программ начального обучения, — книжки с таким же целевым

назначением. И, конечно, такого же высокого художественного и педагогического качества. Им обрадуются и дети, и родители, и, наверное, даже учителя.

С. КАНЕВСКАЯ

Л. А. Левинова. А ВАШ РЕБЕНОК ГОТОВ К ШКОЛЕ? М., «Просвещение», 1969.

Н. Завьялова. ГОТОВИМСЯ К ШКОЛЕ. М., «Знание», 1969.

Сейчас вопросы физической, нравственной и психологической подготовки ребенка к школе приобретают особенное значение. На это и обращают внимание родителей две рекомендуемые нами книжечки. У их авторов одна большая забота — они хотят, чтобы всегда горел в глазах ребенка огонек любознательности, чтобы желание узнавать стало чертой характера формирующегося человека. В таком случае от качества подготовки ребенка к школе, то есть от успеха педагогической работы родителей, зависит его будущее.

Обе книжки подробно рассказывают о приемах воспитания эмоционально-волевой и умственной готовности ребенка к обучению в школе, но авторы подчеркивают, что подготовить ребенка к школе — вовсе не значит пройти с ним программу первого класса, научить считать и писать. Родительская задача сложнее, предупреждают они. Надо привести в «школьную готовность» характер малыша, как бы еще раз пройти с ним по всем линиям его воспитания.

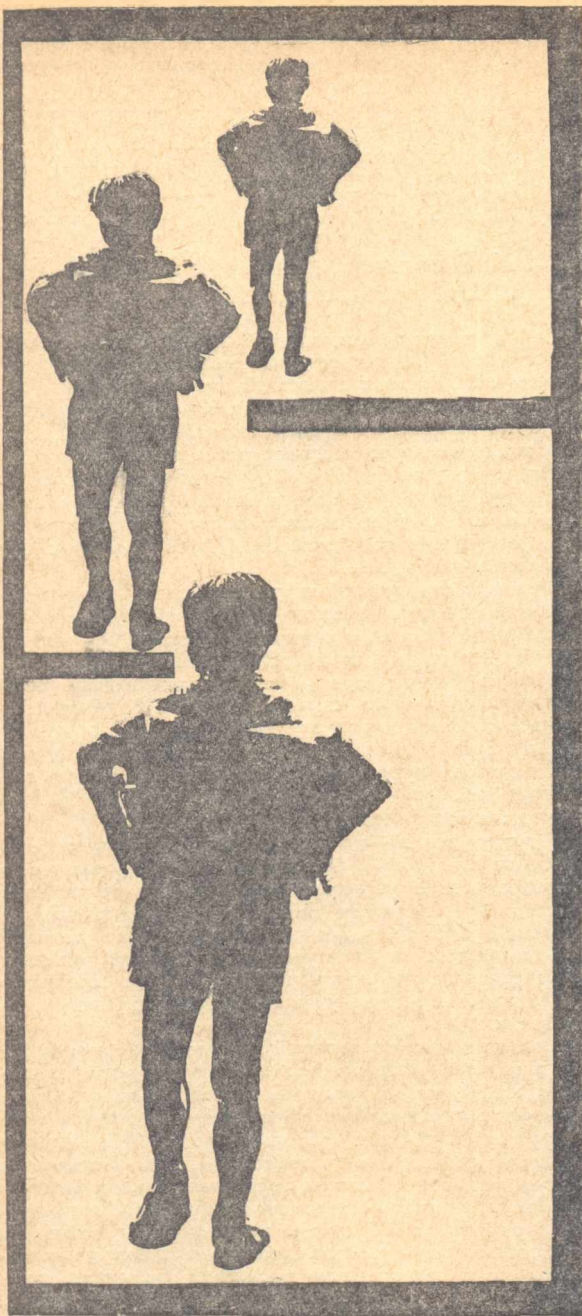
Что же это за линии?

Прежде всего — зажечь и поддерживать любовь ребенка к занятиям. Оба автора рассматривают ряд случаев, когда родители неосторожно гасят едва успевший затеплиться огонек любознательности, и если даже в описываемых эпизодах нет точного совпадения с той ситуацией, в которой оказался ваш ребенок, вы легче найдете причину потери у ребенка интереса к учению и сумеете быстро ее устранить.

Вторая линия, по которой рекомендуют нам пройти авторы, — это воспитание длительности волевого усилия, умения доводить начатое дело до конца, то есть воспитание способности сосредоточить свое внимание в течение довольно долгого времени и быстро усваивать то, что без привычки усваивается очень медленно. Авторы предлагают много игровых приемов, являющихся по сути дела методикой первых занятий с малышом, подчеркивают моменты, способствующие воспитанию у старшего дошкольника самостоятельности, усидчивости, настойчивости, умения преодолевать трудности, показывают, как трудно приходится в школе малышу, привыкшему во всем, в каждой мелочи, опираться на помощь взрослых.

И, пожалуй, только в-третьих идет линия обучения, в чем многие родители и видят в основном подготовку ребенка к школе. М. Горький говорил, что и мешок вправе гордиться количеством зерна, которое в него насыпано. Но ребенок не мешок, и его не следует «напихивать» знаниями. Мы должны возделывать его ум, упражнять мысль, развивать воображение. И все это не через уроки и наизаидания, а через игру, через умение создавать и использовать различные жизненные ситуации.

Весь процесс домашнего обучения раскрывается авторами так, чтобы родители поняли, что им не

следует, например, учить ребенка письму, надо лишь подготовить к этому виду работы его руку, использовать рано пробуждающееся у каждого малыша желание рисовать, сделав это умение «культурным»: научить обводить картонные фигурки, штриховать их; раскрашивать готовые рисунки, следить за тем, чтобы ребенок выполнял свою работу аккуратно, не выходя за границы линеек, — это и поможет ему в дальнейшем легко овладеть навыками каллиграфии.

Знакомя ребенка с числом, следует особое внимание уделить сознательному усвоению счета. Как часто дети, бойко считающие до 100, не умеют ори-

ентироваться в числах, ничего не знают о составе числа. А ведь ребенку, знающему, допустим, что 5 — это 2 и 3, или 3 и 2, или 4 и 1, будет проще понять задачу, решать примеры, чем тем детям, которые не умеют оперировать понятиями «больше — меньше», не знакомы с составом числа и с другими простейшими арифметическими знаниями.

Оба автора показывают нам, какими качествами характера должен обладать ребенок, впервые попадающий в детский коллектив, как следует подходить к формированию личности ребенка, учитывая особенности его темперамента и типа высшей нервной деятельности, перечисляют приемы воспитания чувства коллективизма у ребенка в последний перед школой год. И хотя они делают это по-разному (Н. Завьялова подробно описывает занятия мамы с сыном, как бы раздробив их поурочно, а Л. Левинова, наоборот, подает материал обобщенно, рассчитывая на то, что «поурочное» дробление взрослые сделают сами; ее книжечка снабжена примерной раскладкой занятий с ребенком по неделям, описаниями игр, способствующих приобретению детьми тех или иных знаний, перечнем книг для детей и для родителей), — результат один: родители, прочитавшие эти книжечки, несомненно, почувствуют себя богаче как педагоги и ответственнее как взрослые, которым скоро предстоит привести ребенка к порогу новой жизни.

Н. АМИРДЖАНОВА

образ поэта

С. Алянский. ВСТРЕЧИ С АЛЕКСАНДРОМ БЛОКОМ. М., «Детская литература», 1969.

У Блока не было много друзей. Мы знаем о сложных и нелегких отношениях между ним и Андреем Белым. Знаем, что Блок нежно и до конца любил тишайшего и добрейшего Евгения Павловича Иванова. В послереволюционные годы к Блоку был близок молодой книгоиздательский работник, основатель и руководитель издательства «Алконост» С. М. Алянский.

Недавно Алянский выпустил небольшую книгу воспоминаний «Встречи с Александром Блоком». Эта книга написана, что называется, бесхитростно, в ней мы не найдем большой литературной опытности, мастерства, а между тем Алянскому удалось написать живой и полнокровный образ поэта. Думаю, что помогла ему здесь добрая память и сыновняя любовь к своему старшему другу.

Книга вводит читателя в общественную и бытовую, домашнюю жизнь Блока последних его лет.

Вот Блок у себя в кабинете — в той самой квартире того самого дома «у морских ворот Невы» — разбирает книги, оставшиеся после продажи библиотеки.

Вот вместе с Алянским мы идем летним вечером на Офицерскую и в подворотне сталкиваемся с разгневанным поэтом. Оказывается, домовый комитет бедноты назначил Блока дежурить, «охранять и беречь покой буржуев».

А вот в тесной комнате Алянского празднуют девятимесячный юбилей издательства «Алконост». Среди гостей Вс. Мейерхольд, А. Белый, А. Блок. В городе неспокойно. Питер на осадном положении.

Ночью, когда половина гостей уже разошлась, раздается стук в дверь. Облава. Морской патруль, во главе которого сам комендант Петрограда...

Что за сборище? Кто такие?! Но узнав, что в кресле у стола дремлет поэт Блок, автор «Двенадцати», комендант выходит на цыпочках в коридор и, прикрыв за собой дверь, с укоризной говорит хозяину:

— А Александра Блока неужели вы не смогли уложить куда-нибудь?!

Поездки Блока в Москву. Выступление его в Политехническом музее. Вместе с автором воспоминаний мы волнуемся за Блока и вместе с ним же радостно переживаем триумф поэта.

Блок на заседании коллегии Театрального отдела Наркомпроса. Блок в Тенишевском училище. Блок в «Привале комендантов»... И наконец, Блок, прикованный болезнью к постели. И — «длинная цепь прощальных актов»... Поэт понимает, что уход его близок. Он приводит в порядок архив, прощается с книгами, просматривает дневники и записные книжки.

За три дня до конца из комнаты больного выходит врач Пекелис. В руке у него рецепт с таким необычным назначением: сахар, белая мука, рис, лимоны.

Трогательн рассказ Алянского о том, как накануне смерти Блока он бежал по разным учреждениям, пытаясь раздобыть эти редкостные в то время продукты и как, ничего не достав, покупал муку и сахар на рынке.

А четыре дня спустя — похороны. Блок умер в воскресенье, газеты не успели поместить траурного объявления. «Алконост» и некоторые другие издательства срочно печатают афишу, ее расклеивают студенты университета.

Тысячи людей идут по осеннему Петрограду 1921 года, несут открытый гроб.

В книге Алянского не только Блок, там и мать, и жена его, и Сергей Есенин, и Корней Чуковский, и Владимир Пяст, и Константин Эрберг, и московские символисты...

Книга артистически сделана, оформлена. В ней много редких фотографий, факсимиле, репродукций афиш, объявлений и т. п. Видны глаз и рука первоиздателя «Двенадцати».

Как хорошо, что книгу эту выпустило детское издательство. А еще лучше, что она не одна, а в ряду многих других отличных книг (вроде «Прочитаем «Онегина» вместе» Н. Долининой или «...Москва, я думал о тебе!» А. Гессена) — книг, помогающих нашим детям открыть и полюбить поэзию.

Л. ПАНТЕЛЕЕВ

МИССИОНЕРЫ или организаторы?

...И НИЧЕМ ТЫ ИХ БОЛЬШЕ НЕ ПРИМАНИШЬ. Раздумья о воспитании. Составитель В. Крамов. М., «Молодая гвардия», 1969.

Недоброе слово особенно ранит, если услышишь его не в автобусной толчее, а где-нибудь в тиши, на лоне природы.

Мне запомнилось одно безоблачное утро в начале лета. Карельский перешеек, под Ленинградом. Около восьми. Поют птицы. Цветет сирень, не очень пышная, северная, зато молодая, располагающая скромная. В воздухе разлит спокойное счастье бытия.

И вдруг из-за забора — там пионерский лагерь — раздается голос, полный металла. Металла, дробящего стекло.

— Иванову Владимиру... Перлину Евгению... Тихомирову Виктору...

Что это раздают? Оказывается, взыскания! Это вот жата читает вслух приказ о взысканиях, наложенных на мальчишек за нарушение чего-то... Читает и ворчливо комментирует:

— Наверно, тебе, Дмитриев Иван, очень стыдно сейчас... Очень тебе позорно стоять перед строем...

Из-за забора не видно, как он там стоит, этот Иван. И что ему служит позорным столбом... Неужели вот такой же куст цветущей сирени?

А режущий голос все звучит и звучит, и между угрозами можно наконец уловить суть дела: кто-то после отбоя швырялся подушками и кукарекал около девчоночьих палаток.

Это воспоминание оживает во мне, когда я читаю статьи, помещенные в сборнике педагогических раздумий под неясным, правда, заглавием «...И ничем ты их больше не приманишь». (Пока не узнаешь из статьи Л. Матвеевой, что речь идет о любви к детям, что именно без любви «ничем ты их больше не приманишь»). Но речь не о заглавии. Речь о том взволнованном рассказе на тему «Взрослые и дети», какой ведут авторы сборника.

Это довольно пестрая книга. Свыше двадцати статей — очерки, фельетоны, нравоучительные сказки, дневник классного руководителя, запись детских разговоров — включены в состав сборника. Но несмотря на такую мозаичность — а может быть, даже благодаря ей, — книга вызывает живой интерес, делает читателя соучастником разговора о том сокровенном, чего мы еще не знаем в детских душах. О тех синяках, которые получают молодые, а иногда и старые педагоги при своих усилиях наставить детей на путь истинный.

Встречаются в сборнике и двойники той пионервожатой, которая металлическим голосом вещала перед строем пионеров. Безусловно, это ее родная сестра расставила в дверях школы суровых и непреклонных дежурных санитаров, перед которыми каждый проходящий должен был покорно сгибать шею, демонстрируя ее чистоту. Ей же, конечно, принадлежит и бесмертный афоризм: «Ремарк — вредный писатель». И Кальвадос — тоже вредный писатель».

Из очерка Валерия Гринберга мы узнаем, что эта собирательная миловидная девушка, сидя за столом в пионерской комнате, складно и бойко рассказывает посетителям (взрослым, разумеется) о сборе металлолома, о шефстве над детскими яслями и о переписке со школами братских стран. Но ее мелодичный голосок сразу же наполняется металлом, как только в дверь просовывается веснушчатая рожица некоего выгнанного с урока Васьки. Ему с теми, памятливыми интонациями говорят о позоре и обещают применить по отношению к нему то же испытанное универсальное средство: обсудить его на совете.

В главе из повести В. Бахревского, включенной в сборник, отношение ребят к той же многоликой вожатой выражено в форме дневника «трудного мальчика из трудного класса». На сей раз у нее есть имя — Алина, или «наша несчастная Алина», как, вздыхая, именует ее «трудный мальчик».

«Завтра пионерский сбор в честь Октября. Алина сунула нам с Дашевским стихи. Хорошенько выучить не успеем...»

«В общем, Алина молодец. Она старается... Была устроена пресс-конференция. Оказывается, Алина дала нашим девчонкам вопросы, они их задавали, а ответы записывали...»

«Мы с Дашевским прочитали стихи. Дашевский наизусть, я по бумажке. Алина рассердилась, выхватила у меня бумажку...»

«Зашел в пионерскую комнату. Алина была одна. Смотрю, на красном столе бумаги разбросаны... Алина мне говорит: «Может, вам шахматный турнир устроить?»

«Алина задумала рейды к отстающим. И опять у нее ничего не получилось. В рейды пошли девчонки, ребята подкараулили их и атаковали. Про это узнал

директор. Шум, наказания. Алина совсем не выходит из пионерской комнаты....»

Не нужно, однако, думать, что никто из авторов сборника не увидел ничего доброго в работе пионервожатых. В очерках Э. Даниловой, О. Газмана, В. Крамова мы встречаемся с вожатыми, которые ищут и находят тропинки к сердцам детей.

Но ведь дело не в количестве «положительных» и «отрицательных» персонажей, а в том, что книга поднимает острый и нелюбимый разговор о старшем пионервожатом, то есть о том взрослом, который по возрасту ближе всего к детям, который должен бы активно, чувствами помнить свое детство и быть душой детской самостоятельной организации, а не человеком, который озабочен лишь «охватом мероприятий» и бесконечными «проработками» неуспевающих и недисциплинированных.

А вот о том педагоге, который всей душой ощущает школу и детей как свой дом родной. Легко ли ему?

Легко ли ему, если даже он отлично образован, терпелив, имеет редкий дар — неотразимо привлекать сердца подростков?

Увы, даже для такого воспитателя наступают минуты, когда ему вдруг покажется, будто «он только то и делает, что бросает камешки в глубокую пропасть — в напрасной надежде когда-нибудь сравнять ее с краями». Об этом рассказывает Любовь Кабо в своих «Записках классного руководителя».

Один за другим проходят перед читателями сборника и «трудные» и «благополучные» дети. Но вот «благополучный» Витя из очерка Ларисы Захаровой оказывается зверем по отношению к собственной матери, а «нормальный» Володя из очерка В. Амлинского, попав под влияние уличной «Полуподвалии», становится убийцей.

И оказывается, что ни одна пропись, ни один учебник не исчерпывает всей сложности жизни, всего великого воспитательного подвига.

Множество вопросов — научных, социальных, психологических — вырастают из собранных в книжке педагогических раздумий. Кем же надо быть, чтобы справиться со всем этим?

Миссионером или организатором? — так формулирует вопрос Владимир Крамов в своем очерке «Школа мужания».

В книге ответ на этот вопрос категоричен: не нужны миссионеры-проповедники, нужны организаторы. По существу, эту точку зрения высказывают почти все остальные авторы сборника. Во всех рассказанных случаях победу одерживают именно те воспитатели, которые сумели сплотить детей вокруг какого-нибудь увлекательного дела, будь то классическая музыка, историческое исследование, дальний поход.

Неоспорима роль педагога-организатора. Но надо ли с таким презрением говорить о «душеспасительных беседах», об увещании, с каким учитель может обратиться к ученику?

Думается, что такое отношение к воспитывающей силе слова является естественной реакцией на «проработочную» педагогику, на метод нравоучительных публичных нотаций. Эта педагогика вконец скомпрометирована в глазах тех, кто хочет не казаться, а быть настоящим воспитателем. Долгое злоупотребление равнодушными, механическими, выхолощенными словами породило у многих недоверие к слову вообще.

Но если педагог владеет живым словом, можно ли отказаться от него только потому, что кто-то настойчиво пытается заменить его суррогатом напыщенных неискренних словес! Настоящее слово, идущее из души учителя, озаренное его болью за ребенка, любовью к нему, всегда дойдет до адресата.

А понятие «миссионер»? Если очистить его от всех напастов, вспомнить его первоначальный смысл, то в нем нет ничего плохого. Если взрослые понимают воспитание как свою высокую миссию, если умеют соединять в своем обращении к детям ум и душевность, то и слова их, мы убеждены, будут иметь такую же силу, как организаторская работа с детьми. И на вопрос, поставленный в сборнике педагогических раздумий, — миссионер или организатор? — думается, надо ответить: и то, и другое.

Е. АКСЕНОВА

„братства людского гранит“

Эйжен Веверис. САЖАЙТЕ РОЗЫ В ПРОКЛЯТУЮ ЗЕМЛЮ! Поэтический дневник узника Маутхаузена. Перевод с латышского Г. Горского. Художник А. Станкевич. Рига, издательство «Лиезма», 1969.

Уже хорошо известны фанты...

И чудовищные злодеяния, совершенные устройствами «нового порядка» — все это запечатлено в документах и цифрах исторических очерков. Цифры дают представление о размахе и жестокости борьбы между гитлеровскими захватчиками и не покорившимися им народами, о «новом порядке», который вводился огнем и мечом.

Вот одна из цифр: «Согласно сохранившимся еще записям, в Маутхаузене самым жестоким образом было убито 122 767 человек». Но, оказывается, это еще не всё: «Кроме указанных выше, десятки тысяч заключенных были расстреляны или отравлены газом сразу после доставки в лагерь. Эти заключенные не регистрировались и поэтому не входят в приведенные выше цифры».

А вот факты (они, как и цифры, заимствованы из книги «СС в действии. Документы о преступлениях СС»):

Обершарфюрер Енч в Маутхаузене «убил около 700 заключенных, заставив их стоять голыми один или несколько часов при двенадцатиградусном морозе и приказав обливать их ледяной водой».

«Я часто порол заключенных для собственного удовольствия» — это из показаний коменданта Маутхаузена штандартенфюрера Цирайса.

Да, факты и цифры уже известны. Но само это слово — «цифры» — не случайно имеет два постоянных эпитета: мы говорим о цифрах не только «точные», но еще и «сухие». Историку цифры необходимы — это его аргументы. Для художника каждый человек — это особый, неповторимый мир, он не может быть в каких-то подсчетах единицей, равной другим единицам.

Установлено — пусть приблизительно, — сколько в Маутхаузене было замучено людей. Но эта не доступная человеческому воображению цифра — разве она выразит предсмертную муку одного человека? Это под силу только художнику.

Эйжен Веверис — автор книги стихов «Сажайте розы в проклятую землю!» — прошел через этот ад — Маутхаузен. Четверть века Эйжен Веверис писал эту книгу: он долгие годы рассказывал людям о том, что видел и пережил. И вот книга его вышла почти одновременно — на латышском, родном языке автора, и на русском, в переводе Г. Горского.

Эйжену Веверису семьдесят первый год. В юности ему, сыну рабочего, довелось с оружием в руках сражаться за Советскую власть — в 1919 году он был латышским стрелком. Затем он сменил множество профессий — не так просто было в те годы получить в Латвии работу: был портовым грузчиком, журналистом, рабочим лесопилки, электромонтером, торфодобытчиком, эстрадным певцом в кинотеатре. Но Веверис мечтал стать учителем и в конце концов этого добился: с 1923 года он учит детей латышских рыбаков и крестьян. А незадолго до начала войны, когда Латвия вновь стала советской, Веверис стал учить солдат Красной Армии русскому и латышскому языкам. Это ему припомнили во время фашистской оккупации: он был арестован. Четыре раза его выводили на расстрел, ставили у края ямы — и каждый раз он слышал:

— Ты хотел сразу легко умереть! Не спеши!

Вевериса отправили в концлагерь: сначала в Саласпилс, потом в Штуттоф и, наконец, в Маутхаузен, страшный Маутхаузен, который узники называли

«Мордхаузен» — «обитель смерти». Здесь он был до майских дней 1945 года. Но Веверису повезло: он оказался в числе немногих, кто дождался освобождения. Правда, человек высокого роста и атлетического сложения, он весил в ту пору 46 килограммов...

Стихи Эйжена Вевериса потрясают.

На меня глядят
Две пары милых глаз ребячьих.
Как давно не смотрел я на звезды.
Моих заскорузлых ладоней касаются
Легкие нежные пальцы ребенка.
Как давно надо мной не падал
С вишен снег лепестков.
Вокруг весь день не смолкает щебет.
Как давно я не слышал воробушка.
Их звали Карелом и Боженкой,
И они ждали
Своей очереди
В газовую камеру.

Воспоминания приносят поэту страшные картины: движется колонна узников Маутхаузена, окруженная эсэсовской охраной, которая по любому поводу и без повода может пустить в ход оружие.

У дороги, как чудо,
Как мамин подарок,
Яблоко.
Юный французик.
Просто мальчонка.
Тянет ручонку:
«Мерси, шериф!»
Пал он рядом с мечтой своей,
Милый комочек полосатый...

Очень трудно подняться в атаку под пулеметным огнем; и кажется, смотреть бесстрашно в глаза смерти — это высшее испытание мужества. Но для того чтобы остаться человеком, чтобы сохранить человеческое достоинство в нечеловеческих условиях лагеря уничтожения, требовалось еще большее мужество. Помочь ослабевшему, добыть для больного лекарство, не прощать подлости, не привывать «к мелкой дрожи жизни голый», не сдаваться, во всем противостоять фашистам —

Разве это героизм?
Нет!
Это только сопротивление! —

пишет Веверис. Но в Маутхаузене сопротивление было героизмом.

Фашисты стремились не только покорить чужие страны, но и разорить души, они понимали: без этого не добиться полной победы. Убить еще не значит победить, чтобы победить людей, надо их сломить. Это гитлеровцам не удавалось даже в лагерях уничтожения, даже там не удавалось сломить «братства людского гранит». А если жила человечность, борьба с фашизмом непременно продолжалась. О героях этой борьбы, ни при каких обстоятельствах не терявших веры и надежды и своим мужеством рождавших волю к сопротивлению у других, с восхищением пишет Веверис.

Книга Эйжена Вевериса — не только рассказ о страданиях и рвении замученным, не только обвинение фашистским палачам и предостережение тем, кто склонен преуменьшать в наши дни опасность бацилл коричневой чумы. Эта книга — гимн величию человеческого духа, свет которого в зловещем мраке концлагерей был особенно ярок.

Л. ЛАЗАРЕВ

похвала мудрости

Эразм Роттердамский. РАЗГОВОРЫ ЗАПРОСТО. Перевод С. Маркиша. М., «Художественная литература», 1969.

«Эта книжечка, тебе посвященная, миленький мой Эразмий, превзошла все наши ожидания — теперь постарайся не обмануть их и ты!... Книжечка выросла до размеров полного тома, вот и тебе надо позаботиться, чтобы, насколько прибавляется возраста, настолько прибавлялось бы достойной образованности и крепости нравственных правил». Так в начале августа 1524 года Дезидерий Эразм Роттердамский приветствовал «Иоганна Эразмия Фробена, подающего

наилучшие надежды». Адресату великого августинца исполнилось к тому времени восемь лет.

Диалоги, посвященные восьмилетнему крестнику, поначалу предназначались вовсе не маленькому Иоганну, а его французским сверстникам. Первые записи будущих «Разговоров» появились в конце предыдущего XV столетия, когда Эразм учился в Парижском университете и давал частные уроки. В эти студенческие годы рукописи представлялись безвестному автору не более чем отрывочным домашним пособием для обучения разговорной латыни. А в ноябре 1518 года Эразм из Роттердама — знаменитый богослов, латинист и философ — был неприятно удивлен, прочитав свое имя на титульном листе довольно неуклюже составленного и разнородного сборника «Формулы для обыденных разговоров». Основу нашивших «Формулу» составили тетрадки бывших учеников Эразма.

Рассерженный несурзностями первого издания, Эразм, однако, не стал отрециваться от книги. Он счел за лучшее выправить рукопись, дополнить ее и вновь выпустить в свет под измененным названием, с которым она и осталась в истории литературы — «Разговоры за просто». Сборник, отредактированный Эразмом, вышел из тиснения в 1519 году. С тех пор «Разговоры» издавались бесчисленное число раз — одних только прижизненных изданий появилось около сотни!

Век за веком заставлял подрастающие поколения с томиком Эразма в школьных сумках, портфелях и ранцах. На Британских островах «Разговоры» служили пособием по латыни и в нашем столетии. В петровской России среди книг по фортификации, кораблестроению и «штормовой механике» были напечатаны «Разговоры дружеские Дезидерия Эрасма». А в четвертой главе ломоносовской «Риторики» русский читатель вновь увидел «Разговор Дезидерия Эразма Роттердама, называемый Утро, в котором он учит не терять времени напрасно».

Переведенный с латыни учебник латинского все же оставался учебником — руководством по этике, нравственной философии и духовному совершенствованию. Стараясь как можно больше расширить словарный запас учеников, Эразм, естественно, разнообразил поводы для своих диалогов. В этом он был не оригинальнее составителя любого разговорника, но в самих рассуждениях на заданные и, как правило, обыденные темы читатели слышали голос великого наставника, поучениями которого вот уже пятый век гордится европейская цивилизация.

Если по примеру и постоянным советам Эразма обратиться к древним авторам, наиболее близкими к основным выводам его знаменитого сборника, пожалуй, окажутся два высказывания: «Один только разум может обеспечить безмятежный покой» (Луций Анней Сенека, «Письма») и «Наша судьба зависит от наших нравов» (Корнелий Непот, «Жизнеописание Аттика»). «Разговоры за просто» читаются как ближайший аналог классической декламации «Похвала глупости», но без ее косвенной похвалы разуму, без ее сарказма, иронии, подтекста. Это нескрываемое, откровенное восхваление мудрости, знания, благородства, прямое их противопоставление и тщеславной книжности, и самодовольному невежеству.

«Сократ свел философию с небес на землю; я иду дальше, вводя ее в игры и непринужденные застольные беседы», — писал Эразм в обращении к читателям, предпосланном очередному изданию 1526 года. Разговоры сборника возникают при случайных встречах самых заурядных, казалось бы, персонажей: мальчишек, монахов, солдат, нищих — по самым пустячным, набившим оскомину вопросам: о школьных занятиях и развлечениях после уроков, о манере одеваться и привычке поздно вставать, о способах путешествовать и о заезжих дворах... На первый взгляд, трудно найти предметы банальнее. Но когда в диалоге «Астрагалос, или Игра в бабки» вспоминаются Платон и Аристотель, Гораций и Гесиод, Плиний и Каллимах, Персий и Марциал, Светоний и Лукиан, бесхитростная тема получает неожиданное и глубокое развитие. И дело тут не в подтекстах, намеках, идейной зашифрованности — в «Разговорах» мало инсинуаций, они обращены к доверчивой юности, а не к лукавому опыту. Философская многоплановость диалогов — в щедром богатстве аналогий.

Видимый предмет разговора для Эразма лишь повод. Его знанию не составляет труда легко и естественно связать с темой диалога «Рыбодество» такое далекое от названия и само по себе законченное рассуждение: «Если в одной вещи заключены два начала, из которых одно выше другого, мы всегда займемся о том, что ниже. Телу и телесному повсюду отдается предпочтение перед духовным. Убить человека считается тяжким преступлением, и это верно; но отравить человеческий ум тлетворным учением, ядовитыми подстрекательствами — это забава».

В 1529 году, к которому относится диалог «Рассвет», совет не ложиться за полночь наверняка был не менее стар и назойлив, чем в наше время. Но прислушайтесь, с какой доброжелательной, далекой от наставнического брюзжания интонацией развивает Эразм эту тривиальную тему: «...Утро — юность дня, до полудня кипит молодость, потом наступает мужество, за ним следует старость, то есть вечерняя пора, а вечер сменяется закатом — это как бы смертный час. Бережливость и вообще приносит немалый доход, но всего более — в этом: разве не громадную выгоду доставил бы ты себе, если бы перестал губить без толку большую и вдобавок лучшую часть жизни?.. А потому до крайности бесстыдными представляются жалобы тех, кто винит природу, которая, дескать, столь тесно ограничила человеческую жизнь, но сами, по собственному почину, столько урезают от того, что им отведено. Жизнь у каждого достаточно долгая, если расчетливо ею распорядиться».

К последнему диалогу — «Эпикурец» — постепенно составляется и крепнет убеждение, что Эразм не для броской парадоксальности, а на самом деле разделяет учение Эпикура. Конечно, не его космогониию (Эразм — богослов, теолог, и было бы смешно подозревать знаменитого переводчика Библии в подпольном атеизме), а главный принцип этики прославленного самосца: «Удовольствие мы познали как первое благо, приращенное нам; с него начинаем мы всякий выбор и избегание; к нему возвращаемся мы, судя внутренним чувством, как мерилом, о всяком благе». Странная вроде бы позиция для монаха-августинца, хотя бы и получившего папское разрешение носить мирскую одежду и вкушать мясо в постные дни. Но эпикурейские рассуждения Эразма не имеют никакого отношения к расхожему застольному Эпикуру, подменившему в обыденном мнении великого мыслителя и безупречного человека, каким был древнегреческий философ. Воздержание в еде и одежде, обязательное в саду Эпикура, скорее всего показалось бы даже чрезмерным нашему августинскому канонику. Но то содержание, которым Эпикур наполнил понятие «удовольствие», сливает воззрение обоих великих европейских мыслителей, «как оба взгляда в единый взор».

«Когда мы говорим, что удовольствие есть конечная цель, то мы разумеем не удовольствие распутников и не удовольствие, заключающееся в чувственном наслаждении, как думают некоторые, не знающие или не соглашающиеся или неправильно понимающие, но мы разумеем свободу от душевных тревог... Мудрец полагает, что лучше с разумом быть несчастным, чем без разума быть счастливым» — так утверждает Эпикур в письме к Менекею.

Персонаж «Разговоров» Эразма спрашивает своего собеседника:

«— Если с собачкой прекрасно обращаются, если она сытно и сладко ест, мягко спит, всегда играет и резвится, — разве не живет она приятно? А хотел бы ты такой жизни для себя?»

— Вот еще придумал! Для этого надо сперва из человека превратиться в пса!

— Значит, ты признаешь, что лучшие удовольствия началом и источником имеют дух...»

На разных уровнях знания в «Разговорах» вовлекаются по разным поводам. Если для кого-то они свод философских взглядов Эразма, то другие увидят в них собрание конкретных подсказок здравого смысла, а может быть, и увлекательное введение в античную литературу, в которой так непринужденно и охотно обращаются участники диалогов. Но для того круга читателей, которому вначале и предназначались «Разговоры запросто», — для школьников — книга великого учителя из Роттердама нужна, «чтобы, доставляя приятное чтение и совершенствуя речь, способствовать и нравственному воспитанию».

«Баня и урок — бесполезны, если они не смывают грязи и после них человек не становится чище». Это условие поставлено еще в III веке до н. э. стоиком Аристотелем, что претендует хоть в какой-то мере называться педагогикой. Последовательно и классично оно выдержано в «Разговорах запросто».

В. ШАТЧЕНИН

Генетика для начинающих

Шарлотта Ауэрбах. НАСЛЕДСТВЕННОСТЬ. Введение в генетику для начинающих. Перевод с английского А. Хализева. Под редакцией и с предисловием В. В. Алпатова. М., Атомиздат, 1969.

Генетика, основы которой были заложены в середине прошлого столетия Грегором Менделем, изучает одно из важнейших проявлений жизни — наследственность и ее изменчивость. Эти явления, которые человек постоянно наблюдает в окружающем его мире и в самом себе, при внешней их

очевидности и простоте оказываются чрезвычайно сложными, но в то же время в высшей степени упорядоченными. К раскрытию их закономерностей привлечены усилия многих исследователей во всем мире, особенно в связи с их исключительным значением для разработки методов селекции растений, животных и микроорганизмов, предотвращения наследственных заболеваний и управления эволюцией. Именно в области генетики, на стыке ее с биохимией, биофизикой, микробиологией и математикой, были созданы величайшие открытия естествознания XX века — раскрыты закономерности биосинтеза белка, вскрыта природа генетического кода и намечены новые подходы к разработке принципов и методов управления наследственностью. Вместе с тем большинству людей не известны основные положения генетики, и складывается парадоксальное положение, когда человек, знающий довольно много о микромире неживой природы, порой чрезвычайно мало знает о самом себе и совершенно не знаком с законами наследственности и наследования признаков.

Задачу устранить отчасти этот пробел и ставит Шарлотта Ауэрбах, крупнейший английский ученый, чьи работы в некоторых областях генетики являются пионерскими и основополагающими. Сама она так пишет о поставленной перед собой задаче: «Если вы прочитаете книгу и поймете каждую главу, то получите достаточное представление о генетике и не будете задавать вопросов, подобных следующим:

— Почему у черной коровы родился сначала рыжий, а потом черный теленок? Почему коты не бывают трехцветными? Каким образом можно получить белых кроликов с длинной шерстью? Почему у родителей, имеющих глухого ребенка, второй ребенок часто оказывается также глухим?»

Но содержание и значение книги Ш. Ауэрбах гораздо шире. Эта книга представляет собой наиболее удачную популяризаторскую работу по генетике, лучшую из написанных к настоящему времени, в которой простота и общедоступность изложения материала сочетаются с его строгой научной достоверностью.

В отдельных разделах книги читатель узнает, какие материальные структуры обеспечивают сходство детей с их родителями и в то же время их отличия, от чего зависит рождение девочки или мальчика и почти равное соотношение полов при рождении детей, какие дефекты, имеющиеся у родителей, в том числе и в скрытом состоянии, могут проявиться у их детей, какова соотносительная роль наследственности и среды в формировании нормальных и дефективных признаков.

Материал в книге подан в строгой логической последовательности, и каждый следующий ее раздел требует усвоения предыдущих. Это автор книги облегчает тем, что в разделах (главах) есть не только четкие выводы, но и вопросы-задания, по которым можно проанализировать усвоение знаний. Правильные ответы даны в конце книги. Многие из этих вопросов для читателя могут представить и самостоятельный интерес. Так, например, ирландские сеттеры могут оказаться слепыми в результате действия специфического гена. Пара нормальных животных дала помет из пяти щенят — двое из них были слепыми. Из них одна нормальная собака должна быть использована для дальнейшего размножения. Как установить, что она не несет ген слепоты?

В отдельных главах разбираются родословные у людей, в которых были многопалые индивиды, с куриной слепотой, глухотой, неспособностью мизин-

ца, рассматривается наследование гемофилии, рецессивного фактора и других признаков у человека; разбираются методы предсказания признаков будущих детей. Наряду с примерами наследования у человека в книге приводятся факты наследования ряда признаков у сельскохозяйственных, лабораторных и домашних животных, а также (в меньшей степени) и у растений.

В заключительных разделах книги Ш. Ауэрбах

объясняет, что особенности организма являются результатом проявления его наследственности в определенных условиях внешней среды, и в связи с этим показывает, сколь важно изучение однояйцевых и двухяйцевых близнецов для выяснения этого.

Закладывают книгу «Десять занимательных вопросов», «Рекомендации к практической работе» и «Словарь терминов». Все это делает книгу не только чрезвычайно ценным пособием для читателей, решивших познать тайны наследственности, но и незаменимым пособием для преподавателей школ и учащихся старших классов средней школы, изучающих новый курс общей биологии. Думается, что объем знаний, предложенных Ш. Ауэрбах в книге «Наследственность», должен быть полностью усвоен учащимися средней школы. Эта книга отчасти может быть использована и студентами биологических, медицинских и сельскохозяйственных специальностей вузов, а особенно студентами педагогических институтов. Но еще более книга ценна для массового читателя, поскольку она расширяет представления об окружающем нас мире живых организмов и подводит к дверям мира микроявлений и процессов, осуществляющихся в организме на клеточном и субклеточном уровнях. Открыть эту дверь поможет литература, рекомендуемая редактором книги профессором В. В. Алпатовым. Она включает популярные работы, учебники, пособия и некоторые классические работы по генетике.

В. ЩЕРБАКОВ,
кандидат биологических наук

ПЛУТОН находит работу

**И. Шишкин. ИЗ ГЛУБИНЫ ПЛА-
ЮЩИХ НЕДР. М., «Мысль», 1969.**

Как рассказывали в своих мифах древние, Плутон был братом Зевса и Посейдона. После того как братья победили титанов и своего отца Крона, они разделили между собой власть над миром: Зевс стал править на земле и на небе, Посейдон сделался владыкой моря, а Плутону досталось подземное царство. Был Плутон богом сумрачным, а потому и непопулярным: его подземное царство мрака и ужаса пугало жизнерадостных греков.

Но теперь все переменялось: Плутон стал лечить людей подземными целебными водами, паром из своих запасов вращать турбины электростанций, теплой водой согреть дома и теплицы.

Об одном из малоизвестных природных богатств — глубинном тепле — и рассказывает книга.

Читая книгу, подростки окунутся в мир сказочных былей, найдут доходчивое изложение современных концепций, объясняющих происхождение термальных вод Земли. Обычно во многих современных научных монографиях, в научно-популярной и научно-художественной литературе по земной термике больше всего полагаются на зарубежный опыт. На страницах книг мелькают привычные географические названия геотермических центров — Исландия, Новая Зеландия, Йеллоустонский национальный парк в США. Из отечественных районов говорят только о Камчатке и Курилах.

И вдруг оказывается, что теплые воды присутствуют повсюду. Месторождения кипятка, нагретого до 160 градусов (из-за большого глубинного давления), встречены на глубине 3 тысяч метров в Ставрополье, Средней Азии, Казахстане, Грузии и в огромном За-

падно-Сибирском артезианском бассейне, нагретом до 100—140 градусов. В любой точке Сахалина можно получить воду, температура которой почти 90 градусов. Крым, Карпаты и, наконец, Подмосковье — все это районы потенциальных ресурсов кипятка.

Следует отметить, что использование гидротермальных вод способствует охране природы, проблемам рационального использования естественных ресурсов — темам достаточно актуальным в наши дни. Оказывается, самый чистый город на земле — столица Исландии Рейкьявик. В Рейкьявике не встретишь дымовых труб, их заменили подземные тепловые магистрали. А в недалеком будущем и у нас появится «бездымный город» — Петропавловск-Камчатский.

Но только ли глубинная вода приносит тепло и жизнь? Она источник химических веществ, иными словами, жидкая руда, из которой уже научились извлекать различные редкие элементы. Комплексное, бережное отношение к природным богатствам — к этой мысли постоянно возвращается автор.

Удачно и оформление книги: сюжетно правильно подобранные фотоиллюстрации, хорошо воспринимаемые схемы и чертежи, нарядная, великолепно раскрывающая основное содержание книги обложка.

...На машине времени автор предлагает читателю заглянуть в будущее. Молодой инженер, сидя за мигающим разноцветными огоньками пультом, говорит, что схема его теплового комплекса, к сожалению, старая и довольно проста. С глубины 5 километров поступает нагретый рассол, очищается от примесей; из нее выделяют различные соли и редкие элементы. Очищенная вода идет в розлив, на турбины электростанции и, отдав часть тепла, бежит по городским отопительным распределителям.

— Разве этого мало? — воскликнули мы. — Это же так просто, разумно, рационально!

— Да, но схема старая, — инженер вздохнул и поморщился. — Вот в соседнем районе все создано по новой схеме: электростанция использует непосредственно тепло магмы...»

И. ЛЮБИМОВ,
кандидат географических наук

недавно выпущено...

Глязер С. На земле, в небесах и на море. Предисл. И. Баграмяна. Худож. Д. Хитров. М., «Мол. гвардия», 1969. 238 с. с илл.; 6 л. илл. 50 000 экз. 81 к. (В помощь юнармейцам, любителям и организаторам военно-спортивных игр).

Гурев Г. А. История одного заблуждения. Астрология перед судом науки. Предисл. и послесл. М. И. Шахновича. Л., «Наука», 1970. 192 с. 10 000 экз. 34 к.

Живые страницы. А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, М. Ю. Лермонтов, В. Г. Белинский в воспоминаниях, письмах, дневниках, автобиограф. произведениях и документах. Сост. Б. В. Лунин. Науч. ред. и предисл. Д. Д. Благова. М., «Дет. лит.», 1970. 544 с. с илл. 100 000 экз. 1 р. 16 к. (Для средней школы).

Книга о русском языке. Коллектив авт. Отв. ред. И. С. Ильинская. М., «Знание», 1969. 221 с. с илл. 60 000 экз. 37 к.

Линкова И. Я. Дети и книги. М., «Знание», 1970. 80 с. 117 900 экз. 15 к.

Отец в семье. Сост. П. Дымшиц, М. Осипов и Е. Фрумкина. М., «Просвещение», 1970. 255 с. 100 000 экз. 33 к.

Петров-Водкин К. Хлыновск. — Пространство Эвклида. — Самарияндия. Риск автора. Вступит. статья Ю. А. Русакова. Л., «Искусство», 1970. 629 с. с илл.; 1 л. портр. 20 000 экз. 2 р. 98 к. (Автобиографические повести советского художника).

Платонов А. Волшебное кольцо. Сказки. Под общ. ред. М. Шолохова. Худож. И. Кононов. М., «Сов. Россия», 1970. 183 с. 100 000 экз. 1 р. 16 к. (Для младшего возраста).

Сами о себе. Книга пионеров и школьников. Сб. 3. Ред.-сост. А. Зибзеева. Пермь, Кн. изд., 1969. 89 с. с илл.; 14 л. илл. 25 000 экз. 71 к. (Сборник стихов, рассказов и рисунков для детей школьного возраста).

Сухов А. Д. О корнях религии. М., «Знание», 1970. 32 с. 44 400 экз. 6 к.

И ЧУВСТВО И МЫСЛЬ

Посмотрите на детей в зале детского театра. Идут русские сказки в обработке Маршака — «Терем-теремок» и «Про козла».

Какому ребенку семи-восьми лет не знакомы эти сказки? Кто из ребят, сидящих в зале, не знает, чем все кончится?

И все-таки дети кричат, предупреждая козла: «Там волки!», и все-таки, когда лиса подкрадывается к петушку, они волнуются: «Беги, беги!»

Что это? Дети не понимают, что перед ними театральное представление, ход которого не может быть изменен? Или они принимают людей на сцене за настоящих волков, лису, петуха, козлика? Трудно в это поверить. Актеры на сцене даже не слишком скрывают, что они вовсе не те животные, о которых говорит сказка. Они не ходят на четвереньках, на них юбки и брюки — только лица прикрыты масками.

И все-таки дети волнуются, кричат. Иногда они плачут. Если поговорить с театральным педагогом, который дежурит на каждом спектакле, то педагог расскажет вам, что иногда приходится успокаивать детей, говорить, что все кончится хорошо. Он расскажет вам, как дети закрывают глаза и прячутся за спины сидящих впереди, чтобы не видеть страшного.

Если спросить актеров, много лет подряд играющих сказки «Про козла» и «Терем-теремок», они скажут, что так вели себя дети десять лет назад, так ведут они себя и сегодня. Актерам в «опасных» для героя местах приходится даже делать специальные паузы — с расчетом на восприятие зрительного зала.

А ведь все мы говорим, что современные дети «умнее» своих сверстников десятилетней давности, они больше знают, шире тот круг информации, который они получают по радио и по телевидению, да, наконец, и в школе.

И все-таки они кричат, они волнуются, они жа-

ждут принять участие в действии: искусство — театральное искусство — потрясает их.

И потрясение это воспитывает. Конечно, не нужно понимать все упрощенно: посмотрел спектакль плохой мальчик — стал хорошим мальчиком. Все обстоит гораздо сложнее. Давно уже не идет в Центральном детском театре спектакль «Снежная королева». А те зрители, которые смотрели его в возрасте десяти-одиннадцати лет, теперь совсем взрослые люди. Тогда они вели себя в зале так же, как зрители «Сказок», — волновались, кричали, когда Герда готова была переступить черту, отделяющую покои «добрых» принца и принцессы от покоев короля, где настоящим хозяином был «злой» советник. Они кричали: «Не ходи, Герда, не верь королю!»

Эти зрители — люди моего поколения, мои сверстники. И теперь очень часто, когда я встречаюсь даже с незнакомыми ровесниками и случайно заходит речь о Центральном детском театре, часто эти совсем взрослые люди — родители моих учеников — вспоминают: а я смотрел «Снежную королеву» — хороший был спектакль! Много лет помнится... И когда начинаешь разбираться — почему, то обязательно всплывает воспоминание об этой сцене, о соучастии в борьбе добра со злом. Потому что крик «Не ходи!» — это уже действие, активное вмешательство в борьбу, вмешательство, вызванное потрясением, которое произвело в душе ребенка искусство.

Дети растут. Они учатся сдерживать проявления своих чувств. Да и сочетание рационального и эмоционального начал в человеке изменяется. Рациональное приобретает все больший и больший вес. Значит, эмоциональное, по логике вещей, должно отступить? Значит, это естественно? Так и должно быть?

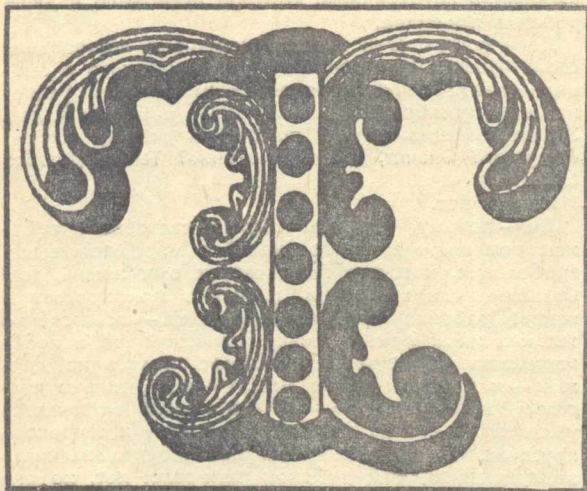
И да и нет.

Да — потому, что чем старше становится ребенок, тем шире круг его знаний о мире, тем выше требования, которые предъявляет ему жизнь, тем большее, следовательно, значение приобретает в жизни ребенка процесс мышления — осмысление тех или иных фактов жизни или искусства и необходимость обобщений. И подросток уже не должен — и практически не может — жить только чувством и ощущением — в его жизнь включается умственный анализ отдельных явлений и широкого круга их. Он остается не менее возбудимым чисто эмоционально, чем ребенок пяти-семи лет, но его чувственный мир уже обогащен осмыслением. Да, за впечатлением должно следовать осмысление, анализ, который углубляет чисто эмоциональное впечатление.

Если такого соединения эмоционального с рациональным не происходит — тогда мы сталкиваемся с подростками, впечатления которых поверхностны, которые способны воспринимать только сюжеты с драками и стрельбой или детективы; здесь осмысления практически не требуется, эмоционального восприятия по ходу действия более чем достаточно, не прилагается никаких затруднительных умственных усилий — и в результате голова остается пустой, никакого обогащения человека под влиянием произведения искусства не происходит.

Если от подросткового возраста к взрослому состоянию ситуация не изменится — мы встретимся с человеком, нравственная сфера которого не развита, а умственные запросы невысоки.

...Зрительный зал театра Советской Армии. Во время зимних каникул огромный этот зал был заполнен школьниками. Спектакль «Барабанщица».

В зале в основном шестые, седьмые, меньше — восьмые классы.

По сюжету спектакль этот не может не нравиться подросткам: спектакль об отважной и самоотверженной разведчице, которая работала в немецком тылу... Такие книги, кинофильмы, спектакли всегда привлекают ребят, стремящихся к героическому и романтическому, мечтающих о подвигах.

И совершенно естественно, что такие сцены спектакля, как рассказ танкиста о том, как Нила Снежко выводила их отряд из окружения, такие сцены, как вечеринка, где происходит двойное разоблачение — немецкий шпион разоблачает и убивает Нилу и разоблачен тем самым сам, — такие сцены идут при напряженном внимании, в полной тишине. Естественно, что взрывами смеха встречаются сцены, где мальчишки подстерегают мнимую шпионку, чтобы бросить в нее гранату...

Но почему все-таки, когда в конце той же сцены с мальчишками появляется на лестнице Нила —

Нила, разведчица и героиня, почему хоть на самую маленькую минутку не возникает тишина, которая должна говорить о страхе зрителей за Нилу — ведь граната-то настоящая! А если бы мальчишки успели ее бросить? Но зрительный зал находится в плену «шпионского стереотипа» — можно подумать, что зрители и сами поверили, что Нила — «немецкая овчарка», в которую нужно бросить гранату.

И еще — почему идет равномерный гул во время разговора Нилы и Эдика, одного из этих мальчишек? А ведь сцена эта просто трагична: среди своих, в освобожденном городе Нила вынуждена «пока» оставаться «немецкой овчаркой», предательницей... И вот мальчишке — она ведь знает, что он не поймет! — мальчишке она поет песню о барабанщике — песню комсомольцев-спартаковцев. А в зале — шум...

А вот Нила разговаривает с Сергеем. Сцена — одна из центральных в спектакле. В ней идет разговор о судьбах людей после войны, о преодолении тех ран, которые нанесла война не только городам, но и душам...

На сцене сидят двое — и разговаривают. Никто не подкрадывается, не прячется, не дерется, не поет и не танцует. И вообще — никакого ярко выраженного действия, которое потребовало бы мгновенной эмоциональной реакции. Проекторы высвечивают два лица — Нила и Сергей.

Тут нужно внимательно всматриваться, внимательно слушать — и тут же, ни на минуту не упуская нити разговора, — думать, думать, думать...

А в зале шум.

Когда уже после спектакля разговариваешь с ребятами, то выясняется, что реакция зала показывает все очень точно: ребята с увлечением пересказывают сам сюжет — историю военной деятельности Нилы. Когда просишь пересказать не все содержание, а только те эпизоды, которые особенно запомнились, — почти никто не вспоминает о разговоре Нилы с Сергеем. Воображение ребят вертится все в том же круге сюжета, действия внешнего.

О чем это говорит? Эмоциональное восприятие налицо, а смысл умного и человеческого спектакля все-таки остался непонятным, он может просто слиться в воображении ребят с бесчисленной массой аналогичных по сюжету книг, кинофильмов, ничему не научит, не станет ступенькой нравственного. Поволновались, поаплодировали — и забыли...

А в следующий раз, чтобы «поволноваться», понадобится сюжет поострее, потом и еще острее — и вот вам готовый потребитель захватывающих детективов с стремительной интригой — и без единой свежей мысли.

Вот что получается, когда рациональное в восприятии не вступило или недостаточно вступило в строй. Постепенно нищает и восприятие эмоциональное, оно становится поверхностным, пустым...

Именно в этом возрасте важно, нужно, необходимо внимание взрослого к тому, что читают, что смотрят в театре, кино и по телевидению дети. Именно в этом возрасте — больше, чем в любом другом. Поговорить об увиденном и прочитанном, задержать внимание подростка не на действии, а на том, как происходит действие, почему герой поступает так или иначе, что он мог думать или чувствовать в те или иные моменты действия, — все это подтолкнет воображение подростка, заставит действовать «рациональное», которое включится в общее восприятие и обогатит эмоциональное.

Ведь эмоциональное восприятие различно по своему качеству. Не всегда в зале удастся зафиксиро-

вать характер этого восприятия, но если зал смеется и аплодирует на смешной, но не очень важной по основной мысли спектакля сцене и тут же, следом — нет напряженной тишины в сцене серьезной и глубокой, — о качестве эмоционального восприятия судить можно с достаточной степенью точности.

Однако не всегда внешняя реакция зала достоверно говорит о том, что происходит со зрителями, как они воспринимают ту или иную сцену, что думают и как чувствуют. Существуют возрастные особенности восприятия. Рост человеческой личности сложен, не всегда человек в своем созревании идет прямым и ясным путем. Человек от семи до семнадцати лет проходит много ступеней, делает ошибки, учится на них и не всегда и не все хочет выражать.

Выражение восприятия и его истинная сущность могут сильно отличаться друг от друга, особенно в подростковом возрасте. Здесь нужно учитывать многие факторы: и заразительность зрительного зала, где сидят сверстники и товарищи, и общую культуру зрителя, и его умение сдерживать свои чувства, и, наконец, его чисто психологическую структуру.

На спектакле «Чайка» присутствовало несколько девятых классов. Во время самой напряженной сцены — когда многие взрослые затаили дыхание — один из девятиклассников неприятно хихикнул и тем самым отвлек внимание зрительного зала. По залу в разных местах понеслись смешки.

Конечно, этому мальчику, который засмеялся на спектакле, влетело, конечно, первые слова, которые напрашивались в разговоре с ним, — это: «Хулиганство, недисциплинированность, разве вы можете это чувствовать...» А выяснилось, что мальчик этот как раз может чувствовать, что он даже несколько сентиментален, но... стесняется своей чувствительности. А рядом с ним сидели товарищи... Мальчик боялся заплакать — и поэтому постарался разрядить напряжение смешком. Смешок — именно от его напряженности — получился неожиданно громким.

Кстати, такая «обратная» реакция совсем не редкость. Педагоги ТЮЗов могут много рассказать о том, как в трогательных местах зал начинает вдруг неуверенно смеяться или в сцене поцелуя проносятся шопот или отдельные реплики... И почти в каждом случае в результате выясняется, что боязнь показать свои чувства товарищам, соединенная с неумением сдерживать свои чувства, диктует реакцию, которая выглядит противоестественно.

Конечно, учителя и родители, которые находятся в постоянном контакте не с массой зрителей, а с каждым в отдельности, лучше знают, когда и отчего подросток или юноша реагирует так или по-другому. И именно в таком индивидуальном контакте должна воспитываться внешняя культура зрительского восприятия, умение человека выражать свои чувства сдержанно и интеллигентно. А это тоже немаловажный вопрос — выражение чувства, проявление восприятия.

Развитая сфера чувств помогает человеку взять от искусства максимум того, что оно может дать, она позволяет человеку испытать эмоциональное потрясение. А именно это потрясение и воспитывает в человеке его нравственное чувство.

В. АНДРУШКЕВИЧ,
педагог

Центрального ордена Ленина детского театра

всегда с нами

В нашей новой рубрике — рассказы о музыкальных граммофонных записях.

слушая Глинку

Глинка! Его музыка искрится радостью, исполнена жизненной силы, бодрости, красоты, поэзии. Его музыка сама правда. В ней нет ничего искусственного, ничего надуманного. Жизнеспособность ее неисчерпаема.

Композиторское наследие Михаила Ивановича Глинки (1804—1857) не велико: две оперы — «Иван Сусанин» и «Руслан и Людмила», музыка к драме Кукольника «Князь Холмский», несколько симфонических произведений, романсы — вот и все, если прибавить к этому немногочисленные ранние произведения.

Но влияние Глинки на русскую музыку огромно, любовь к глинканской музыке поистине всенародна: его творения стали частью национального художественного сознания.

В чем же сила этого первого классика русской музыки? Глинка — олицетворение чистоты и стройности мысли, легкости и силы, ясности линий и полета фантазии. Выдающийся русский критик Герман Августович Ларош пишет о Глинке: «Он составляет явление законченное и зрелое, свободное от болезненных наростов, натуру до того оригинальную и самостоятельную, что для нее невозможно искание оригинальности. Никогда не заботясь о русскости стиля, никогда не сочиняя по логическому шаблону, никогда не заражаясь духом системы, Глинка был самый русский музыкант, которого мы до сих пор имели».

Недаром Глинку часто называют «отцом русской музыки». Этот гениальный композитор, будучи всеми корнями своими связан с русской почвой, сумел переплавить в своем творчестве богатейшее наследие мировой музыки. Глинка создал новую музыку — русскую по духу, общечеловеческую по своим

идеям, совершенную по воплощению. Все русские и многие западные композиторы послеглинканской эпохи испытывают воздействие его удивительной музыки, простой и высокой по своему душевному строю.

Поразительно композиторское мастерство Глинки. Мы и не замечаем его, слушая грандиозной силы патристическую эпопею «Иван Сусанин» или поистине пушкинскую оперу «Руслан и Людмила», словно распластанную в воздухе, подобно радуге-арке, от гениальной увертюры к финалу.

Постигнуть всю красоту этой оперы можно, лишь прослушав ее целиком. Но мы обращаем сегодня ваше внимание и на пластинку, которая позволяет услышать лишь некоторые фрагменты «Руслана и Людмилы» — «Марш Черномора» и «Восточные танцы» (турецкий, арабский и лезгинку). Зато — самое важное — на пластинке есть все основные оркестровые сочинения Глинки, исполненные Государственным симфоническим оркестром Союза ССР под управлением Евгения Светланова. Это две испанские увертюры: «Арагонская хота» и «Ночь в Мадриде», широко известный «Вальс-фантазия» и, наконец, «Камаринская».

Испанские увертюры были написаны Глинкой под впечатлением путешествия по Испании, совершенного им в 1845—1847 годах.

В своих «Записках» Глинка пишет: «По вечерам собирались у нас соседи, соседки и знакомые, пели, плясали и беседовали. Между знакомыми сын одного такого негоцианта по имени Феликс Кастилья бойко играл на гитаре, в особенности арагонскую хоту, которую с его вариациями я удержал в памяти и потом в Мадриде, в сентябре или октябре того же года, сделал из них пьесу под именем «Блестящее каприччио», которое впоследствии, по совету князя Одоевского, назвал Испанской увертюрой».

«Хота» была окончена Глинкой в Мадриде в 1845 году. Испанская увертюра № 2 «Воспоминание о летней ночи в Мадриде» окончательно завершена была уже в Варшаве в 1851 году. В основе ее лежат 2 ламанские сегидильи. «Хаживал ко мне один zagal (погонщик мулов при дилижансе), — рассказывает Глинка, — и пел народные песни, которые я старался уловить и положить на ноты. Две сегидильи мне особенно понравились и впоследствии послужили мне для второй Испанской увертюры».

В обеих увертюрах поразительно тонко схвачена атмосфера, колорит испанской музыки, испанской жизни. Но при этом музыка Глинки не теряет своего особого стиля, сохраняет русский дух.

Известнейшее произведение «Вальс-фантазия» си минор был написан первоначально для фортепиано. Период 1837—1842 годов был особенно интенсивным в творчестве Глинки. В 1839—1840 годах он написал много романсов, фортепианные произведения, в том числе «Вальс-фантазию». Вальс, как и многие другие сочинения, например романс «Я помню чудное мгновенье», написан для Е. Е. Керн. Существует три оркестровые редакции «Вальс-фантазии». Сейчас обычно он исполняется в третьей редакции, сделанной Глинкой в 1856 году.

И вот «Камаринская»! Знаменитое произведение русской музыки, получившее очень широкое распространение. «Камаринская» написана на две русские народные темы — свадебную и плясовую. Вот как описывает сочинение «Камаринской» в 1848 году П. П. Дубровский: «Тогда он уже замыслил написать Камаринскую... Михаил Иванович долго не принимался за окончательную отделку и постоянно обдумывал свое произведение. В это время он даже вовсе не играл на фортепиано. Однажды утром

я прихожу к нему (это было летом) и застаю его в комнате, где за перегородкою из сетки летали штук пятнадцать соловьиной породы... Он сидел за маленьким столом, посредине комнаты, перед своими птичками и что-то писал на большом листе бумаги... Это была «Камаринская». Она совершенно была готова в его воображении; он записывал ее, как обыкновенный смертный, записывающий какие-нибудь беглые заметки, и в то же время разговаривал и шутил со мной... А между тем передавалось нотными знаками одно из самых замечательных произведений».

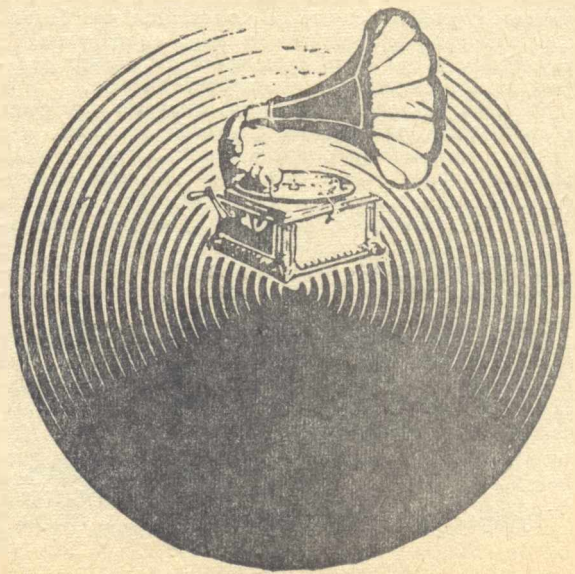
Значение «Камаринской» и других симфонических произведений Глинки для русской музыки громадно. По знаменитым словам П. И. Чайковского: «Русская симфоническая школа... вся в «Камаринской», подобно тому как весь дуб в жолуде».

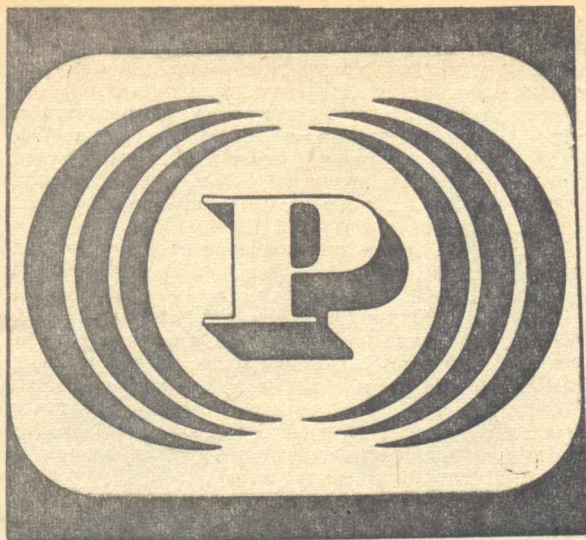
Радостно, что появилась целая пластинка с симфоническими произведениями Глинки. К сожалению, в настоящее время трудно приобрести подобный диск с записью романсов Глинки.

А ведь романсы — одна из самых драгоценных страниц творчества Глинки. Здесь горячие, страстные порывы чувства подчиняются безупречному вкусу и интеллекту, превращаясь в совершенные образцы вокальной лирики. От ранних романсов, например «Не искушай», до цикла «Прощание с Петербургом», до последнего романа «Не говори, что сердцу больно» — целая жизнь, прожитая Глинкой. Но не только Глинкой. Чувство и интеллект композитора вобрали в себя и выразили жизнь, текущую вокруг, впитали доглинканскую культуру романса, и на этой основе гениальный композитор создал произведения, ставшие панорамой его времени, собранием чувств и мыслей многих и многих людей.

Будем надеяться, что в недалеком будущем появится больше пластинок с романсами Глинки. Ведь творчество нашего великого композитора привлекало и привлекает лучших из лучших исполнителей. Непреодолимо притягивает к себе этот громадный русский художник, искренне исповедовавший всю свою жизнь им же самим сформулированную великую истину: «Музыка создает народ...»

Е. ЗАЙЦЕВА

коапп. „репортаж о событиях невероятных“

М. КОНСТАНТИНОВСКИЙ

Протокол заседания КОАППа, на котором выясняется, что подход к воспитанию детей неодинаков не только у разных людей, но и у разных животных, а также что весьма рискованно доверять как пылкому красноречию, так и дурной репутации.

Поляна КОАППа. За своим рабочим именем сидят КАШАЛОТ и его верные соратники—КОАППОВЦЫ. К ним подходят, подбегают, подлетают звери и птицы со своими детьми и шумно рассаживаются вокруг пня.

КАШАЛОТ (звоня в колокольчик). Открываю очередное заседание Комитета охраны авторских прав природы.

ПТИЦА-СЕКРЕТАРЬ. Коапп, коапп, коапп!

КАШАЛОТ. Уважаемые родители! Мне стали известны факты вопиющего пренебрежения некоторыми животными своими родительскими обязанностями, что приводит к распространению детской безнадзорности, вызывающей законную тревогу общественности. В связи с этим я и решил созвать это родительское собрание. Кто хочет выступить?

УТКА-ГЕТЕРОНЕТТА. Разрешите мне.

КАШАЛОТ. Назовите свое имя, пожалуйста...

УТКА-ГЕТЕРОНЕТТА. Утка-Гетеронетта из Южной Америки.

СТРЕКОЗА. Ах, какое аристократическое имя!

КАШАЛОТ. Да, простите, Утка, а сколько у вас детей?

УТКА-ГЕТЕРОНЕТТА. Много.

КАШАЛОТ. М-да... Ответ не совсем определенный... Птица-Секретарь, запишите, пожалуйста: Утка-Гетеронетта, детей—много. Мы вас слушаем.

УТКА-ГЕТЕРОНЕТТА. Я не получила специального педагогического образования, но, как всякую мать, меня, естественно, волнуют проблемы воспитания подрастающего поколения.

КАШАЛОТ. Да, да, вполне естественно.

УТКА-ГЕТЕРОНЕТТА. Благодарю вас. Я хочу поделиться здесь некоторыми своими мыслями. Дело в том, что среди птиц существуют два различных... я бы сказала—взаимоисключающих подхода к воспитанию детей. У одних птиц—их называют птенцовыми—дети появляются на свет голыми, слепыми и беспомощными. У других—выводковых: у кур, гусей, лебедей, куропаток, например, а также, к сожалению, у нас, уток,—птенцы выклеваются из яиц зрячими, покрытыми пухом, они могут сами ходить и всюду следуют за матерью. Возникает вопрос: какому из этих двух способов отдать предпочтение? Казалось бы, второму: ведь у выводковых птенцы более самостоятельны, а значит, и забот у родителей намного меньше. Но какой ценой это достигается! Разве мы вправе лишать малышей детства, с первых же дней сталкивая их с суровой действительностью, заставляя самих добывать пропитание, хотя бы и под руководством матери? Кто сказал, что в священном деле воспитания подрастающего поколения мы должны идти самым легким путем!

КАШАЛОТ (угрожающе). Да, да, кто это сказал?

СТРЕКОЗА (поспешно). Честное слово, не я, дорогой Кашалот! Я этого не говорила!

СОВА. Помолчала бы, Стрекоза! Вот уж истинно—на воре шапка горит. Тебе что—плавают твои личинки в пруду—ни забот, ни хлопот с ними. А вот попробовала бы шестерых вырастить: каждого накорми, да защити, да научи летать, да охотиться, да кричать по-совиному...

УТКА-ГЕТЕРОНЕТТА. Вот вам подтверждение моих слов! Тяжело родительский труд у птенцовых птиц. настолько тяжко, что хищные птицы вынуждены класть в гнездо и насиживать не все яйца сра-

зу, а по очереди — им не прокормить одновременно нескольких птенцов одного возраста. Но и у мирных птиц рабочий день самоотверженных родителей продолжается порой до восемнадцати часов! Стрижи и ласточки в поисках насекомых ежедневно продвигают путь в тысячу километров. На всё, на всё идут птицы ради своих дорогих малышей! Чтобы избавить их от грубой пищи, голуби и пингвины кормят своих младенцев молоком...

РАК. Птицы — молоком? Да вы в своем ли уме, Утка? Покажите мне птичье молоко, и тогда я, Рак, «на горе свистну».

СОВА. Ну, Рак, ловлю тебя на слове... Эй, Голубок, покажи-ка ему, как ты голубенка молоком кормишь. Гляди, гляди, Рак, — Голубь клюв раскрыл, птенец ему свой длиннющий клюв в глотку засунул... Теперь, как вытащит, посмотри, что на кончике-то клюва.

РАК. М-м... Там какая-то белая кашка...

СОВА (передразнивает). «Кашка»... Да ведь это и есть птичье молоко, его еще зобным называют, потому как оно в зобу у Голубя получается. Первое время голубята только им и кормятся. Ну, Рак, придется тебе лезть на гору да свистеть, и поделом — никогда ты ничему не веришь.

Рак свистит. Кашалот звонит в колокольчик.

КАШАЛОТ. Сова, Рак, немедленно прекратите... я не потерплю, чтобы свистели на родительском собрании! Какой пример вы подаете детям? Продолжайте, уважаемая Утка-Гетеронетта.

УТКА-ГЕТЕРОНЕТТА. Мое мнение таково: все мы должны перейти на птенцовый метод воспитания детей. Чем тяжелее труд родителей, тем он благороднее и вознаграждается он сторицей!

Аплодисменты.

КАШАЛОТ (растроганно). Благодарим вас, дорогая Утка. Сразу видно, что вы прекрасная мать. Кто хочет высказаться — поднимите лапы, лапы, крылья или плавники. Вы, Кенгуру? Пожалуйста.

В центр поляны прыгает Кенгуру.

КЕНГУРУ. Благодарю, Кашалот, горе мне с тобой! Сиди спокойно, не ерзай! Чего ты здесь не видел?

КАШАЛОТ (тихо). Гепард, это она мне говорит? Так непочтительно и... на «ты»?

ГЕПАРД (тихо). Действительно, странное выступление!

КАШАЛОТ (возмущенно). Это вы мне говорите, Кенгуру?

КЕНГУРУ. Нет, что вы — это я своему кенгуренку. Ну вот, опять из сумки выглядывает! Вот тебе, непоседа, вот тебе, будешь еще не слушаться?

ЧЕЛОВЕК. Зачем же вы его бьете, Кенгуру? Оплеуху — такому маленькому...

КАШАЛОТ. Послушайте, Кенгуру, мы боремся и мы... осуждаем физические наказания.

КЕНГУРУ. Так я же совсем легонько! Да и не такой уж он маленький — почти восемь месяцев, скоро из сумки выходить начнет. Мне очень понравилось выступление Утки-Гетеронетты. Ведь у нас, зверей, такие же два разных подхода к воспитанию, как и у птиц. У одних детеныши рождаются слепыми и беспомощными, скажем...

ГЕПАРД. ...скажем, почти у всех кошачьих, в том числе и у нас, Гепардов... вот только львята рождаются зрячими, но все равно беспомощными.

КЕНГУРУ. А в Австралии пошли еще дальше. Вы ведь знаете, у нас почти все млекопитающие сумчатые.

СТРЕКОЗА. Все такие сумчатые-сумчатые!

КЕНГУРУ. Ну да: белки сумчатые, куницы сумчатые, маленькие медведи коала сумчатые... Конеч-

но, это никакие не белки, не куницы и не медведи — они только внешне похожи на своих тезок с других материков. Кстати, между нами — коала носят детенышей на спине. Это, конечно, дело вкуса, никто не принуждает носить их на животике, но если встать на точку зрения... О чем это я? Ах да, на острове Тасмания есть даже сумчатый волк и сумчатый дьявол. Правда, он больше похож на бобра, чем на дьявола.

СТРЕКОЗА. А... а люди там тоже сумчатые?

Колокольчик.

КАШАЛОТ. Я бы попросил вас не отвлекать выступающих, Стрекоза. Продолжайте, уважаемая Кенгуру.

КЕНГУРУ. Я хочу сказать, что наши детеныши рождаются не только голыми и слепыми, но и совсем крошечными. Это, в сущности, еще зародыши. Вот я, видите, ростом почти в два метра... я ведь испанская Кенгуру. А мой сыночек, когда родился, был сантиметра три в длину, не больше, у него даже задних ножек еще почти не было. Но он сам до сумки добрался, залез в нее, с тех пор там и сидит — и вон какой вымахал. Вы знаете, однажды...

Кенгуру внезапно делает огромный прыжок, а затем скачками убегает с поляны.

УДИЛЬЩИК. Ого! Вот это прыжок!

КАШАЛОТ. Куда же вы, Кенгуру? Почему она усккала?

На поляну вбегает Собака. Она принюхивается к земле.

ЧЕЛОВЕК. Смотрите, Собака — настоящая гончая! Всё ясно — Кенгуру испугалась гончей: ведь ее злейший враг — дикая собака Динго, поэтому она ужасно боится всех собак.

Собака начинает кружить вокруг пенька, не отрывая носа от земли.

УДИЛЬЩИК. Три круга... четыре круга... семь... десять... Похоже, что гончая состязается по бегу сама с собой! Не сделать ли небольшой репортаж?

КАШАЛОТ. Я не понимаю, дорогой Человек, что здесь происходит? Почему она носится по кругу? Вылетела на поляну, ни с кем не поздоровалась... Она случайно... э-э... не бешеная?

Человек замечает сидящего на пеньке Зайчонка.

ЧЕЛОВЕК. Успокойтесь, милый Кашалот, Собака вполне здорова — просто ей сейчас не до нас. Посмотрите-ка внимательно в центр круга — что вы там видите?

КАШАЛОТ. Пенек...

ЧЕЛОВЕК. А на пеньке?

КАШАЛОТ. Зайчонок! Но как он туда попал? Непостижимо! Зайчонок, иди сюда, не бойся — здесь, в КОАППе, тебя никто не посмеет обидеть. Скажи, малыш, как ты попал на этот пенек?

ЗАЙЧОНОК. Ну, как? Я гулял, а эта собака ка-ак за мной погонится, а я ка-ак побегу, а она меня из виду потеряла и ка-ак пошла по следу...

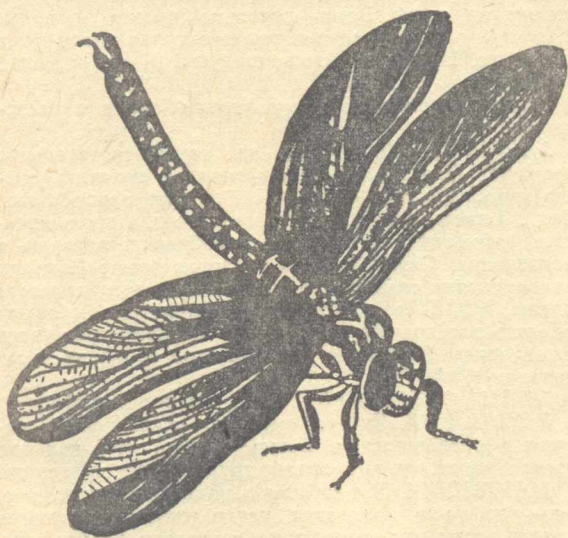
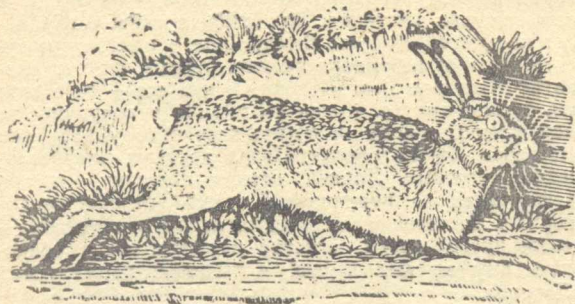
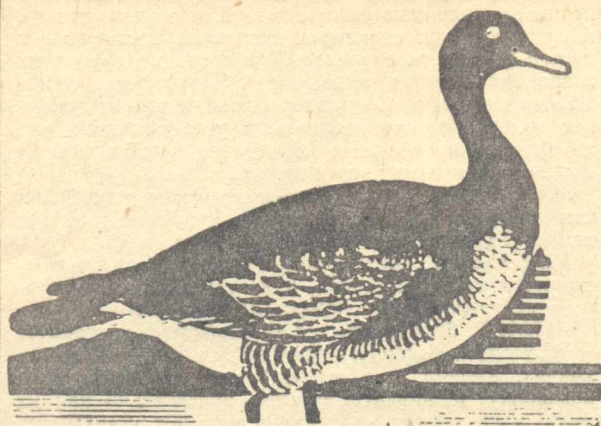
КАШАЛОТ (в восторге). Ух, молодец! Значит, ты ка-ак, потом она ка-ак... Ну, а дальше?

ЧЕЛОВЕК. А дальше Зайчонок увидел подходящий пенек, обежал вокруг него, так что получилась замкнутая окружность — это у зайцев называется «сделать петлю», верно?

ЗАЙЧОНОК. Ага, я ка-ак сделаю петлю, а потом ка-ак прыгну на пенек и сижу тихо-тихо, а она кругом бежит, по моему следу, носом в снег тычется.

МАРТЫШКА. Вот потеха! Зайчонок, а если бы тебе не встретился подходящий пенек, что тогда?

ЗАЙЧОНОК. А я бы тогда все равно сделал петлю, а потом просто в сторону ка-ак прыгнул бы — это называется «сделать скидку» — и сидел бы тихо-тихо.

КАШАЛОТ. Поразительно! Тебя этому мама научила или папа?

ЗАЙЧОНОК. Не-е, я сам. Да это каждый зайчонок знает. И все мои братья и сестры умеют. А знаете, сколько их у меня? Двенадцать, во сколько! Двое настовиков — они в марте родились, по насту бегали, семеро летних и нас, листопадников, четверо... Мы в октябре родились, когда листопад был. Нам уже два месяца.

ЧЕЛОВЕК. У-у, да ты совсем большой, через месяц тебя и от мамы не отличишь!

МАРТЫШКА. А где же твоя мама?

ЗАЙЧОНОК. Не знаю. Мы ее три раза видели. Мама нас как родила, сразу покормила молоком, а молоко жирное-жирное, вкусное-вкусное! Потом велела тихо сидеть и нигде не убегать, а сама как прыгнет в сторону — на целых три метра, чтобы нас по ее следам никто не нашел. Через два дня мама нас разыскала, опять покормила и убежала. Потом еще раз прибежала, а больше мы ее не видели. Один раз нас чужая тетенька-зайчиха покормила.

МАРТЫШКА. И это всё? Ты ведь, бедняжка, наверное, был голодный?

ЗАЙЧОНОК. Не-е, мне хватало — на десятый день мы уже травку ели, а потом кору.

УТКА-ГЕТЕРОНЕТТА. Вот вам еще одно подтверждение моих слов! Вот результат безответственности — бросают детей на произвол судьбы...

КАШАЛОТ. Да, да, вы правы, Утка-Гетеронетта.

УДИЛЬЩИК. У меня блестящая идея, дорогой председатель! Утка-Гетеронетта, станьте под пенком, а ты, Зайчонок, вот здесь... Получится потрясающий кадр: безнадзорное заячье дитя и образцовая утка-мать, любовно склонившаяся над своими утятами... Где ваши утята?

УТКА-ГЕТЕРОНЕТТА. Мм-м... Видите ли... Я... Они...

К кооповцам решительно приближается Кукушка.
КУКУШКА. «Они, они»... Слушайте ее больше. Да она своих утят и в глаза-то не видела!

КАШАЛОТ. Вы... вы отдаете себе отчет в том, что говорите? Клеветать здесь на эту самоотверженную мать... Неслыханная дерзость! У меня нет слов...

КУКУШКА. Ну, и хорошо, что нет слов. А то я такого уже наслушалась, что и повторять стыдно. Сколько уж меня на такие вот родительские собрания вызывали, и каждый раз одно и то же. Сначала кто-нибудь расскажет о пеночках, мухоловках и о прочих мелких птичках — как они, бедняжки, напрягая силы, выкармливают кукушонка, который выкинул из гнезда их собственных птенчиков. Потом все по очереди гневно меня обличают... долго и нудно перечисляют все сто пятьдесят видов птиц, в чьи гнезда кукушки яйца подбрасывают. Покажут мне голубое яйцо и грозно спрашивают: это чье? Я говорю — дрозда. Нет, говорят, кукушкино это яйцо, под дроздовое подделала. Потом покажут светлое с розовым пятнышком: а это чье? Лесного конька, говорю. Нет, говорят, это другой кукушки. Потом белое, круглое, как шарик, дают: а это? Это дятла, говорю. Но оказывается, это третьей кукушки. И так до вечера. В конце концов с меня требуют дать слово, что я исправлюсь. И тут я вывожу своих кукушат, которых сама выходила, выкармила, — вот, мол, смотрите: не все кукушки детей бросают! Ну, они ах да ох, как же так... ошибочка вышла... Ну, что ж, идите, говорят. И хоть бы раз кто извинился!

КАШАЛОТ. Подождите, подождите... Как же так? Ведь вы Кукушка? Кукушка. Значит, должны детей бросать!

КУКУШКА. Вот-вот... Один на какой-то комиссии тоже мне сказал: вы, говорит, какая-то ненормаль-

ная Кукушка, вы в нашу схему не укладываетесь и всю отчетность нам портите. Какое-то клеймо на нашем кукушкином племени, а почему? Потому что полсотни северных кукушек детей своих знать не хотят... Но ведь кукушек-то больше ста тридцати видов, и мы, которые в тропиках живем, сами своих детей воспитываем! Почему же тогда всех уток не считают плохими матерями? Вон Утка-Гетеронетта свои яйца журавлям, чайкам да болотным курочкам подбрасывает, а то и другим уткам...

КАШАЛОТ. Но... но ваше заявление голословно... Где у вас доказательства?

КУКУШКА. Ах, доказательства? Вот, пожалуйста, — смотрите!

Коапповцы замечают ковыляющего по полю Утенка.

СТРЕКОЗА. Ой, какой Утеночек, какой пушистый!

СОВА. Да он дрожит весь! С чего бы это? Мать-то его где, а, Кукушка?

КУКУШКА. Вот его мать — Утка-Гетеронетта. И как ему, маленькому, не дрожать: она по ошибке яйцо свое в гнездо Сокола-Чиманго подбросила, там Утенок и вылупился...

ГЕПАРД. М-да... недурное общество для Утенка.

КУКУШКА. Гетеронетта нередко ошибается в попытках — ей ведь некогда, надо на очередное родительское собрание спешить, где она держит речь о принципах воспитания и о святом долге матери!

Возмущенные возгласы.

КАШАЛОТ. Гетеронетта, немедленно покиньте поляну КОАППа! Вам здесь не место!

Утка-Гетеронетта уходит.

МАРТЫШКА. Правильно, наш справедливый председатель! Но что нам делать с Утенком?

Сова оглядывает поляну и видит сидящую на дереве Уточку-Гоголя.

СОВА. А вон на дереве какая-то Утка... А-а, это Уточка-Гоголь. Да у нее, кажись, в дупле гнездо... Может, она Утенка приютит?

РАК. Час от часу не легче: Утка, а гнездо на дереве.

СОВА. Послушай, Уточка-Гоголь, не возьмешь ли на воспитание Утенка — сироту при живой-то матери?

УТОЧКА-ГОГОЛЬ. Почему не взять? У меня своих вон сколько, еще один не помешает. Вот только сейчас слечу на землю, утят своих позову. *(Слетает вниз и садится под деревом).* Эй, малыши, прыгайте сюда!

Утята один за другим выпрыгивают из дупла и опускаются на землю.

МАРТЫШКА. Что вы делаете, Утка-Гоголь... Оставите их! О-о-о! Они выпрыгнули!

УДИЛЬЩИК. С десятиметровой высоты! Да она преступница! А мы хотели ей Утенка отдать!

РАК. Судить ее надо, негодную.

СОВА. Другие птицы детей своих спасают... Вальшнеп вон при лесном пожаре птенцов почти что из огня выносит — в лапах подымает да и летит с дитем своим... А эта своих же птенчиков погубила. Да что же это будет? Не иначе — светопреставление, прости господи! Кашалот, что ж ты-то молчишь?

КАШАЛОТ. У меня опять нет слов...

УТОЧКА-ГОГОЛЬ. Да вы что — с ума все поскодрили? Я ведь в гнезде только яйца насиживаю, а как птенцы вылупятся, всегда сразу же их вниз зову. И меня когда-то моя мать позвала — я и спрыгнула. И не только мы, гоголи, — все утки, у которых гнезда на деревьях, так делают — мандаринки, кряквы, лутки... Как же иначе выводок на землю спустить и до воды с ним добраться? Хорошо еще, если дерево над водой, тогда птенцы прямо в воду прыгают, но ведь не всегда так бывает.

ЧЕЛОВЕК. Друзья, я могу подтвердить слова Уточки-Гоголя. Несколько лет назад одна утка-гоголь из Московского зоопарка соорудила гнездо на карнизе десятиэтажного дома. Как только птенцы вылупились, они спрыгнули прямо на мостовую — и ничего с ними не случилось. Утка тут же повела их в зоопарк — прямо через улицу. Я это видел собственными глазами. Собралась большая толпа, движение транспорта остановилось, а утка как ни в чем не бывало направилась к ограде, прошла между прутьями и повела утят к пруду.

МАРТЫШКА. Так, значит, и эти уята живы? А я так испугалась... Нет, я должна убедиться своими глазами! *(Бежит к утятам).*

УДИЛЬЩИК. *(испуганно).* Не подходите, не подходите к ним, Мартышка, а то уята пойдут за вами и не признают Уточку-Гоголя матерью!

ГЕПАРД. Любопытно... А за мной они тоже пойдут?

ЧЕЛОВЕК. *(смеется).* Они пойдут за первым, кого увидят, Гепард... но только если он будет идти вразвалку и кричать: причем обязательно как их мать: ведь утки разных видов крикают по-разному. Польскому ученому Веселовскому это удалось, и уята за ним шли — правда ему пришлось передвигаться на четвереньках. А вот гусята действительно идут за любым движущимся предметом, который первым попадется им на глаза, — такой уж в них заложен инстинкт. Это открыл известный биолог профессор Лоренц. Выведенные в инкубаторе гусята никогда не видели гусыни, первым их, так сказать, знакомым был Лоренц, и что же — куда шел он, туда и гусята. Когда он входил в воду, они за ним плыли, а если он погружался в воду весь, они садились ему на голову. Перед другими инкубаторными гусятами Лоренц двигал подушку — и они всюду шли за подушкой. А галка, которую он выкормил, не признавала никого, кроме профессора, — даже других галок, а когда выросла, стала приносить ему мучных червей и пыталась кормить ими Лоренца.

МАРТЫШКА. Нет, нет, я не хочу, чтобы меня кормили мучными червями и садились мне на голову! Нет уж, пожалуйста, Утка-Гоголь, ведите своих утят сами!

УТОЧКА-ГОГОЛЬ. На этот раз я их не поведу, а повезу на спине. Здесь довольно далеко до воды. Мы, утки-гоголи, всегда в таких случаях возим утят на спине. Ну, забирайтесь, шалуны! И ты малыш, забирайся.

Утята залезают на спину Уточки-Гоголя и рассаживаются там.

КАШАЛОТ. Не правда ли, какое трогательное зрелище? А я ни разу не догадался покать своего кашалотика на спине... Надо будет попробовать. Так... Теперь, когда Утенок пристроен, можно зачитать резолюцию родительского собрания, которую я подготовил. Слушайте, это касается всех: «В целях недопущения случаев педагогической запущенности члены КОАППа и все другие животные обязаны уделять воспитанию своих детей не менее трех часов ежедневно». Закрываю родительское собрание и заседание КОАППа.

ПТИЦА-СЕКРЕТАРЬ. Коапп, коапп, коапп!

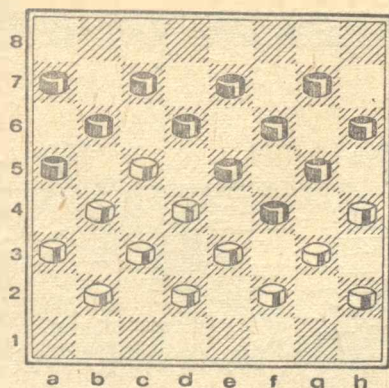
УДИЛЬЩИК. Знаете, коллеги, очень, очень разумное распоряжение. Боюсь только, что, как это часто бывает, его выполнение трудно будет проверить.

МАРТЫШКА. Вы забыли о родительском комитете — уж он-то проследит, какие животные уделяют своим детям внимание, а какие совсем не уделяют.

РАК. И если кто не так — сообщит куда следует.

КАШАЛОТ. Что значит «куда следует», Рак? Разумеется, в КОАППа!

раз, два — и в дамки!

ЧТО-ТО УЖАСНОЕ

Семен Петрович во всем подражал своему начальнику. И даже когда играл с ним в шашки, брал себе черные, чтобы копировать его ходы. И вот вчера...

Сели они за шашечную доску. — Инициатива пусть будет ваша, — как обычно, произнес Семен Петрович, отдавая начальнику белые. А когда тот сыграл 1. g3—h4, он немедленно скопировал, ответив 1. ...b6—a5.

Так они сделали еще несколько ходов — начальник проявлял «инициативу», а Семен Петрович повторял его ходы.

2. e3—d4 d6—e5 3. a3—b4 h6—g5 4. b4—c5 q5—f4 5. b2—a3 q7—h6 6. a3—b4 h6—g5.

Затем «инициатива» выразилась в ходах 7. f2—e3 и 8. q1—f2, которые сопровождалась ответами 7. ... c7—d6 и 8. ... b8—c7.

Если бы Семен Петрович уже сейчас мог предвидеть, что произойдет дальше, он бы крепко задумался, прежде чем сделать эти ходы, и, может быть, пошел бы совсем по-иному. И тогда не вышло бы то, что вышло. А вышло вот что.

Начальник сыграл 9. f2—g3, а Семен Петрович снова повторил 9. ... c7—b6. Повторил и сразу понял: случится что-то ужасное! Он дернулся переменить ход, но встретил такой взгляд, что рука застыла в воздухе. Партия продолжалась. И если вы разыгрываете ее на доске, то сами видите, что ужасное теперь неизбежно, что оно наступит независимо от воли игроков!

Когда были сделаны еще четыре хода, получилось положение, приведенное на диаграмме. Начальник тщательно оглядел доску и грозно спросил:

— Кому ходить? А?

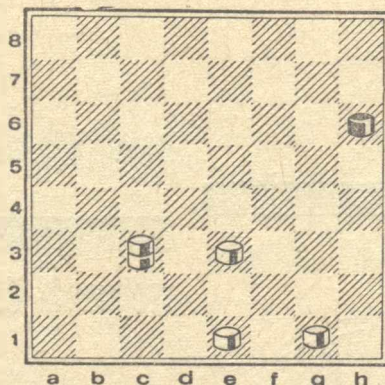
— В... в... вам, — пролепетал,пуская последний шанс, Семен Петрович.

Ничего больше не сказал его начальник, а только побавровел и встал. И Семен Петрович ничего не сказал, а только побледнел и встал. Так и разошлись молча. Что же теперь-то будет?!

А к вам просьба. Не считайте, что мы показывали тут, как правильно играть в шашки. Наоборот: не играйте так в шашки!

Отдел ведет заслуженный тренер СССР
Ю. БАРСКИЙ

как решают задумки

В шашках издавна известны этюды, концовка, задача. А недавно появился новый оригинальный жанр — задумка. Что это такое? Задумка — позиция с необычным, занимательным и забавным заданием. Перед задумкой равны все любители шашек — и мастер и новичок. Чтобы ее решить, нужны не теоретические познания, а только смекалка.

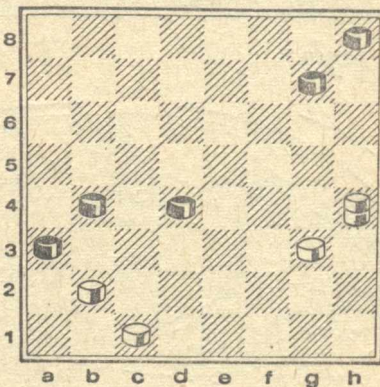
Перед вами задумка. Задание: белые делают ничью. Не странно ли? Ведь у них явный выигрыш... Но дело-то в том, что белые выиграть не хотят! Однако и проигрывать не желают. Хотят только ничью.

Черные из упрямства не согласны на ничью. Их девиз — пан или пропал! Ничьих они не признают.

Как же тут белые добиваются ничьей против желания черных? Вот как: 1. c3—e5! h6—g5 2. e5—f4 q5—h4 3. f4—h6! h4—g3 4. q1—f2 (белые не позволяют черным поддаться своей шашке и проиграть) 4. ... q3—h2 5. h6—g5! h2—g1 6. q5—f4 q1—h2 7. f2—g3 h2—g1 8. e1—f2 q1—h2 9. e3—d4 h2—g1 10. f4—e3 q1—h2 11. e3—f4, и черные вынуждены вечно ходить по полям q1 и h2. Ничья!

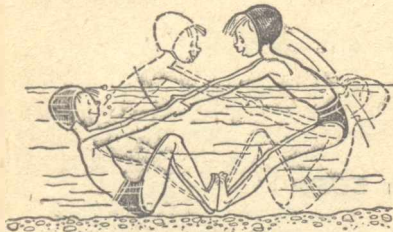
найдите выигрыш!

Это предлагает сделать Сережа Петухов — ученик 9-го класса 54-й школы города Канаша. Позиция на диаграмме — одно из его первых шашечных произведений. Дайте ему оценку. Ход белых. У них дамка, но черные угрожают пойти b4—c3 и тоже приобрести дамку. Как же белые обезвреживают эту угрозу и выигрывают?

игры и забавы на воде

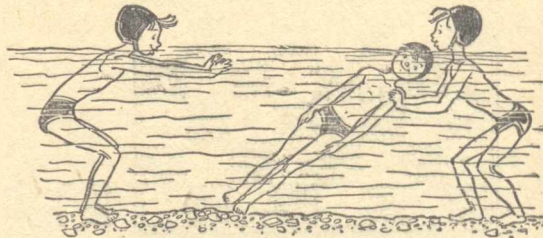
качалки

Проводится эта игра там, где вода по пояс. Участники садятся на дно, подают друг другу руки и упираются ступня в ступню.

Один вдыхает в себя воздух и опускает голову под воду, откидываясь назад. Руками он старается приподнять своего партнера. Тот, чуть приподнявшись, вдыхает воздух в себя и сам садится, приподнимая партнера, скрывшегося под водой, наверх. Тот в свою очередь, выдохнув под водой набранный воздух, приподнимается, снова делает вдох и затем опускается под воду, чтобы приподнять своего товарища.

метроном

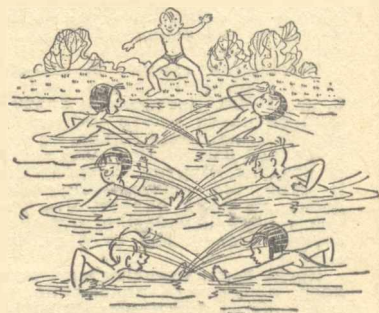
Эта очень забавная игра годится для того, чтобы юные купальщики освоились с водой. Для этого два более подготовленных или старших участника игры становятся друг против друга на расстоянии примерно одного метра, а между ними стоит, опустив руки, третий. Он должен выполнять роль стрелки метронома. Не сгибая ног, падает на стоящего слева. Тот подставляет руки и отталкивает его и другому, тот в свою очередь. Каждый раз, качаясь, «метроном» может с головой уходить под воду.

удочка

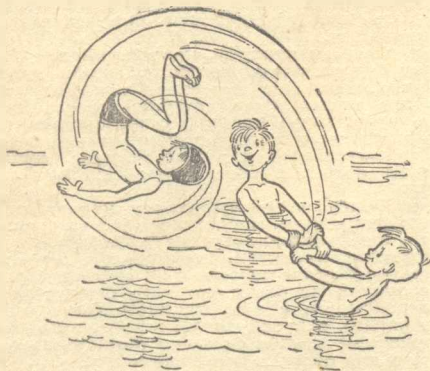
На земле эта игра проводится так: водящий, стоящий в центре, раскручивает мяч, подвязанный к бечевке, а расположившиеся по кругу игроки подпрыгивают, иначе «удочка» их подсечет. Тот, кого задел мяч, становится водящим. На воде мяч не пропустишь под ногами купающихся. Поэтому мяч пускают над головами стоящих в воде участников игры. Выходить из круга, очерченного длинной бечевкой, нельзя. Но спастись все-таки можно — когда мяч идет над головой, надо окунуться, а затем встать. Если сделать это умело, мяч тебя не заденет. Водящий может ускорять или замедлять темп вращения мяча. Кто попался, тот водит.

морской бой

Любимое развлечение купальщиков — обрызгивать друг друга водой. Учить этому никого не надо — даже малышам. Часто устраивают не поединки, а настоящий морской бой! Команды располагаются в две линии перпендикулярно к берегу. По сигналу «Огонь!» они сближаются, обдавая друг друга брызгами. Кто отвернулся или отступил — выбывает из игры.

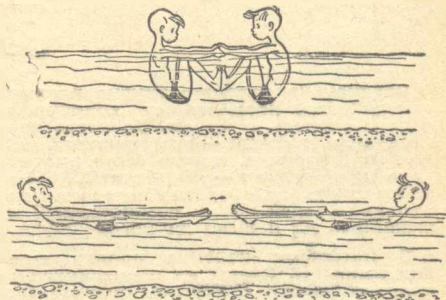
лягушки

Двое образуют живой трамплин, а третий становится им на руки, чуточку приседает и затем по команде: «раз, два, три!» взлетает вверх, делает как бы кувырок и уходит в воду, точно лягушка.

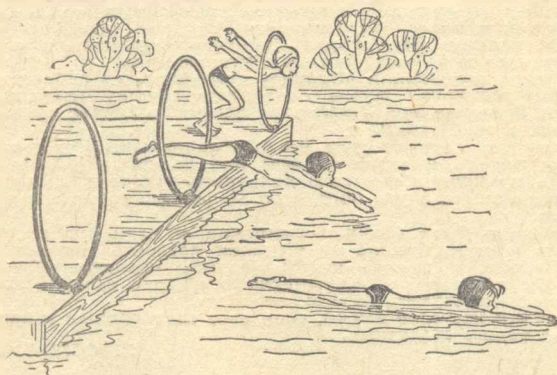
Мы уверены, что эта игра привлечет многих любителей окунуться в воду с такого живого и веселого трамплина.

торпеды

В этой плавательной игре одновременно участвуют пары пловцов, которые берутся за руки, как показано на рисунке, упираются друг в друга ступнями и держатся руками. По команде они отпускают руки и скользят торпедами в противоположные стороны. Кто сумел дальше проскользнуть, тот победил.

стрелы

Участники игры становятся на край плоты и по команде «Марш!» прыгают в воду, выкинув вперед руки и погрузив лицо в воду. Такой прыжок и скольжение в воде стрелой показаны на рисунке. Это один из любимых приемов тренировки в искусстве скольжения по воде. Тренеры рекомендуют считать победителем того, кто проскользит по воде стрелой дальше всех.

Во время праздников на стартовом плотике можно закрепить 6—8 цветных пластмассовых спортивных обручей — пловцы прыгают в воду сквозь них.

водяные жмурки

Эта игра родилась в бассейнах Англии, но вскоре завоевала признание во многих странах Европы и США. Участники игры вместо обычных купальных шапок надевают цветные колпаки, которые закрывают глаза пловцов. Водящий в обычной купальной шапочке, в руках у него колокольчик. Одновременно участвуют в игре 20—30 пловцов. Все они вслепую стараются поймать «звонаря». Если это удастся, «звонарю» надевают колпак, закрывающий глаза, а тот, кто его поймал, становится «звонарем».

С. ГЛАЗЕР,
мастер спорта СССР

СКВОЗЬ ТОЛЩУ СТОЛЕТИЙ

Подпись на портрете трудно различима, лак, покрывающий его, потемнел от времени, и надпись почти совсем слилась с фоном. Но когда картина еще только поступила в музей — она приехала в Москву в 30-х годах из Эрмитажа, можно было прочитать в левой стороне над плечом — «Rembrandt. 1654». Ни на самом портрете, ни на оборотной стороне холста не оказалось никаких следов имени позировавшей художнику старой женщины. Да и было ли когда-нибудь указано это имя?

В Петербург картина попала еще в царствование Екатерины II. Одним из посредников царицы она была куплена вместе с другими в Дрездене на распродаже коллекции графа Брюля. В эрмитажных каталогах она стала называться по-разному: иногда ее именовали просто «Портрет старушки», потом кому-то из хранителей пришло в голову, что это мать Рембрандта, еще позднее ее стали подписывать «Жена брата художника». Были приведены доказательства, что портрет этот парный к другому — портрету старика в берете, в котором узнавали родного брата Рембрандта — сапожника Адриана. В настоящее время подвергнуты серьезному сомнению все существовавшие версии. Мы не знаем, кто эта женщина со скорбным лицом, написанная мастером в один из самых высоких моментов его творчества. Да и хотел ли сам художник, чтобы это было известно?..

1654 год. Рембрандт живет в собственном доме в Амстердаме. В последнее время, особенно после смерти Саскии — любимой жены художника, — за домом утвердилась недобрая слава. Может быть, потому, что не только среди соседей, но и среди тех, кто именовал себя другом, коллегой или учеником, не было никого, кто мог бы понять его странности, объяснить сумасбродства, кто мог бы проникнуть в мир его творений. А ведь там, в этом мире, художник выражал себя с поражающей нас теперь откровенностью и непосредственностью.

Иногда Рембрандта не видели в городе месяцами. Потом он вдруг появлялся на распродаже картин и неожиданным своим участием невероятно взбивал цены. Можно было подумать, что деньги у него не знают перевода. Встречали его и в лавках менял и торговцев драгоценностями. Забывшись, он часами перебирал восточные драгоценности, ткани, различные диковинки. Вечером мальчишка, навьюченный тюками с покупками, еле поспевал за ним к дому. Рассказывали, что и дом свой он превратил в нечто похожее на лавку древностей. В его кабинете рядом с подлинным Рафаэлем и мраморными античными головами стояли индийские сосуды, фарфоровые китайские фигурки, морские раковины, а в мастерской на стенах были развешены луки и стрелы, пращи, индийские боевые дубинки, старинные панцири, шлемы. А шкафы — с причудливыми нарядами, драгоценностями... Мало что и знал, что в это время долги Рембрандта достигли невиданной суммы и через два года — в 1656 году — дом пошел с молотка, а автор «Ночного дозора», «Данаи», прославивших его

в Европе офортов, оказался выброшенным на улицу. Но пока этот «нищий искатель богатства», «угрюмый гений» сумасбродствовал и работал, ощущая необычайный прилив энергии.

1654 годом помечены пять портретов, по случайной случайности оказавшихся в собрании Эрмитажа и Государственного музея изобразительных искусств имени Пушкина. Все это портреты стариков с лицами мудрыми и отрешенными, в простом и даже бедном платье. По силе духовного выражения трудно найти им равные, с точки зрения правдивости они поражают искренностью интонации.

Этим же годом помечен портрет, находящийся в Амстердаме, портрет бургомистра, мецената, якобы друга Рембрандта — Яна Сикса. Нас поражает одна подробность. Сиксу в это время было тридцать шесть лет. На портрете же перед нами человек с немолодым обрюзгшим лицом и усталым сосредоточенным взглядом. Случай весьма удивительный для портретиста, пишущего на заказ: он составил свою модель по крайней мере лет на десять.

По-видимому, к Рембрандту-портретисту нельзя подходить с теми мерками, с теми представлениями, которые сложились у нас о художнике-портретисте вообще. Передать внешнее сходство, характер, индивидуальные особенности, оставить времени и потомкам живой образ современника — эта задача не была для него самодовлевающей. Он был художником с необузданной фантазией, сумасбродом и в жизни, и в искусстве, и только со временем в его творческом методе открыли поразительную логику, и тогда его дар окрестили «пророческим».

...Намеренно составил Сикса, с увлечением и страстью работал над образами стариков. Преследовали ли художника мысли о собственной старости? Ему было в это время 48 лет...

В «Дневниках» Льва Толстого есть такая запись: «В старости отмирают способности, внешние чувства, которыми общаешься с миром: зрение, слух, вкус, но зато нарождаются новые, не внешние, а внутренние чувства для общения с духовным миром — и вознраждение с особым излишком». Не сама по себе старость, не состояние перехода человека в этот возраст, а «нарождение внутренних чувств для общения с духовным миром» — вот что притягивало гений Рембрандта, вот куда были направлены его поиски в 1654 году.

У всех портретов этого времени особенный взгляд. Он не обращен на зрителя в светлом желании остановить его, задержать его внимание целиком. Он обращен внутрь, в себя, «в уединенные души». Из мерцающей тьмы, обволакивающей фигуры и лица, потайной фанарик художника как бы выхватывает, реализует мир высшей духовности. Доброты, прошедшей испытание временем и страданием, мудрого воспоминания, нарастающего запаса человечности. Недаром очень остро чувствующему Рембрандта Ван-Гогу чудилось в его портретах что-то «светозное и утешающее».

По силе выражения «Портрет старушки» из собрания Государственного музея изобразительных искусств имени Пушкина представляется одним из самых законченных в этой серии.

Думается, портрет этот не был заказным. Художник нашел модель, которая помогла ему выразить себя, выразить мучившую его идею духовного человека. Ее имя так мало значило для него, едва ли он проставил его на холсте.

Женщина была бедна и смиренна, и если она позировала мастеру, то не из желания оставить потомкам свой образ, а просто чтобы угодить человеку. Даже если бы это полотно принадлежало ей, она едва ли захотела бы начертать на нем свое имя.

Да и что нам в ее имени, если этот свет прошел к нам сквозь толщу столетий?..

Л. ОСИПОВА

Главный редактор Л. М. ИВАНОВА. Редакционная коллегия: Е. И. ВОЛКОВА, С. А. ГУРЕВИЧ, Н. П. КУЗИН, Б. В. ИГРИЦКИЙ, Р. А. КУРБАТОВА, Т. В. МАТВЕЕВА, Р. М. РОГОВА, П. К. ХОЛМОГОРЦЕВ, О. Э. ЧКАЛОВА, М. Ф. ШАБАЕВА, Л. А. ШНАЙДЕР.

Оформление номера Юрия Колюшева

Рукописи и фотоснимки не возвращаются.

Литературных консультаций редакция не дает.

Издательство «Педагогика» Академии педагогических наук СССР и Комитета по печати при Совете Министров СССР.

Адрес редакции: Москва, Г-117, Погодинская улица, 8
Телефоны редакции: 245-03-73, 245-12-14, 245-23-69

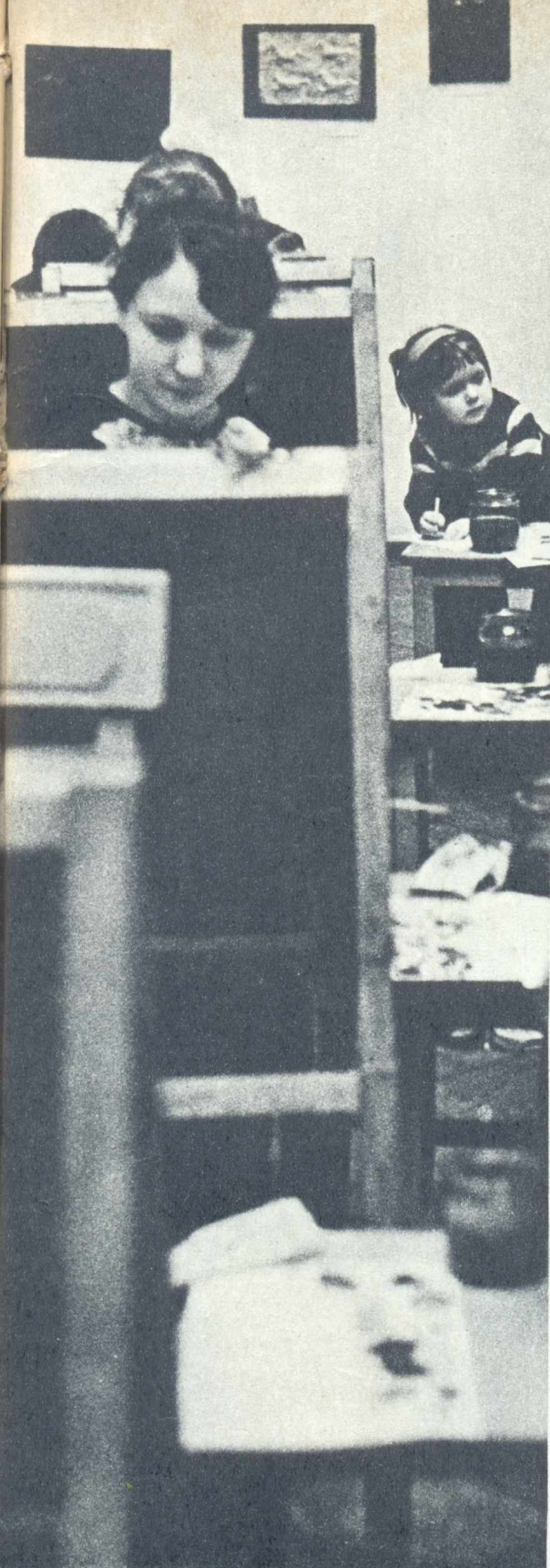
Подписано к печати 12/IV-1970 г. А03746. Тираж 1 647 010 (1—700 000) экз. Зак. 1110. Бумага 84×108/16. Печ. л. 4+вкл. 0,25 (6,72+вкл. 0,42) Уч.-изд. л. 10,51.

Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 1 «Печатный Двор» имени А. М. Горького Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР, г. Ленинград, Гатчинская ул., 26.

Обложка и вкладка отпечатаны в Ленинградской типографии № 3 имени Ивана Федорова, Звенигородская, 11.

*На международной
выставке
детского рисунка
в Москве*

*На последней странице обложки:
Сиймо Рээт, 8 лет (Советский Союз). Оркестр.
Боря Лыиков, 8 лет (Советский Союз). Только вперед!*

Цена номера 25 копеек

70909

